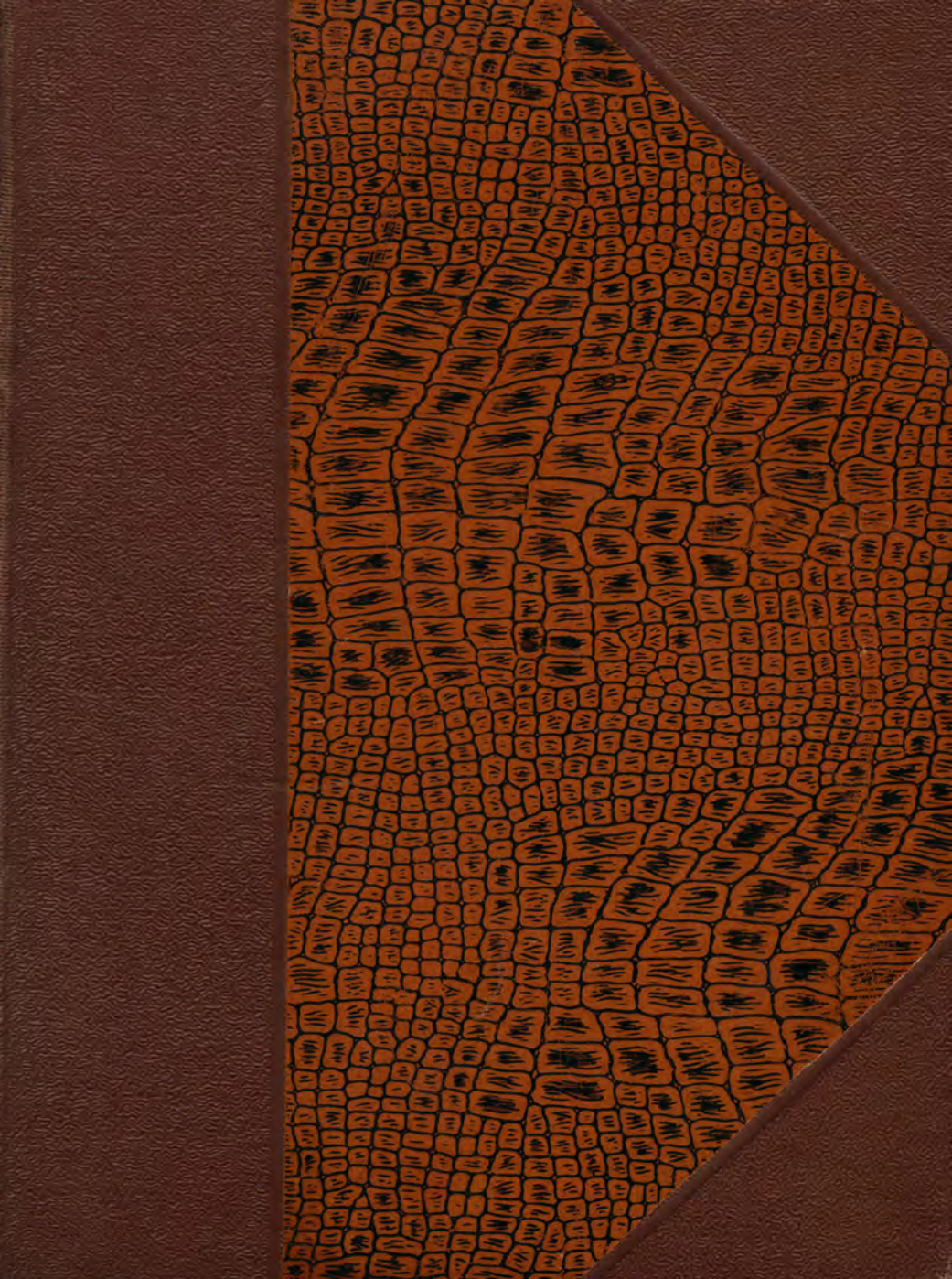
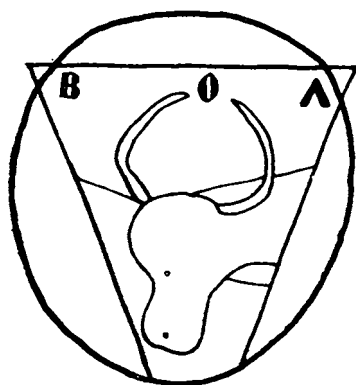

АЛЕКСЪЙ РЕМИЗОВЪ

О Л Я

ИЗД. ВОЛ

ПАРИЖЪ

1927

ПРОБЛЕМА
3
С.Н. ДОБРАЯ
ЕМУ ОБОИ ДОБРАЯ
L L

ВЪ ПОЛѢ БЛАКИТНОМЪ

ДОМЪ СЪ БѢЛЫМИ БАШНЯМИ

Въ Ватагинѣ и черезъ Ватагино ходило много странниковъ — двѣ дороги черезъ село: одна на Кіевъ, другая на Черниговъ.

Странники ночевали у Ильменевыхъ.

Александръ Павловичъ велѣлъ всѣхъ принимать: была такая комната въ домѣ, гдѣ стояли лавки и разбитые шкапы, — тутъ кормили и поили странниковъ, тутъ имъ и ночлегъ былъ.

По селу ходилъ юродивый Карлъ Карловичъ, страшный, весь будто въ щетинѣ, — Оля его боялась: Карлъ Карловичъ что-то говорилъ про Олю, но понять ничего нельзя было, а ея брата Мишу не иначе называлъ, какъ «служителемъ Дворянской опеки», и смѣялся, длинно высовывая языкъ.

Шаталась еще Штунья — бродяжка; ее почему-то въ домъ не пускали.

Передъ Пасхей Оля потихоньку давала ей кулича.

Штунья на дурномъ счету: говорили, что бродяжка портитъ.

Наталья Ивановна, кормившая грудью Таню — младшую сестру Оли, проходя какъ-то по саду, замѣтила на дорсжкѣ свертокъ, перевязанный ленточкой, подняла его, развернула, а тамъ на бумажкѣ — кровь. И на другой же день захворала: пять нарывовъ одинъ за другимъ появилось на груди.

Бумажка съ кровью, бросаемаая «на примку» — сильная порча, и отъ нея много страдаютъ.

Должно быть, въ чемъ-нибудь таксмъ и подозрѣвали бродяжку Штуню.

Немало случалось на селѣ нечистыхъ дѣлъ и ватагинскій батюшка о. Евдокимъ то-и-дѣло на всходахъ и въ колошенье раскручивалъ крестомъ закрутки, отчего дохода получалось немало.

Не пускали въ домъ и глухонѣмого Микиткузмѣю, который, однако, всегда ухитрялся пробраться подъ окна: Микитка угрожающе мычалъ, показывая то на землю, то на грудь себѣ, то на небо.

Жутко было смотрѣть: такъ былъ онъ зловѣщъ и ужасенъ.

Какъ-то въ дождь прогнали его со двора. А онъ все не уходитъ, стоитъ у забора, воетъ.

Страхъ охватилъ Олю, ей почудилось: непременно сдѣлаетъ онъ имъ недоброе и вотъ теперь же, когда такъ воетъ, показывая на землю, на грудь и на небо.

Несмотря на дождь, Оля вышла изъ дому и дала нѣмому пятнадцать копѣекъ, — нѣмой отошелъ.

— Куда это ты ходила? — строго спросила Наталья Ивановна.

— Я такъ, погулять, — отвѣтила Оля, и хотя платье было мокро и ноги промокли, Оля такъ это сказала и такъ смотрѣла, что Наталья Ивановна даже не побранила.

Кромѣ Штуньи и глухонѣмого Микитки всѣхъ пускали.

Всего только разъ отказалъ Александръ Павловичъ какому-то нищему, и случилось это въ Рождество Богородицы — въ храмовой ватагинскій праздникъ.

Памятенъ этотъ день Олѣ.

Послѣ обѣда Оля съ Мишей сидѣли подъ скороспѣлкой и упало яблоко. Оля обрадовалась, подхватила яблоко и бѣжать въ домъ съ диговинкой: скороспѣлки снимаютъ въ юнѣ, а въ сентябрѣ это большая рѣдкость. Но на пути вырвалъ Миша изъ

рукъ Оли яблоко и сталъ всѣмъ хвастать, что вотъ онъ нашелъ какую невидаль! И какъ Оля ни увѣряла, что это она первая замѣтила и первая ухватила яблоко, Олѣ никто не повѣрилъ, — Мишѣ всѣ вѣрили.

По лѣтнему подымалась гроза, сильно темнѣло и было тихо, какъ только бываетъ тихо передъ сильной грозой, и вотъ пришелъ нищій: просится пустить въ домъ! — и ему отказали.

Разразилась гроза.

Оля грозы не боялась и только, подчиняясь матери, должна была всякій разъ хорониться на кровати, закутанная съ головой въ шелковыя платья, но въ эту грозу ей было одиноко и душно.

Александръ Павловичъ долго не могъ успокоиться, очень убивался, что не пустилъ нищаго, — отказалъ человѣку въ грозу и дождь.

Оля и сама жалостливая — желанная, какъ называли ее ватагинскія бабы: не зная, какъ помочь старухѣ Митрихѣ — про Митриху услышала она отъ няньки Фатевны — брала Оля изъ шкапа макароны и носила старухѣ, чтобы та себѣ супъ макаронный дѣлала.

Странники и богомольцы съ каждымъ годомъ все чаще посѣщали домъ Ильменевыхъ. Бывали хорошие — хорошо рассказывали, свѣтло, пѣли заунывные стихи; свѣтъ и тишина входили съ ними въ домъ. Но бывали странные, раскосые — страшно становилось, когда переступали они порогъ стараго дома.

Какъ-то въ ворота постучала монашка.

Провели монашку въ домъ: ночевать просится.

Взглянула Наталья Ивановна, и что-то сразу поднялось у нея — не понравилась ей, не хочетъ пустить монашку.

Александръ Павловичъ вступился:

— Какъ, не пустить? Нельзя: на богомолье идетъ. Такъ и пустили.

Когда отдали монашкѣ самоваръ, чтобы ей на

ночь чаю напиться Оля забѣжала въ странную комнату да скорѣе назадъ.

— Мама, это мужчина!

Наталья Ивановна заперлась съ дѣтьми въ дѣтской и не спала цѣлую ночь.

— Засни, дѣточка!

— Нѣтъ, тамъ монашка ходитъ! — не спала и Оля.

Не спала и монашка — всю ночь проходила по комнатамъ — и чуть свѣтъ ушла.

— Недоброе замышляла эта монашка, — говорила послѣ Наталья Ивановна, — посмотрите, какъ ребенокъ испугался.

Александръ Павловичъ самъ задумалъ пройти на богомолье.

Когда ему было девятнадцать лѣтъ, былъ онъ сильно боленъ, выздоровѣлъ и далъ обѣщаніе — теперь рѣшилъ исполнить обѣтъ.

Съ нянькой Фатевной, не разъ ходившей по святымъ мѣстамъ, да съ ватагинскими и меженинскими стариками и старухами отправился онъ пѣшкомъ въ Кіевъ.

2.

Александръ Павловичъ — худой, высокій, борода длинная бѣлая, а глаза синіе пристальные и, когда улыбается, сразу Олѣ дѣлается весело.

Все время проводить онъ у себя — кабинетъ его рядомъ съ комнатой бабушки Анны Михайловны, его матери, — или читаетъ книги старыя въ кожаныхъ переплетахъ или пишетъ или молится. Иногда же поздно вечеромъ выходитъ онъ въ залъ и тамъ сидитъ одинъ въ темнотѣ. Нигдѣ не бываетъ, ходилъ одно время въ церковь, потомъ пересталъ и въ церковь ходить.

А еще недавно въ Ватагино къ Ильменевымъ

сѣзжалось много гостей и до утра сиживали за картами, — больше не раскрывались ломберные столики.

И только когда дѣти играютъ въ короли или въ рамсъ, въ особенности въ рамсъ, Александръ Павловичъ, если случится ему проходить, всегда остановится и примется помогать, и тотъ ужъ непременно выиграетъ.

Оля любила, когда онъ помогалъ ей, — Оля страсть любить въ карты играть, — но, если не поплутовать, всегда остается въ дуракахъ, а съ вѣрной рукой спокойно — король! — и плутовать не надо.

А какой былъ Александръ Павловичъ когда-то веселый!

Сосѣдка Ильменевыхъ — старая Боровая рассказывала, какъ пріѣзжалъ онъ изъ полка, какіе привозилъ всѣмъ подарки: своей младшей сестрѣ Надеждѣ, бывало, привезетъ двѣнадцать паръ разноцѣтныхъ ботинокъ! А зимой какъ заложить, бывало, огромныя сани, соберетъ всѣхъ сосѣдей и кататься, — съ нимъ не соскучишься. А какъ шутили! И такъ хорошо пѣлъ и такъ рассказывалъ, пѣтуха прослушаешь.

И еще рассказывала Боровая, какъ Наталья Ивановна была влюблена въ Александра Павловича.

Были они въ гостяхъ въ Муженинкѣ: Боровая, сестра Александра Павловича Надежда Павловна и Александръ Павловичемъ женихомъ.

«И какъ возвращаться въ Ватагино, Наталья Ивановна такъ долго прощалась съ Александромъ Павловичемъ, что и метели не было — метель поднялась: едва доѣхали, сбились съ дороги».

Марья Петровна Вольская — двсюродная сестра Натальи Ивановны, по-часту гостившая въ Ватагинѣ, не разъ вспоминала, какъ на балахъ весь вечеръ сидитъ Александръ Павловичъ въ карты играетъ, но лишь заиграютъ мазурку, карты на столъ — въ залъ.

— За Александра Павловича, — говорила, захлебываясь, Марья Петровна, — барышни дрались!

Какъ заиграютъ мазурку, такъ сердце и замреть: хоть бы подошелъ Александръ Павловичъ!

А въ годы своего предводительства какіе рѣдкіе устраивалъ онъ празднества и балы!

Старый съ бѣлыми башнями Ильменевскій домъ бывалъ иллюминированъ — на прудахъ подвижные острова и плавающие вензеля, въ саду освѣщенные аллеи, фейерверки, ракеты, музыка.

«Гости, съѣжавшіеся съ трехъ губерній, — такъ вспоминалось, — то танцовали, то выходили на балконъ любоваться великолѣпной картиной, и тутъ же на балконѣ музыканты и пѣвцы восхищали гостей музыкой и пѣніемъ».

На долгіе годы оставались воспоминанія объ Ильменевскихъ балахъ.

«Говорили, что самъ хозяинъ приготовлялся къ нимъ цѣлый мѣсяцъ, а дамы шили туалеты за два мѣсяца, и можно вообразить себѣ, какъ нарядны, свѣжи и изящны были костюмы!»

Изъ всего, что занимало прежде, оставались однѣ лошади.

Александръ Павловичъ любилъ лошадей: никогда кнутомъ не ударить, а лошади его слушаютъ, — съ ними онъ какъ-то особенно разговаривалъ и заступался.

Оля всегда просить покатать ее, — хорошо, никогда лошади не несутъ, а такъ мчатся, духъ захватываетъ! — и Александръ Павловичъ бралъ ее съ собой и на поле и въ Маженинку къ любимой бабушкѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Александръ Павловичъ рѣдко бывалъ съ дѣтьми.

Играютъ дѣти, выйдетъ, сядетъ въ кресло и начнетъ рукой ловить — тѣ визжать, бѣгаютъ, не даются — и все-таки, и не вставая, онъ всѣхъ переловить.

И почему-то бывало такъ весело, лучше всякой игры.

Оля во всемъ за одно съ Мишей: цѣлыми днями вмѣстѣ въ саду, — въ путешественниковъ играютъ,

строить подь сливой будки изъ досокъ. И только въ одномъ нѣтъ согласія: Оля ходитъ къ отцу въ кабинетъ, а Миша никогда.

А какъ онъ радъ, когда прибѣгаетъ Оля!

Погладить ее по головкѣ:

— Котикъ мой!

И никто такъ не называетъ — никто такъ не ласкалъ Олю — такихъ не говоритъ словъ:

«Котикъ мой!»

Оля присядеть къ нему на ручку кресла, а онъ, поддѣвая себѣ ногтемъ большого пальца ноготь другого пальца — такая у Александра Павловича была привычка — такъ хорошо говорить, никто такъ не говорилъ съ Олей.

Разсказывалъ онъ Олѣ о Христѣ, какъ Христосъ приходилъ на землю, и училъ Олю любить Христа и любить людей.

— И Христосъ тебя будетъ любить и ты будешь счастливой!

А когда Оля передала, какъ нянька Фатевна говорила ей, что Оля не простая, а генеральская дочка, Александръ Павловичъ строго замѣтилъ, что этимъ Оля не должна гордиться.

— Если спросятъ, чья ты дочь, должна отвѣтить просто: дочь честнаго человѣка.

И еще говорилъ онъ Олѣ, что неважно, кто въ мірѣ считается первымъ и кто послѣднимъ.

— Важно, кто у Бога первый.

Иногда Оля заставляла отца съ бабушкой Анной Михайловной за молитвой: они оставляли ее, ставили съ собой и Оля тоже молилась.

Было одно, что никакъ не могъ выносить Александръ Павловичъ — деньги. И всякій разъ, когда рѣчь заходила о деньгахъ, онъ мѣнялся весь, вставалъ и уходилъ.

Однажды, получивъ очень крупную сумму — разсказывали, что это какія-то деньги, которыя давнымъ давно слѣдовало ему получить за крестьянскую

землю, — онъ вернулся изъ города, положилъ эти деньги на столъ и упалъ.

3

Богатъ Ильменевскій домъ, бѣлыми башнями глядитъ онъ за просторныя поля въ широкую степь, пышно дѣдовское убранство — почернѣвшее серебро и тусклое золото, дорогой бархатъ, и безшумные рывые ковры, поблѣвшіе амуры и цвѣты на потолкѣ, тяжелыя люстры, зеркала, старые портреты въ гостиной, въ диванныхъ, въ портретной — крѣпки стѣны и земля подъ ними крѣпка — насиженное мѣсто, а узорные бронзовые часы на каминѣ, не уставая, вотъ ужъ вѣка, отбиваютъ звонко минуты.

— Въ домъ мира нѣтъ, погибнетъ домъ! — нерѣдко говорилъ Александръ Павловичъ.

Какъ-то ночью, когда разговоръ между отцомъ и матерью сдѣлался громче обыкновеннаго, Оля вскочила на балконъ и хотѣла крикнуть: «Люди добрые, помогите!» — думая, что на голосъ ея придутъ и что-то сдѣлаютъ, отчего и уйдетъ это, наполняющее домъ тоской и тревогой. Но не крикнула, не позвала — сама не знаетъ, почему не позвала: или подсказало ей мудрое сердце, что никто, никакіе люди тутъ не помогутъ, — тихонько вернулась въ дѣтскую.

— Въ домъ мира нѣтъ, погибнетъ домъ! — повторялъ Александръ Павловичъ.

Вечеромъ, когда Александръ Павловичъ, проходя по столовой, гдѣ обыкновенно сидятъ дѣти, всѣхъ перекрестить и скажетъ «Христось съ вами» — это означало, что ужъ онъ больше не выйдетъ въ комнаты, а будетъ читать у себя, молиться и пойдетъ спать.

— Спокойной ночи! — сказала Оля, и хотя она привыкла, что только одна она говоритъ, прощаясь съ отцомъ, но въ этотъ разъ ей стало и грустно и одиноко.

Въ эту ночь Оля проснулась отъ шума.

Выбѣжала на крыльцо — на крыльцѣ сидѣла нянька Фатевна — сѣла возлѣ Фатевны.

Нянька рассказала, что Александръ Павловичъ внезапно заболѣлъ, и хотѣли послать за докторомъ, но онъ не позволилъ.

«Если Богъ поможетъ, хорошо, а доктора все равно не могутъ помочь».

— Замѣтила я давно, Олюшка, какъ кротъ землю роетъ!

И старуха замолкла.

А Оля сидѣла и дрожала.

Когда въ домѣ поугомонилось и Фатевна отвела Олю въ дѣтскую, Александру Павловичу стало легче.

— Видите, Наталья Ивановна, я такъ и знала, что это одно представленіе! — услышала Оля, лежа въ кровати: это тетка Марья Петровна, гстившая въ Ватагинѣ.

И Олѣ захотѣлось сейчасъ же встать и крикнуть на весь домъ, сейчасъ же, и чтобы всѣ слышали;

«Неправда! не можетъ представляться, никогда онъ не представляется!»

И не крикнула — не рѣшилась: и почему не рѣшилась? — или подсказалъ ей кто — какое мудре сердце? — что этимъ не поможешь.

Александръ Павловичъ, прохворавшій съ недѣлю, совсѣмъ рѣдко выходилъ въ комнаты, сидѣлъ одинъ у себя, — и вечерами еъ кабинетъ не зажигался свѣтъ.

«Въ домѣ мира нѣтъ, погибнетъ домъ!» — вспоминалось Олѣ и вдругъ она начинала дрожать, какъ тогда ночью, сидя въ одной рубашечкѣ съ Фатевной на крыльцѣ.

4.

Въ Ватагино пріѣхала бабушка Татьяна Алексевна — мать Натальи Ивановны. И хотя часто он

пріѣзжала въ Ватагино и дѣти по-долгу гостили у ней въ Меженинкѣ, пріѣздъ ея — всегда цѣлое событіе.

Татьяна Алексѣевна — бабушка любимая.

Наталья Ивановна постоянно говоритъ дѣтямъ:

— Бабушку любите!

А Оля говоритъ сособенно:

— Тебя бабушка больше всѣхъ любить.

И дѣйствительно, Оля у нея любимица, бабушка все ей позволяетъ и только любитъ, какихъ бы проказъ ни напроказила и какихъ бы чудесъ ни натворила любимая краснощекая сѣроглазая внучка, и заступаетъ, если Наталья Ивановна за что-нибудь сердится на нее.

За то и Оля, какъ уѣзжать бабушкѣ домой въ Меженинку, подымаетъ ревъ на весь домъ.

И бабушка, чтобы Оля не плакала, даетъ ей для забавы двугривенный и много двугривенныхъ — безъ конца! — передать въ крохотную ручку Оли, пока не уѣдетъ и чаще просто обманомъ.

Съ пріѣздомъ любимой бабушки все словно мѣнялось — и день становился краше и ночь будто звѣзднѣе.

Съ утра до вечера не отходили дѣти отъ бабушки, а Оля сособенно.

Александръ Павловичъ, выйдя въ столовую къ чаю, сказалъ, что онъ только что въ гостиную чорта видѣлъ —

— Чорта.

Татьяна Алексѣевна поджала губы — она всегда такъ поджимала губы, когда сердилась.

— Вамъ все черти представляются. Отчего я никогда чорта не видѣла!

— Оттого, что онъ васъ всегда за насъ водить, нечего вамъ ему и представляться, — отвѣтилъ Александръ Павловичъ.

— Лошадей! — закричала, разсердившись, бабушка.

И ужъ какъ ни просила Наталья Ивановна, какъ

ни ревѣла Оля, не послушала, собралась и тотчасъ уѣхала, погрозивъ, что больше ноги ея не будетъ въ Батагинѣ.

И безъ того немирно, жутко стало въ старомъ Ильменевскомъ домѣ.

Все затаилсся, словно у всѣхъ голосъ пропалъ, и только узорные бронзовые часы на каминѣ по прежнему, не уставая, какъ ужъ вѣка, звонко выбивали минуты.

Оля, забившись въ уголь, цѣлыми вечерами плакала.

Горьки были и тяжки слезы: ей жалко было любимую бабушку и мать и отца. И жалѣя, какъ-то по своему сердцемъ чувствовала, что никто не виновенъ: ни бабушка, ни мать, ни отецъ.

«Бабушка — она такая — любимая, мама — ихъ, дѣтей, больше всего любить и больше ей ничего не надо, папа — любить ихъ, но что то и еще любить —»

А что, — и представить она себѣ не можетъ.

Горьки и тяжки были слезы — ничѣмъ не можешь, и помочь нельзя.

— Разрушится домъ, къ которомъ мира нѣтъ! — повторяла, каркая, нянька Фатевна, бродя въ потемкахъ.

И отъ словъ старой сѣдой няньки, вынянчившей всѣхъ дѣтей и самого Александра Павловича, стѣ карка ея и шопота нестерпимо становилось: слезы на глазахъ высыхали, словно сгорая, а оттого еще больнѣе было.

Александръ Павловичъ ѣздилъ въ Меженинку и привезъ бабушку — простила его бабушка.

Одинъ, затворившись, проводилъ онъ ночи и дни у себя.

Только по-прежнему одна Оля прибѣгала къ нему.

И какъ онъ радъ, когда прибѣжитъ Оля.

— Котикъ мой! — скажетъ ей тихо и ласково и ласкаетъ, никто такъ не ласкаетъ ее, и не называлъ такъ:

«Котикъ мой!»

5.

И вотъ среди различныхъ словъ и толковъ Оля однажды услышала непонятное ей странное слово, сказанное про отца:

— Сумасшедшій.

Много думала Оля надъ непонятнымъ и страннымъ словомъ, и изъ прошлаго смутнаго встали передъ ней дни, никогда не забываемые.

Три года назадъ — Оля была еще совсѣмъ маленькая: трехлѣтка — осенью. Натальи Ивановны въ Ватагинѣ не было: отвозила Ирину въ Кіевъ въ институтъ. Дома оставалась съ дѣтьми любимая бабушка. Андрюшка, внукъ Митрихи, цѣлый день каталъ Олю и Мишу на тачкѣ по двору, — очень было весело. На ночь бабушка легла съ дѣтьми въ дѣтской, и, передъ тѣмъ, какъ ложиться, почему-то заперла дверь на крючокъ и еще заставила дверь столомъ и стульями. А среди ночи вдругъ разбудили дѣтей, одѣли и тихонько перевели изъ дому во флигель, — въ концѣ сада. На утро бабушка строго запретила бѣгать въ домъ. Но Оля не послушала и побѣжала.

Заложивъ руки за спину, Александръ Павловичъ ходилъ по залу и что-то говорилъ громко, а у камина подъ часами сидѣлъ какой-то черный господинъ неизвѣстный.

Александръ Павловичъ обрадовался Олѣ.

— Здѣсь Богъ! — сказалъ онъ, подавая Олѣ маленькій, наполненный водой хрустальный пузырекъ изъ-подъ духовъ.

Оля взяла пузырекъ: очень онъ ей понравился, — маленькій граненый съ длиннымъ горлышкомъ.

— Ты знаешь, какъ надс креститься? — Не только такъ — но и такъ!

И, сдѣлавъ крестъ на груди и, перекрестивъ себѣ спину, Александръ Павловичъ вдругъ пристально взглянулъ на Олю и, пораженный, воскликнулъ:

— Ты Иванъ Воинъ!

Тутъ горничная Неонила увела Олю.

Оля слышала потомъ, рассказывали, что Александръ Павловичъ свою мать — бабушку Анну Михайловну, съ крыльца толкнулъ и также толкнулъ няньку съ Леной — Лена еще на рукахъ была, а старую няньку Фатевну вѣнникомъ выгналъ.

Къ обѣду вернулась Наталья Ивановна и дѣтей перевезли къ сосѣдямъ Лупичевымъ: съ дѣтьми и она поѣхала.

У Лупичевыхъ рассказывали, что Александръ Павловичъ бѣгаетъ по двору и на колодезь становится.

Вечеромъ къ Лупичевымъ пришелъ о. Евдокимъ. Наталья Ивановна плакала.

— Батюшка, — просила она, — посмотрите, какъ будутъ связывать Александра Павловича: чтобы не очень крѣпко.

О. Евдокимъ крестилъ ее и повторялъ, чтоба она не беспокоилась.

На слѣдующій день, когда вернулись домой, и вошли въ комнаты — въ комнатахъ все было перевернуто: вся мебель поломана, стекла выбиты, а по полу валялись большія бутылки изъ-подъ деревяннаго масла да золотыя пуговицы отъ мундира.

Наталья Ивановна весь вечеръ плакала.

А Олю занимали красныя тарелочки — привезла ей Наталья Ивановна въ подарокъ изъ Кіева, да тотъ пузырекъ изъ-подъ духовъ: маленькій граненый съ длиннымъ горлышкомъ.

Въ Ватагинѣ осталась жить любимая бабушка.

Ужъ въ концѣ осени Наталья Ивановна взяла Мишу и Олю и повезла въ губернской гсродъ Покидошъ, за семьдесятъ пять верстъ отъ Ватагина:

— Папа васъ хочетъ видѣть.

Въ городѣ, въ квартирѣ доктора встрѣтилъ ихъ Александръ Павловичъ: онъ очень обрадовался, цѣловалъ ихъ и плакалъ.

Зиму прожили одни.

Передъ Пасхой опять начались сборы.

— Поѣдемте за папой, привеземъ домой папу, — сказала Наталья Ивановна Мишѣ и Олѣ.

А когда возвращались домой — Оля помнить — шель первый весенній дождь и было такъ весело!

И еще Оля помнить, какъ отецъ, показывалъ раны на рукахъ и ногахъ отъ веревокъ, которыми связывали его, и говорилъ, что онъ радъ этому —

— Потому, что у Христа были раны.

На первый день Пасхи Александръ Павловичъ пошелъ на село къ тѣмъ мужикамъ, которые его связывали, хотѣлъ похристосоваться, но мужики попрятались: боялись.

Первое время и Оля боялась: нянька Фатевна рассказывала, какъ Александръ Павловичъ скамейку сломалъ, когда его связывали.

Такъ одинъ за другимъ проносились передъ Олей смутные дни, незабываемые и, вспоминая ихъ и думая надъ непонятнымъ и страннымъ словомъ «сумасшедшій», Оля какъ-то по своему сердцемъ почувствовала, что это очень страшно и — очень хорошо, что отецъ не такой, какъ всѣ —

«Такого нѣтъ больше!»

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАЙЧИКЪ

Всякій день бабушкѣ Аннѣ Михайловнѣ зайчикъ конфеты носить, а бабушка ихъ Олѣ отдаетъ.

Только такой строгій зайчикъ: хотъ бы разъ принесъ конфетъ до обѣда! И сколько разъ по утрамъ забѣгала Оля въ бабушкину комнату справиться, не приходилъ ли зайчикъ и всегда былъ одинъ отвѣтъ: — Нѣтъ еще.

А какъ кончить Оля обѣдать, побѣжить къ бабушкѣ, а бабушка прямо ей въ ручку конфетъ: былъ, значитъ, зайчикъ.

Сама Оля этого зайчика никогда не видала, а только отъ бабушки слышала и не сомнѣвается, что зайчикъ ходитъ и нситъ конфеты — еще бы: всякій день конфеты есть и не только послѣ обѣда, но и по вечерамъ.

Бабушка Анна Михайловна старая, изъ комнаты не выходитъ, — сидитъ у себя на постели: ноги у нея больныя. Оля это знаетъ и всегда осторожна: никогда бабушку за ноги не тронетъ.

Въ комнатѣ у бабушки жарко, такъ жарко, какъ въ банѣ.

Бабушка въ бѣломъ чепчикѣ, сама маленькая, а надъ кроватью виситъ портретъ, когда бабушка была молодая — тамъ она румяная и большая и шаль на ней вся въ цвѣточкахъ. И не вѣрится, что и на портретѣ и на кровати бабушка.

Но Оля вѣритъ, — бабушка ей объяснила: тамъ, на портретѣ, она была «мама» и была большая и ру-

маяная, а теперь она «бабушка» и стала маленькая и старая.

Бабушка цѣлыми днями молится, а вечерами рассказываетъ Олѣ сказки про сѣраго волка и про лисицу и про лягушку-турлушку, какъ лягушка пѣсни поетъ. И еще рассказываетъ бабушка, какъ въ девять мѣсяцевъ Оля ножками ходить начала и очень рано проситься стала; какъ раздвѣвали Олю и пускали голышкомъ по комнатѣ бѣгать — все тѣльце было словно перевязанное, все въ перевязочкахъ; какъ Оля хорошо цѣловалась и какъ хорошо плевалась — дядя Алексѣй Ивановичъ за каждый поцѣлуй и за каждый плевокъ по золотому дарилъ.

Рассказывала бабушка и объ отцѣ Оли — Александрѣ Павловичѣ, какъ онъ былъ маленькій, какъ учился, какъ поступилъ въ полкъ принца Карла Прусскаго и на войну пошелъ, и какъ было тогда землетрясеніе и лампадка передъ образами тряслась.

И о прадѣдушкѣ Оли — Петрѣ Михайловичѣ: большой силы и отваги былъ —

«Бѣшенаго волка разорвалъ, вотъ какой!»

И о дѣдушкѣ — своемъ мужѣ Павлѣ Петровичѣ: какой онъ строгій былъ —

«Какъ ему ѣхать, бывало, въ городъ на службу, всякій разъ требуетъ, бывало, чтобы къ его возвращенію на столѣ тарелка съ супомъ стояла, — и бѣда, если супа нѣтъ или не горячъ супъ!»

И какъ, для безопаски, отъ дома до города на пятнадцать верстъ верховыхъ ставили, и какъ потомъ Павелъ Петровичъ вдругъ разстроился мыслями.

— И горе, — вспоминаетъ бабушка, — несчастная болѣзнь его была непостижима. Всегда печалень, задумчивъ, не любить ни съ кѣмъ ничего говорить, нигдѣ бывать, никого къ себѣ не принималъ, и всегда и всѣмъ, бывало, говорить, что для него нѣтъ ничего милаго и занимательнаго и что для него жизнь несносна. Его всякая малость беспокоила и тревожила, очень мало спалъ, но никакой боли не чувствовалъ,

никакой слабости и всегда и вѣсѣмъ, бывало, говорить, что здоровъ. И доктора отказались пользоваться, сказали, что его время выпользуетъ: его болѣзнь и скорбь душевная, которой выпользовать имъ не можно.

И еще рассказываетъ бабушка, какъ страшно умеръ дѣдушка Павелъ Петровичъ — зарѣзался! — и тогда отъ ужаса она шесть недѣль проспала и проснулась оттого, что дочь ея, Лизочка, ее ручками тронула. Лизочка тоже умерла и остался у нея одинъ «папа», а потомъ появилась Оля:

«Олю лебедь принесъ, постучалъ въ окно крылышкомъ и положилъ подъ часы у камина».

— Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ на вссходѣ солнца четвертаго дня въ день святого Андрея Критскаго и явленія Пресвятыя Богородицы, яже въ Пергіи.

Бабушка четырнадцати лѣтъ замужъ вышла и было у бабушки четырнадцать дѣтей, а въ приданое бабушкѣ дали четырнадцать кованныхъ устюжскихъ сундуковъ съ добромъ.

— Званіе всѣхъ вещей не перечислишь, — любила рассказывать бабушка, — пальцевъ для счета не хватить: ну, —

иконъ двѣ — одна Спасителя, а другая Богородична съ шатами,
денегъ три сундука,
дукать серебряный вызолоченый,
ложекъ серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ
по три дюжины,
подносовъ серебряныхъ дюжина,
на подносахъ по семи чарокъ: шесть вызолоченныхъ, а одна нѣтъ,
кольцо золотое,
три блюда,
три чашки съ крышкой,
шуба лисичая, крытая гарнитуромъ капуциновымъ,
сподница гарнитуровая,

кофта атласная,
халатъ гарнитуровый капуциноваго цѣѣту,
сподница съ кофтой волнистой тафты,
сподница дрезетовая вишневая,
шуба заячья, крытая красною кафой,
кунтушъ суконный вишневаго цѣѣту,
другой суконный голубого цѣѣту,
шуба баранковая, крытая вишневымъ сукномъ,
шубенка баранковая, крытая голубымъ сукномъ,
халатъ камлотный зеленаго цѣѣту,
другой красный камлотный,
кофта и сподница репишовыя зеленыя,
сподница венецкой каламанки,
полуштаметовыхъ двѣ,
полотняныхъ двѣ,
запаска полутобейковая одна,
и тафтяная бѣлая одна,
кофта байковая сѣрая,
кофта байковая вишневая съ мушками,
кофта красной кафы,
платокъ шелковый бытѣевой бѣлый полосатый,
другой гарнитуровый,
третій штофный красный,
четвертый тафтяной алый,
пятой тафтяной зеленый,
бумажныхъ приношенныхъ два,
корсетовъ тафтяныхъ два,
три сундука скатертей тканыхъ взорсмъ и за-
полочью,
ручники шитые заполочью,
хустки тканыя,
платки бѣлыя,
фартуки,
рубашекъ женскихъ тридцать двѣ,
мужскихъ восемь,
три сундука полотна кужольнаго и конопля-
наго,
запона,

наволочки большія,
маленькія наволочки
простыни полотняныя,
одна простыня шитая заполочью,
намитки,
килимы,
ковёръ —

а въ четырнадцатомъ и послѣднемъ сундукъ:

ковдра набойчатая,
плахоть закладанныхъ съ шолкомъ двадцать
двѣ,
да еще плахоть шесть,
запосокъ філяшсвыхъ десять,
перина,
подушекъ двѣ большихъ,
меньшихъ двѣ,
еще меньшихъ двѣ,
намиста краснаго десять низокъ
и десять жемчужнаго,
запасокъ валеныхъ три,
поясъ крапковый,
осноза пляная,
клубковъ девять,
рушниковъ сыровыхъ семь,
четырнадцать дѣйныхъ коровъ съ назимкомъ,

Слушаетъ Оля, мимо ушей слова не проронить,
— и раскрывается передъ ней сундукъ за сундукомъ
верхъ добра, а послѣдній и четырнадцатый — съ ко-
ровами.

— Пешли доить, — вспоминаетъ бабушка, — а
вмѣсто молока кровь. А какъ стали искать, вѣдьму на
тспчакъ и поймали съ длинными волссами въ бѣлой
рубахѣ, совсѣмъ дѣвчонка.

Иногда бабушка беретъ рѣзную шкатулку и по-
казываетъ Олѣ драгоцѣнности.

Олѣ больше всего нравится золотая кольцами цѣпь съ изумрудами, но еще больше — такъ сейчасъ на шею себѣ и надѣла бы! — золотой медальонъ съ картинкой: два страшныхъ льва разинули пасти, а изъ пасти пламя.

И каждый разъ Оля просить отдать ей и цѣпь съ изумрудами и медальонъ со страшными львами.

Но бабушка драгцѣнности кладетъ обратно въ шкатулку.

— Когда вырастешь большая, — говоритъ бабушка, — папа тебѣ все отдастъ, все будетъ твое. Пуще глаза береги медальонъ, другого такого нѣтъ, фамильный Ильменевскій съ папинымъ гербомъ: голова львова, сѣра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блакитномъ.

— Голова львова, сѣра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блакитномъ, — повторяетъ каждый разъ Оля.

Какъ-то у бабушки зубъ выпалъ.

— Положи этотъ зубъ въ ящикъ, что подъ образами, — сказала бабушка Олѣ.

А Олѣ захотѣлось поиграть съ зубомъ, стала она его на рукахъ перебрасывать и вертѣть, какъ кубарикъ.

— Зубъ мнѣ надо будетъ въ гробъ положить, — остановила бабушка, — когда воскресну, чтобы недолго по землѣ ползать — свои кости собирать. Все вмѣстѣ должно быть.

2.

Вечерами Наталья Ивановна часто играетъ на фортепіанѣ, и такъ хорошо играетъ: Оля не пошевеливается, слушаетъ. А когда кончить играть, подходитъ къ фортепіану Оля, натащить себѣ цѣлую гору нотъ на стулъ, усядется и давай сама наигрывать.

— Оля у насъ будетъ музыкантшей! — говорить про Олю Наталья Ивановна.

Послѣ обѣда по обыкновенію Оля зашла къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, но бабушка ничего не отвѣтила и конфетъ не дала. Оля поняла, что бабушка нездорова, и не стала надоедать.

И вечеромъ не пошла она къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, а сѣла за фортепіано подбирать пальчика-ми ноты и такъ занялась, что даже и о зайчикѣ забыла.

И вдругъ на порогѣ въ залу появилась бабушка —

Бабушка подползла къ двери и сказала такимъ тихимъ глухимъ голосомъ, что у Оли пальчики вздрогнули:

— Оля, позови папу!

Долго и послѣ Оля боялась этой двери, изъ которой выползла бабушка.

А какъ тогда ей страшно было! какъ замирало и тукало сердце!

Наканунѣ возили дѣтей на вечеръ къ сосѣдямъ Лупичевымъ — у Лупичевыхъ всякій годъ на Петра и Павла устраивали вечеръ, справляли и рожденіе и именины сыновей-близнецовъ Петра и Павла, — накануне Оля поздно легла, а въ эту ночь не могла заснуть.

Ей все мерещилось: будто дѣдушка Павелъ Петровичъ такой, какъ на портретѣ, въ красномъ мундирѣ, съ ножомъ ходить, то будто вѣдьма съ длинными волосами въ бѣлой рубахѣ, совсѣмъ дѣвчонка, прибѣжала на дворъ и на топчакѣ руками что-то дѣлаетъ, то будто сундукъ, а изъ сундука четырнадцать дойныхъ коровъ — рога высунули, то промелькнетъ зайчикъ съ конфетами, а за зайчикомъ — голова львова, сѣра-космата, съ огненной пастью въ полѣ блакитномъ, и опять, какъ вечеромъ, подползаетъ къ двери бабушка и говоритъ тихимъ глухимъ голосомъ:

«Оля, позови папу».

И сонъ ей нехорошій приснился.

Ей приснилось, будто весной идетъ она по саду къ пруду, а въ высокой травѣ въ очеретѣ мужикъ стоитъ — коса на плечѣ, лохматый, одинъ глазъ съ бѣльмомъ. И показалось Олѣ, что вотъ сейчасъ брссится изъ травы на нее мужикъ съ косою — —

Тутъ она и прсснулась.

И послѣ едва ужъ заснула: все боялась — все ей казался лохматый мужикъ, коса на плечѣ, глазъ съ бѣльмомъ.

А чуть только утро забрезжило, отецъ разбудилъ Олю и повелъ въ комнату къ бабушкѣ... Тамъ была Ирина и Лена и Миша и еще былъ ватагинскій баюшка о. Евдокимъ съ дьячкомъ.

Бабушка сидѣла на постели бѣлая, вся въ бѣлсмъ, держала въ рукахъ свѣчку.

— Псцѣлуй, Оля, руку у бабушки! — сказалъ отецъ.

Бабушка дрсжащей рукой перекрестила Олю.

Александръ Павловичъ сѣлъ на кровать рядомъ съ бабушкой и, поддерживая свѣчку въ рукѣ ея, сказалъ:

— Въ руки Твои, Господи, передаю духъ мой!

3.

Среди дня, когда дѣти играли въ любимую игру — лѣпили изъ песку пасочки, позвали ихъ изъ сада и повели въ залу —

— Поклониться бабушкѣ, которая померла.

Вся въ бѣлсмъ лежала бабушка на столѣ наискось отъ камина съ бронзовыми узорными часами противъ чудотворной Ильменевской Божьей Матери: въ рукахъ — крестъ, а лицо кисеей закрыто.

Мухи сажались на руки и на лицо бабушки.

Нянька Фатевна отгоняла мухъ.

Весной, когда умерла младшая сестра Таня, Оля никакъ не могла понять и все спрашивала: какъ

это такъ: бабушка старая и живетъ, а Таня маленькая и умерла?

«Но вотъ и за бабушкой, значить, пришелъ чередъ, — рѣшаетъ Оля, — только лежитъ бабушка въ бѣломъ, а не въ голубомъ платьицѣ, какъ Таня, и нѣтъ на глазахъ пятачковъ, а у Тани пятачки клали!»

Золотой быстрый зайчикъ бѣгалъ по бабушкѣ, игралъ на крестѣ и по вѣнчику и только на закатѣ вдругъ ускочилъ на каминъ, юркнулъ въ узорные бронзовые часы и больше не показывался.

Нянька Фатевна положила бабушкѣ подъ голову всѣ зубы ея и поставила стаканъ съ водой въ ложахъ у бабушки.

— Чтобы бабушкина душа купалась! — объявила старая нянька Олѣ.

Оля не сводила глазъ со стакана — бульбульки подымались въ стаканѣ — и Олѣ представлялось: бабушкина душа купается —

«Ишь, ныряетъ въ стаканѣ!»

Много народа съѣхалось въ Ватагино, полнымъ полно въ Ильменевскихъ флигеляхъ, всѣ комнаты заняли.

Пріѣхала изъ Меженинки любимая бабушка Татьяна Алексѣевна, и а изъ города дядя Алексѣй Ивановичъ — братъ Натальи Ивановны — докторъ, пріѣхали теткы — сестры Александра Павловича — Людмила Павловна и Надежда Павловна и сосѣди Боровые, Лупичевы, Сахновскіе, Грачи и чудной лубенецкій старичокъ Ксаверій Матвѣевичъ съ Александріей Кенсориновой на своихъ на апостолахъ, какъ величалъ чудакъ воловъ, и такіе родственники и такіе знакомые, которыхъ Оля съ роду не видывала и о которыхъ ничего не слыша.

А какъ несли, всю дорогу звонили: звонъ такій — плачетъ, а все бѣ его слушалъ, такъ за сердце хватаетъ.

Поставили бабушку посреди церкви и ушли.

А церковь заперли.

Оля все беспокоилась и все простила, чтобы скорее бабушку въ могилу зарыли —

«А то бабушкѣ страшно одной ночевать въ пустой церкви».

На слѣдующій день хоронили бабушку.

Оля плакала: ей жалко было бабушку.

— Не плачь, Олюшка, — утѣшала нянька Фатевна, — увидишь ты бабушку обязательно, какъ сама помрешь, придетъ твой чередъ, и бабушка тебѣ обрадуется. А пока-что бабушка станеть о тебѣ Богу молиться.

Оля успокаивалась и переставала плакать.

— Что же ты не плачешь? — замѣчала нянька Фатевна, — поплачь, Олюшка, обязательно! А то душа бабушкина увидеть, что ты не плачешь, и подумаетъ, что тебѣ не жалко ея, и ей станеть обидно.

И Оля много плакала, — старалась не развлекаться.

Похоронили бабушку рядсмъ съ дѣдушкой возле церкви — на цвинтарѣ тамъ, гдѣ много крестовъ — крестъ ко кресту — Ильменовскіе.

4.

Не было бабушки — пусто было въ ея комнатѣ.

Не приходилъ зайчикъ, не приносилъ конфетъ.

Не было и стола, на которомъ бабушка лежала бѣлая, вся въ бѣломъ. И бѣлымъ было закрыто зеркало надъ каминомъ.

Горѣла лампадка передъ чудотворной Ильменевской Божьей Матерью да узорные бронзовые часы на каминѣ ходили.

— Въ день смерти бабушки, — рассказывала нянька Фатевна, — приснился бабушкѣ сонъ, будто входитъ къ ней въ комнату дѣвочка — въ рукахъ

бѣлый платочекъ; и знаетъ бабушка: пришла эта дѣвочка, чтобы въ бѣломъ платочкѣ унести ея душу.

— Каждый человекъ всякую минуту умереть можетъ, — сказалъ отецъ Олѣ.

И Олѣ страшно смерти —

«Придетъ чередъ, придетъ дѣвочка — въ рукахъ бѣлый платочекъ: и всѣ комнаты, всѣ флигеля — весь домъ опустѣетъ».

Старая была бабушка Анна Михайловна, изъ комнаты не выходила, все сидѣла у себя на постели, а нянька Фатевна еще старше, хоть и ходить всякое лѣто пѣшкомъ на богомолье.

Оля слушается няньку Фатевну: говорили, что Фатевна все знаетъ.

По субботамъ нянька Фатевна моетъ дѣтей въ ваннѣ.

Когда мылить голову Олѣ, что-нибудь непременно расскажетъ: рассказывала нянька, что сама она шестьдесятъ ужъ лѣтъ головы не моетъ —

«Потому что не полагается мыть головы, когда замужъ выйдешь, — грѣхъ замужней жѣнщинѣ хоть на одинъ часъ простоволосой остаться».

И еще рассказывала, что живетъ она такъ долго и еще проживетъ много, потому что почитала своихъ родителей.

— А ты Оля, — говоритъ нянька Фатевна, — такъ долго не будешь жить: мамы ты не слушаешься, все-то на мельницу бѣгаешь.

— Седьмой годъ живу на бѣломъ свѣтѣ! — возражаетъ Оля и, кулачками протирая замыленные глаза, говоритъ пресѣкающимся голосомъ: — а зайчикъ, который бабушкѣ конфеты носилъ, тоже померъ?

БОЧЕНОЧЕКЪ

Оля, если усядется на старую ильменевскую кушетку «утѣшительную», ноги ея далеко не достаютъ до края, такъ что и еще одному свободно помѣститься можно, такая она еще маленькая.

Куколь Оля не любитъ, а подарятъ ей куклу, отдастъ другимъ дѣтямъ, сама не играетъ.

Всю любовь ея забрали себѣ маленькія всякія вещицы, такія разныя чашечки маленькія, коробочки, боченочки, — и съ ними Оля играетъ, какъ въ куклы, прячетъ, перекладываетъ, хранить.

Эти драгоценности свои хранить Оля въ большой черной шкатулкѣ — любимая бабушка подарила! — въ шкатулку же складываетъ она и подарки — коробки съ конфетами, ихъ у нея тихонько отбираютъ, и Оля не догадывается, не замѣчаетъ! — и въ эту же шкатулку на масляницѣ Оля и блины положила, чтобы ея блины лежали —

— «Все вмѣстѣ!»

А есть у Оли особенно любимыя вещицы, съ ними она рѣдко когда расстаётся, и все съ собой таскаетъ, любимыя.

2.

Была Оля въ гостяхъ у сосѣдей, вернулась домой, хватъ, а любимаго боченсчка и нѣтъ — нѣту боченсчка, забыла! — и сейчасъ же назадъ собралась.

Боченочекъ тамъ, она знаетъ его, она живо пробѣжить за нимъ, и опять онъ съ нею будетъ, маленькій ея боченочекъ.

И ужъ сбѣжала Оля съ крыльца черезъ дворъ бѣжать — —

На дворъ забѣжала собака, да не какая, а бѣшеная — бѣшенка! — и по двору поднялся такой шумъ и гамъ, такъ всѣ переполошились: дѣтей уводили въ домъ и Олю нянька Фатевна потащила за собой назадъ въ комнаты.

Какъ передъ грозой, затворяли окна.

И всѣ двери были заперты.

Жутко на дворѣ были собаки.

Жутко на дворѣ было, и посмотришь страшно.

На вой сбѣгались со дворовъ собаки, а бѣшенная съ ними управлялась: бѣшенка к а т а л а собакъ — она набрасывалась и рвала ихъ зубами — опрокинетъ собаку на-земь и опрокинутую рветъ, только шерсть летитъ!

Кубаремъ катались собаки — на голову визжали отъ бѣшной боли, визжали клоксчущимъ раздирающимъ визгомъ!

Бѣшенный визгъ и вой стоялъ по двору.

Куда и думать было и не только выйти во дворъ, а и носъ показать за дверь — по самому важному дѣлу едва ли кто бы рѣшился выйти изъ дому!

Были отряжены люди на село за мужиками, и теперь дожидались: придутъ мужики съ колѣями, прикончатъ собаку.

Но какъ же тутъ быть, какъ Олѣ такъ долго оставаться безъ ея любимаго боченочка?

Ждать она не хочетъ — ей сейчасъ его надо!

И ну Оля плакать, да какъ — —

Оля такая: если чего захочетъ, такъ ей и подавай сейчасъ! — на полъ ляжетъ, на полу обѣ полъ руками и ногами бьется — изволь подать!

У Ильменевыхъ сидѣли гости.

И всякій тутъ, какъ могъ, уговариваетъ Олю

и утѣшаетъ: о мужикахъ толковали ей, вотъ придутъ мужики съ кольями и тогда хоть куда, а то все равно никто не пойдетъ за боченочкомъ, никто не согласится, всѣ люди попрятались.

— Нельзя!

— Невозможно!

А Оля слышать ничего не хочетъ: на полу бьется объ полъ, плачетъ да какъ! — давай и давай ей боченочекъ, достань его сейчасъ — —

— Боченочекъ!

И вотъ Александръ Павловичъ, — любилъ онъ Олю! — взялъ палку, поднялъ съ полу на руки къ себѣ Олю — Оля такъ и охватила его за шею, куда дѣвались и слезы! — и пошелъ съ ней изъ комнатъ, отперъ дверь, вышелъ на крыльцо и во дворъ прямо —

И тотчасъ бѣшенка, бросивъ собакъ, кинулась на него.

3.

Дорога отъ крыльца до калитки показалась Олѣ такой долгой, какъ отъ крыльца до церкви, нѣтъ, еще длиннѣе, какъ отъ крыльца до мельницы —

Очень, очень страшно было Олѣ.

Палкой отбивался отецъ, отшвыривалъ собаку, такъ и шелъ — палкой совалъ собакъ въ горло, засовывалъ ей въ самое горло.

Задыхалась собака — отставала и вдругъ снова накидывалась и еще бѣшеннѣе и злѣе еще.

Отъ страха все крѣпче и крѣпче хваталась Оля за шею отца, стискивала рученками и такъ крѣпко, что онъ и кричать не могъ на собаку — Оля душила его.

И не догадываясь — не замѣчала! — Оля думала:

«Папа ничего не боится, и только ей, Олѣ, очень, очень страшно!»

Долгая дорога отъ крыльца до калитки окончи-

лась — Александръ Павловичъ вынесъ Олю за ворота.

И скоро въ рукахъ у Оли былъ опять ея любимый боченочекъ.

А тутъ и мужики полоспѣли: несли мужики колья на бѣшеную собаку.

ОШИБКИ

Оля пишетъ правильно: не дѣлаетъ ошибокъ.

По русскому языку Олѣ всегда пять.

Учительница Наталья Васильевна и любитъ Олю именно за то, что пишетъ она правильно.

— А почему она пишетъ правильно?

Этотъ вопросъ задаетъ себѣ Оля, сама же придумываетъ и объясненія, — и одно изъ объясненій кажется ей самымъ вѣрнымъ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ часто бывали у Оли бессонницы, и вотъ, бывало, лежитъ она ночью въ кроваткѣ, не спитъ, и для развлеченія разлагаетъ слова —

ко-ро-ва
та-рел-ка
мед-вѣдь

«Навѣрно, — рѣшаетъ Оля, — я тогда по ночамъ всѣ слова разложила и оттого всѣ слова и пишу правильно».

И у кого угодно Оля замѣтитъ ошибку.

А вѣдь она еще только въ третьемъ классѣ.

А лѣтъ ей одиннадцать.

2.

Подходятъ праздники — Рождество.

Оля мечтаетъ домой: въ городѣ живетъ она въ пансіонѣ, а всѣ тамъ — въ Ватагинѣ.

Оля ждетъ, вотъ прїѣдутъ за ней.

А нѣтъ, прїѣхалъ за Наташей Григорьевой ея братъ — Григорьевъ въ трехъ верстахъ отъ нихъ, — а Олѣ письмо отъ матери.

Пишетъ Олѣ Наталья Ивановна, что Юрій Васильевичъ Григорьевъ привезетъ ее въ Ватагино: она объ этомъ его просила.

Прочитала Оля письмо и замѣтила въ письмѣ двѣ ошибки.

— Двѣ ошибки!

На утро пошла Оля въ гимназію за отпускнымъ билетомъ.

А начальница ей никакого билета не дала — отпустить домой не хочетъ.

— Я не могу васъ отпустить съ чужимъ молодымъ человѣкомъ! Если бы вы мнѣ представили какое-либо удостовѣреніе въ видѣ ли письма вашей матери или отъ вашего отца, что они разрѣшаютъ вамъ ѣхать съ нимъ, тогда бы я васъ отпустила.

У Оли сердце упало.

А въ карманѣ лежитъ письмо: если она его покажетъ, начальница сейчасъ же дастъ ей отпускъ, и завтра она будетъ дома, поспѣетъ какъ-разъ.

«Но вѣдь въ маминомъ письмѣ двѣ ошибки! Начальница замѣтитъ, что моя мама сдѣлала двѣ ошибки. Нѣтъ, ни за что!»

Такъ и не показала.

И осталась безъ отпуска.

Вернулась Оля въ пансіонъ — всѣ разѣзжаются по домамъ: за кѣмъ отецъ прїѣхалъ, за кѣмъ мать, кого по письму.

Одна Оля остается.

И весь день и ночь и слѣдующій день и ночь Оля проплакала.

Въ сочельникъ пришла въ пансіонъ тетка Марья Петровна и взяла Олю къ себѣ: она только-что узнала, что домой Олю не отпустили.

И у тетки Оля проплакала весь день: глаза отъ

слезъ — красные, опухли, носъ покраснѣлъ и опухъ.

А все плачетъ.

— Да отчего жъ ты письма-то не показала! — возмущалась Марья Петровна.

— Тамъ — — двѣ ошибки.

И опять, какъ вспомнить домъ — зажжена елка, всѣ сидятъ... любимая бабушка рассказываетъ о волхвахъ, какъ волхвы со звѣздой путешествовали, и всякій разъ представляется Олѣ, что волхвовъ много и всѣ они женщины, несутъ звѣзду на рукахъ и звѣзда имъ путь освѣщаетъ! — какъ вспомнить, и въ слезы.

Только къ вечеру успокоилась — зажгли теткин у елку.

3.

На утро въ первый день Рождества пріѣхалъ Александръ Павловичъ: цѣлую ночь ѣхалъ онъ на почтовыхъ изъ Батагина.

Какъ бросилась къ нему Оля — какъ ей было все близко, свое, и тяжелая николаевская шинель и сѣдая голова отца, до которой она едва допрыгивала, и эти глаза! — Оля завизжала отъ радости.

Ну — — и ѣхать.

Не дождавшись обѣда, поѣхали домой.

Дорогой Олѣ было не по себѣ — не могла она на саняхъ ѣздить! — очень измучилась.

И подъ конецъ укачало — заснула.

А проснулась оттого, что лошади громко фыркнули.

Да они ужъ у крыльца.

Въ окнѣ елка горитъ — —

А на крыльцѣ Наталья Ивановна, любимая бабушка, нянька Фатевна — всѣ стоятъ, вышли, поджидаютъ Олю.

Оля выскочила — и опять ей радость! — чаю

попросила, а ужъ чай готовъ съ лимоннымъ вареньемъ.

«Мама поняла, что со мной дорогой дѣлалось!» — пила Оля чай изъ своей любимой чашки съ лимоннымъ вареньемъ.

Тутъ и сосѣдскія дѣти пришли.

Много бѣгали они вокругъ елки.

Много имъ всякихъ сластей дали.

А самое любимое они сами себѣ сдѣлали: на свѣчкѣ жгли сахаръ и получались конфеты — имъ это очень нравилось и только рѣдко позволялось — но какія вкусныя конфеты!

На ночь Олю перекрестилъ отецъ, мать и бабушка.

Отецъ сказалъ:

— Христосъ съ тобой!

Мать сказала:

— Ангелъ хранитель надъ тобой!

А бабушка пошептала:

— Святъ, святъ, Господь!

И когда Оля лежала въ постели подъ любимымъ одѣяломъ, нянька Фатевна что-то по угламъ смотрѣла:

— Надо всѣ лампадки зажечь. Сегодня нечистая сила злая: ей досадно, что Христосъ родился.

И проходя, тоже перекрестила Олю.

И Оля заснула крѣпко, заводя носикомъ счастливую пѣсню.

ПАСХА

Коса у Оли довольно большая и съ голубой ленточкой.

Если спросить Олю, что она больше всего любитъ, Оля такъ и отъѣтитъ:

— Пасху.

Такъ и считаетъ свои дни отъ Пасхи до Пасхи.

За одиннадцать лѣтъ много она чего знаетъ, и все знаетъ, что нужно на Пасху.

Когда посадятъ торть въ печку, Оля ложится и плачетъ въ подушку — такъ налѣ немного поплакать, и торть выйдетъ хорошій.

Когда всходятъ куличи, Оля по комнатамъ не ходитъ, потому что не хорошо куличу, если ходятъ — можно босикомъ и то развѣ при крайней нуждѣ.

Съ куличами большая забота: не удадутся — выйдетъ внутри пустышка, и ужъ въ этомъ году, такъ и знай, въ домѣ непременно умретъ кто-нибудь, — съ куличемъ держи ухо востро!

Во всемъ, что бы ни дѣлалось — во всѣхъ пасхальныхъ приготовленіяхъ Оля принимаетъ самое большое участіе.

Оля смотритъ, какъ старая нянька Фатевна бьетъ тѣсто передъ тѣмъ, какъ сажать его въ печку: какъ захватить его изъ квашни да бросить на доску, да разъ бросить, да въ другой бросить, да въ третій — Фатевну и тѣсто слушаетъ!

Оля помогаетъ раскладывать свѣжіе куличи на

подушки — свѣжіе куличи непременно надо класть на подушки!

Дѣлаетъ «красивыя» бумажки подъ торты.

И еще многое множество всякихъ дѣлъ передѣлаетъ, нужныхъ для такого краснаго дня, отъ котораго Оля всѣ свои дни считаетъ.

Одно не дается — никакъ не можетъ Оля отдѣлать желтки отъ бѣлковъ.

Да еще не даютъ Олѣ растирать лапаточкой творогъ въ мокотрѣ: прошлой Пасхой растирала, растирала, дно у мокотры и отскочило.

— Я говорила, что изъ нашего полку не будетъ толку! — сказала тогда нянька Фатевна.

Ну да что, со временемъ и эти мудрости Оля постигнетъ, — смышленная она дѣвсчка, умница.

2.

Вербная недѣля на исходѣ.

Пройдетъ еще день, два и распустятъ на Пасху.

Изъ дому Оля получила письмо: и отецъ и мать одно пишутъ, что не придется Олѣ пріѣхать домой въ Ватагино.

«Дорога испортилась — сильный разливъ — пріѣхать нельзя!»

Очень это Олю взволновало: никогда еще не проводила она Пасху въ городѣ и представить себѣ не мсжетъ, какая тутъ Пасха! — она знаетъ и любитъ свою ватагинскую, ее и дожидается, о ней и думаетъ.

*

Вотъ наступитъ Страстная недѣля — день за днемъ вся недѣля въ какой-то горячкѣ.

А въ великую субботу ужъ такое подымется, такая суматоха, нѣтъ никакого порядка: успѣлъ перекусить — хорошо, не успѣлъ — пеняй на себя! — ужъ очень всѣмъ дѣла по-горло.

И придетъ, наконецъ, вечеръ субботы.

Всѣ дѣти ложатся спать до одиннадцати, а ровно въ одиннадцать нянька Фатевна всѣхъ разбудить: пора собираться къ заутренѣ.

Когда Оля, нарядная, въ бѣломъ платьицѣ съ голубой ленточкой, проходитъ по залу, ей страшно —

Въ углу предъ чудотворной Ильменееской Божьей Матерью лампадка горитъ — одна лампадка освѣщаетъ огромный залъ.

Посреди зала отъ фортепiано до камина съ узорными бронзовыми часами бѣлый столъ, убранный цвѣтами.

На столъ куличи и паски:

паска бѣлая,
паска коричневая,
паска большая,
паска маленькая,
еще поменьше.

И торты:

песочный тортъ,
масляный тортъ,
бакалейный тортъ,
шоколадный тортъ,
хлѣбный тортъ,
миндальный тортъ;

и щетинистый окорокъ,
и индюкъ, начиненный бѣлой кашей съ миндалемъ,
и телячья нога;
вина, наливки:

розовая,
кружовенная,
барбарисная,
сливянка желтая,
сливянка красная.

И, наконецъ, — поросенокъ.

Олѣ страшно поросенка.

Какъ войдетъ она въ залу, поросенокъ ей такъ прежде всего въ глаза и бросается: лежитъ поросенокъ важно на блюдѣ прямо подъ люстрой и во рту у него хрѣнь.

Почему Оля поросенка боится, она и сама сказать не можетъ, но всякую Пасху, какъ проходить по залу, его-то именно и страшно: лежитъ поросенокъ на блюдѣ, а во рту хрѣнь.

Всѣмъ домомъ пѣшкомъ отправляются въ церковь — въ эту ночь ѣздить нельзя: впереди съ фонаремъ кучеръ Григорій, за Григоріемъ Миша и Лена, за Мишей и Леной Наталья Ивановна съ Ириной, за Натальей Ивановной ключникъ Федотъ Кривой и камердинеръ Федотъ Прямой, за Федотами съ узелкомъ нянька Фатевна, а далеко впереди — впереди всѣхъ Оля и съ ней Александръ Павловичъ.

И во весь путь замираетъ сердце:

«А что если въ этомъ году, — думаетъ, Оля, — не такъ будетъ? Вдругъ да не будутъ пѣть «Христосъ воскресъ?»

Возлѣ церкви бабы сидятъ — на головѣ бѣлыя намитки длинныя, какъ саванъ.

И куличи и поросенки и паски, принесенные въ церковь святить, бѣлымъ холстомъ покрыты, возлѣ бабъ лежатъ.

Олѣ вспоминается, какъ сказалъ ей однажды отецъ и не разъ говорила нянька Фатевна, будто въ Пасхальную ночь мертвые встаютъ изъ гробовъ.

Оля всматривается въ бабъ — —

Да это вовсе не бабы, а мертвые — покойники съ кладбища сидятъ у церкви!

И хочется Олѣ поближе взглянуть и жмурится отъ страха.

Въ крестномъ ходу Оля идетъ рядомъ съ ватагинскимъ батюшкой о. Евдокимомъ, а за нимъ съ на-

рдомъ — съ мужиками и бабами идуть и мертвые, покойники, и покойница бабушка Анна Михайловна и сестра Таня.

Оля знаетъ, слышитъ — шаги ихъ сзади чувствуетъ — ихъ много въ бѣлыхъ саванахъ и старыя въ бѣломъ, какъ бабушка, и маленькія въ голубыхъ платьицахъ, какъ Таня —

И только сердце стучить.

И когда крестный ходъ проходитъ мимо могилы бабушки, свѣчка у Оли, какъ сердце — и въ колеби свѣчи она видитъ: могила бабушки раскрыта стоитъ.

Такой былъ обычай въ Ватагинѣ: Ильменевскій кучеръ Григорій въ пасхальную ночь представлялъ дьвола.

Онъ одинъ оставался въ церкви во время крестнаго хода, и ставъ у дверей, изо всей силы припирая плечомъ, держалъ двери, чтобы не пустить обратно крестный ходъ въ церковь. Но лишь только на паперти скажетъ батюшка: «Да воскреснетъ Богъ», а за нимъ въ первый разъ запсютъ «Христось воскресъ», тутъ не выдержитъ дьяволъ, обезсилитъ, скорчится весь и, отпустивъ двери, опреметью бросится черезъ церковь да куда-нибудь и проскочить —

Распахнутся двери и со свѣтомъ свѣчей хлынутъ:
— Христось воскресъ!

Оля плачетъ — не замѣчаетъ слезъ — видитъ она такой свѣтлый радостный свѣтъ, чувствуетъ, какъ охватилъ этотъ свѣтъ ея сердце, всю душу, всю ее, и не можетъ не плакать —

— Христось воскресъ!

— Олюшка, — шепчетъ ей на ухо нянька, — каксе у тебя личико свѣтлое, Олюшка, Христось воскресъ!

А кончится заутреня, отстоятъ обѣдню и домой.

Впереди съ фонаремъ кучеръ Григорій, за Григоріемъ Миша и Лена, за Мишей и Леной Наталья Ивановна съ Ириной, за Натальей Ивановной ключ-

никъ Федотъ Кривой и камердинеръ Федотъ Прямой, за Федотами сзади всѣхъ съ узелкомъ нянька Фатевна.

А Оля съ отцомъ опять далеко впереди.

И много обгоняютъ они мужиковъ и бабъ — съ куличами, поросенками, пасками.

Чуть только брежжить — въ хатахъ огоньки горятъ.

Дома ждутъ батюшку — весь домъ освѣщенъ — ждутъ-не-дождутся.

И, наконецъ, прїѣзжаютъ о. Евдокимъ, святить паски, христосуется.

А Оля давно успѣла перехристосоваться и не только съ домашними и со всею прислугою, а и съ цвѣтами и съ любимыми коробочками, со всѣми книгами, кромѣ... географіи — она не любимая.

О. Евдокимъ отрѣжетъ себѣ кулича и паски, первый попробуетъ, и тогда всѣмъ можно — тогда начнутъ разговляться.

«И какъ это батюшка не лопнуть!» — думаетъ Оля, глядя на о. Евдокима, который всего долженъ первый попробовать и не только у нихъ, но и у всѣхъ сосѣдей: и у Боровыхъ и у Лупичевыхъ и у Сахановскихъ и у Григорьевыхъ, и даже въ Лубенцахъ у чудного старичка Ксаверія Матвѣевича.

А какъ весело проходить первый день!

Хорошо на первый дѣнь качаться на качеляхъ, прыгать на доскахъ, катать яйца — —

Цѣлый день звонятъ въ колокола.

*

Оля знаетъ, что только для пасхальной ночи — для перваго дня она и на свѣтѣ живетъ.

И развѣ можетъ Оля въ эту ночь не быть дома въ Ватагинѣ? Развѣ можетъ она остаться здѣсь въ городѣ, въ пансіонѣ, гдѣ за зиму все надоѣло?

Нѣтъ, Оля знаетъ и одно себѣ твердитъ — непременно поѣдетъ.

И ужъ такъ будетъ рада, такъ рада, что и съ географіей похристосуетъ!

Чувствуетъ Оля свою вину передъ географіей.

Пршло Вербное, прошли три первые дня — понедѣльникъ, вторникъ и среда Страстной недѣли — говѣла Оля и причащалась — пршли и Страсти.

Никто за Олей не ѣдетъ.

И вотъ, когда, кажется, не оставалось никакой надежды, въ Великую субботу утромъ прѣхалъ сосѣдъ Ильменевыхъ Сахновскій, зашелъ въ пансіонъ Линде — и Олю съ нимъ отпустили домой.

3.

Все было готово и столъ былъ убранъ, когда прѣхала Оля въ Ватагино.

И ей оставалось только провѣрить, такъ ли все сдѣлано: такъ ли яйца покрашены и какіе куличи и паски и какой поросенокъ.

— Не ожидала ты, что прѣдешь на Пасху?

— Нѣтъ, мама, я навѣрное знала, что прѣду.

— Сердце лучше знаетъ: и ни словами, ни письмами его не обманешь! — сказалъ Александръ Павловичъ, любуясь на свою сѣроглазку.

И когда пришла ночь, все случилось такъ, какъ и прежде.

Какъ и въ прошлые годы, прохсдя по залу, Оля забоялась поросенка, а по дорогѣ въ церковь очень волновалась, что вдругъ да не будутъ пѣть »Христось воскресъ«, видѣлись ей мертвые, покойники у церкви, а на крестномъ ходу въ колеби свѣчи раскрытая могила бабушки, и опять, какъ запѣли въ первый разъ »Христось воскресъ«, отъ радости плакала, а нянька Фатевна шептала:

— Олюшка, какое у тебя личико свѣтлое, Олюшка, Хритось воскресъ!

Оля рѣшила во что бы то ни стало не пропустить восходъ солнца.

Нянька Фатевна ей рассказывала, что на первый день Пасхи солнце особенно восходить:

— Ясно видно на солнцѣ, какъ Христосъ изъ гроба встаетъ, а то, какъ Христосъ возносится, а то просто крестъ изъ солнца выходить.

И вотъ, когда разговѣлись и уѣхалъ о. Евдокимъ, и весь домъ спать улегся, Оля поднялась въ башню, гдѣ библіотека, и сѣла у окна ждать солнца.

И показалось солнце —

красное —

золотое —

весь садъ загорѣлся, всѣ птицы зачирикали.

Поднялось солнце надъ садомъ, стало прямо противъ башни — — зарябило въ глазахъ у Оли.

И Оля ничего не увидала.

Пошла Оля къ нянькѣ, разбудила няньку Фатевну.

— Что это значить, ничего я на солнцѣ не увидала?

— А ты, вѣрно, въ ту самую минутку глаза зажмурила, — сказала старая нянька, — а я такъ вотъ видѣла: Христосъ изъ гроба вставалъ, Олюшка.

Повѣрила Оля Фатевнѣ.

«Христосъ изъ гроба вставалъ!»

И не долго печалилась.

Ужъ на будущую Пасху Оля всѣ глаза проглядитъ — она увидитъ! и пускай слезы градомъ текутъ, не сморгнетъ, не зажмуритъ глазъ! — она все увидитъ.

ЧЕРНАЯ БАБУШКА.

Оля — шалунья изъ первыхъ, кажется, смирно минуты не посидить, такъ и распустить свои крылышки — начнетъ кричать да кружиться по залу, никакими силами не остановишь, всю гимназію на ноги подыметь.

Ну и сердитая тоже.

— Когда осержусь, я стану какъ платье! — не разъ сама говорила Оля еще до гимназіи и при этомъ показывала на свое любимое красное съ черными мушками фланелевое платьице, — вотъ я какая!

Самый любимый учитель — Яковъ Степановичъ Феофилактовъ, физикъ, преподававшій въ четвертомъ классѣ географію, — такой былъ обычай въ Покидошенской гимназіи: учителей физики заставляли преподавать географію.

И Яковъ Степановичъ преподавалъ географію.

Въ четвертомъ классѣ проходилась Россія.

Отадавая предпочтеніе городамъ лишь губернскимъ, Яковъ Степановичъ справлялся со всей прочей географіей безъ затѣй — по просту: онъ рассказывалъ случаи, происходившіе съ нимъ, когда пѣшкомъ ходилъ онъ по Россіи съ своимъ пріателемъ —

— причемъ пріятель былъ знающій, а онъ незнающій.

Всякій разъ, чтобы ни объяснялось, всегда появлялся этотъ пріятель «знающій».

Путешествуя какъ-то по непроходимымъ болотамъ, Яковъ Степановичъ завязъ по колѣно въ тря-

сину да такъ, что и выбраться не было никакой возможности, а пріятель знающій, какъ на грѣхъ, запропостился куда-то; а другой разъ отъ пустяковой полспички, разведя на опушкѣ костеръ, сожгли старый дремучій лѣсъ, самъ же Яковъ Степановичъ спасся подъ какимъ-то заячьимъ кустикомъ и то только благодаря случаю.

И все въ такомъ родѣ — живо, наглядно, занимательно.

Разсказы ли о пріятелѣ или кто донесъ на Якова Степановича, будто, ударившись въ воспоминанія, Яковъ Степановичъ чуть ли не въ четвертомъ классѣ сказалъ на урокъ —

— что человекъ отъ обезьяны произошелъ! только съ нѣкоторыхъ поръ на географіи стала появляться начальница и директоръ.

При такомъ нашествіи Яковъ Степановичъ, насколько не смущаясь, вызывалъ самыхъ плохихъ ученицъ, да тѣмъ и кончался урокъ, и никакихъ разсказовъ не разсказывалось, а задавалось поворить на слѣдующій разъ старое. Такъ ни съ чѣмъ и уходило начальство.

Самой любимой вещицей былъ для Оли ея маленькій глобусъ, хранимый вмѣстѣ съ коробочками, къ которымъ Оля чувствовала какую-то особенную трогательную нѣжность, но Оля не любила географіи и, когда ее вызывали, болтала изъ головы, что Богъ на душу положить, но бойко и смѣло.

— Вотъ-вотъ, имѣйте это въ виду! — одобрялъ Яковъ Степановичъ.

И не только за такое любили Якова Степановича.

« Другой, напримѣръ, учитель, скажи-ка попробуй, что урока не приготовила, сейчасъ тебѣ единицу или вонъ изъ класса, а Яковъ Степановичъ никогда, только признавайся по истинной по правдѣ, откровенно.»

И правда, вотъ хотя бы такое объясненіе частое на урокахъ географіи.

Гимназистка не выучила урокъ.

— Почему не выучили?

— Ъздила кататься.

— Куда же ѣздили?

— За Кіевскій мостъ.

— Ну, какъ теперь дорога? я, знаете, давно не катался! — Яковъ Степановичъ сладко потягивается: до катанья онъ большой охотникъ, — съ кѣмъ же вы ѣздили?

— Съ однимъ знакомымъ.

— Вотъ это я люблю: ѣздили кататься, — что за бѣда! кататься, такъ кататься, а то: голова болѣла, зубы болѣли — эти отговорки.

А вѣдь за катанье да еще съ какимъ-то знакомымъ въ Покидошенской гимназіи, гдѣ классныя дамы слѣдили на улицахъ, узнай, только начальнича, — три за поведеніе непременно, а то и выгонять.

А какъ Яковъ Степановичъ зѣвалъ сладко и слаще зѣвалъ онъ въ самое неподходящее время — на экзаменахъ и при начальствѣ, когда, кажется, и парги и стѣны и столъ съ потолкомъ трепетали.

Высоченный, такъ что гнулся, кудри свѣтлорусыя по плечи, носъ раздвоенный на кончикѣ, будто срослось два носа, и одна губа — и ужъ куда ни смотри и какъ ни заглядывай, за этой верхней губой у Якова Степановича ничего не найдешь, словно нѣтъ и не было ничего.

Яковъ Степановичъ влюбился въ учительницу пригготовительнаго класса Фаину Александровну Громову.

Ужъ давно это примѣтили, всѣмъ это извѣстно и переизвѣстно. Ждали съ нетерпѣніемъ развязки, сами назначали день свадьбы и готовились всѣмъ классомъ поздравить, и вдругъ Яковъ Степановичъ объявляетъ:

— Сегодня я у васъ въ послѣдній разъ или предпослѣдній. Я уѣзжаю.

— Какъ? — подымается классъ.

— Уѣзжаю.

— Останьтесь! — кричатъ, — не уѣзжайте, Яковъ Степановичъ.

— Нѣтъ, не могу, — Яковъ Степановичъ взлохмачивается и такъ подпираетъ кулаками себѣ скулы, что не только что глазъ, даже носа, раздвоеннаго на кончикъ, и носа не видно, лишь торчитъ единственная одна губа да рыжая борода коломъ, — не могу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя человѣку оставаться, если тебя не понимаютъ, если тебя отвергають.

— Останьтесь, мы васъ понимаемъ! — кричатъ гимназистки.

Для всякаго ясно: конечно, Яковъ Степановичъ объяснился съ Фаиной Александровной и получилъ отказъ.

— Нѣтъ, не могу, я уѣзжаю, — стоитъ на своемъ Яковъ Степановичъ.

— Не уѣзжайте, останьтесь, не уѣзжайте! — реветъ классъ и воетъ и не то нарочно, не то взаправду, разобрать невозможно.

— Извините, даже и для васъ не могу, извините!

Да такъ и ушелъ — «ѣлый мѣсяцъ» ни слуху, ни духу. Только черезъ мѣсяцъ является и такой веселый, глаза синіе такъ и блестятъ.

— Господа, я остаюсь.

И ужъ ни для кого не тайна, всѣ догадались: конечно, Яковъ Степановичъ женится на Фаинѣ Александровнѣ. И много уроковъ проходитъ такъ въ разговорахъ.

Такая была привычка у Якова Степановича: ходить онъ, ходить по классу, а найдетъ пустая парта, сядетъ.

Когда Яковъ Степановичъ садится передъ Олей, Оля начинаетъ его изводить: тихонько поймавъ на карандашъ волосъ, наматываетъ на карандашъ да и дернетъ.

Бѣдный Яковъ Степановичъ то-и-знай, почесывается, а на другой день смотришь: кудри разлопушены — голову мыль! — на блоху, значить, погрѣшилъ.

*

Самый страшный учитель — Филимонъ Петровичъ Кураповъ, историкъ.

Никакія уловки и увертки ни къ чему не приводятъ.

Одна гимназистка попробовала обморокъ представить, такъ онъ только со стула всталъ.

— Да не представляйтесь вы, идите на мѣсто! — только и всего.

Ну та и пошла.

А какія единицы ставить онъ сочныя да усатыя — такъ во всю клѣтку! — ножемъ не выскоблишь, и за сущія пустяки.

Одна назвала папу Льва X —

— Папа Лѣва X.

— единица.

Другая сказала, что въ Турецкую войну миръ былъ заключенъ —

Въ Стефанъ Баторіи.

— единица.

Третья, рассказывая про Юлія Цезаря, не перестала, гдѣ это слѣдуетъ:

— Среди заговорщиковъ — рассказывала гимназистка, — Юлій Цезарь, увидѣвъ облагодѣтельствованнаго имъ Брута, воскликнулъ: «И ты, Брутъ, завернулся въ свою тогу и упалъ мертвый къ подножію Помпеевой статуи!»

— единица.

Когда объяснивъ урокъ, Филимонъ Петровичъ садится, и, поправивъ свои сѣдые вихры, весь уходитъ въ журналъ, всѣ холодѣютъ и такая тишина наступаетъ — не только муху, самую что ни на есть маленькую невидимую мушку слышно, и въ эту-то страшную минуту Оля надувала щеки и хлопала по нимъ кулаками.

И хотѣ ты тамъ весь столъ карандашомъ простучи

— а Филимонъ Петровичъ въ такихъ случаяхъ всегда по столу карандашомъ стучалъ — все равно не узнаешь, откуда такой звукъ щекный.

*

Учится Оля хорошо, понятливая,

Понятливости ей не занимать стать. Еще когда младшую сестру Лену — Лена на три года младше Оли — отнимали отъ груди, Оля, прослышавъ, какъ бабушка совѣтывала матери намазать грудь горчицей съ медомъ, принесла Ленѣ тряпочку, чтобы та грудь вытерла.

— А то горько будетъ.

Толково сдѣлаетъ разборъ, толково расскажетъ. — все у Оли въ памяти, никогда не зубрила и дается легко, диктанты безъ ошибки пишетъ и любую задачу рѣшить.

Гроза гимназіи — учительница ариѳметики Катерина Ѳедоровна довольна Олей.

А Катерина Ѳедоровна, щедро раздававшая не только единицы и двойки, а и свои ею изобрѣтенныя нотабены, не дура была озадачить: заставить, напри- мѣръ, задачу рѣшить да чтобы не какъ обыкновенно, а съ конца — ну-ка рѣшай.

Но Оля и съ конца рѣшить: бойко перечислить всѣ вопросы, какіе являются въ рѣшеніи, и не съ перваго вопроса, какъ обыкновенно, а съ самаго послѣдняго до перваго, въ томъ вся и хитрость.

И все-таки при переходѣ изъ второго класса въ третій Олѣ дали презкаменовку по ариѳметикѣ.

Дѣло вотъ какъ было. Пріѣхалъ ревизоръ и потребовалъ вызвать самую лучшую ученицу. Вызвали Олю. А Оля нивъзубъ: наканунѣ ее спрашивали, и само собой, въ книгу она не заглядывала и объясненій не слушала. Поставила Катерина Ѳедоровна единицу. А на экзаме́нъ такую задала Олѣ задачу, — общей задачи не

было — рѣшала Оля, рѣшала, послѣдней тетрадку подала и ничего не рѣшила. Дали повѣрку. На повѣркѣ та же задача — и опять двойка. Такъ и назначили переэкзаменовку. И кому ни расскажетъ Оля свою задачу, никто рѣшить не можетъ. А задача-то просто-на-просто была нерѣшаемая, такія есть задачи въ задачникахъ.

— Это у насъ особые счеты! — объясняла Катерина Ѳедоровна учителю, который, присутствуя на переэкзаменовкѣ и видя, какъ Оля все хорошо знаетъ, очень былъ удивленъ, что Оля провалилась на экзаменѣ.

*

Оля хочетъ учиться. Еще со второго класса она твердо рѣшила учиться и много.

Заболѣлъ у Оли животъ, а лѣчила ее докторша Шрейберъ, — Оля должна была ходить къ ней разъ въ недѣлю, — и въ первый же разъ Олѣ очень понравилась мѣдная именная дощечка:

Женщина-врачъ Фрида Лазаревна Шрейберъ

Вотъ съ этихъ поръ она и стала мечтать сдѣлаться докторомъ.

А для этого, — какъ она узнала, — надо много учиться.

И твердо рѣшила учиться и много.

Только Оля какая-то несуразная, никакъ не можетъ наладиться: то опрокинетъ чернильницу, то воду прольетъ, или отступится и ударится и всегда на такомъ мѣстѣ, гдѣ другой цѣлехонекъ пройдетъ, глядь — и готовъ синякъ, а то руку сожжетъ или носомъ стукнется до крови. Ровно бы и земля ее не держитъ, — такъ всякій день и жди бѣды.

Когда Оля была совсѣмъ маленькой, чуть было калѣжкой на всю жизнь не осталась.

Подали однажды самоваръ, поставили на табуретку, и какъ нарочно, въ столовой никого не случилось, только одна Оля. И вотъ подошла она къ самовару да какъ-то не то толкнула, не то зацѣпилась, самоваръ-то сковырнулся да прямо на нее: всѣ ей ноги ошпарило.

«И какъ стали чулочки снимать, такъ съ кожей вмѣстѣ и сняли!»

Долго ли до грѣха, какъ еще ноги-то уцѣлѣли?

Но это еще сполгоря, могло произойти и похужѣ.

Оля постоянно терялась.

Пойдетъ, бывало, гулять съ кѣмъ изъ большихъ и непременно или отстанетъ или впередъ уйдетъ и, конечно, затеряется. И куда идетъ, сама не знаетъ, такъ на волю Божью, словно вѣтромъ несетъ ее. Схватятся, ищутъ-ищутъ да гдѣ-нибудь въ концѣ-концовъ и совсѣмъ въ непоказанномъ мѣстѣ — либо въ сарагѣ, либо на чужомъ дворѣ, либо далеко на полѣ — и найдутъ ее.

Разъ очутилась она на краю села возлѣ еврейской хаты, дороги-то не знаетъ, сѣла на землю и плачетъ. Изъ хаты вышли, стали къ себѣ звать въ хату, — не идетъ, еще пуще плачетъ:

— Очень ужъ обидѣлась, зачѣмъ они называли ее Любой, — была убѣждена, что имя ея всѣ знаютъ.

Насилу тогда отыскалась: привелъ домой старый еврей.

А иногда умудрялась Оля затеряться даже у себя дома: зайдетъ бывало, въ дальнюю комнату — Ильменевскій домъ старинный, огромный, девятнадцать комнатъ — а назадъ-то выйти и не можетъ: двери тяжелыя — рученокъ ея не слушаются, затвориться-затворятся, а отвориться — нѣтъ, тяжелы очень, ну и заберется куда подъ диванъ или подъ кровать и лежитъ тамъ, плачетъ, пока не найдутъ.

— Если затеряешься на улицѣ, — сказалъ какъ-то Александръ Павловичъ, — только скажи какому-

нибудь человѣку и тебя приведутъ ко мнѣ, фамилія твоя Ильменева.

Съ тѣхъ поръ Оля знаетъ свою фамилію, и съ тѣхъ поръ ей не страшно, что заблудится.

«Затеряюсь, скажу фамилію, меня и приведутъ къ папѣ — папу есѣ знаютъ!» — такъ разсуждала Оля, и, когда терялась, ужъ больше не плакала, держа на языкъ встрѣчному свою фамилію.

Правда, теперъ въ городѣ какъ будто пообвыкла, а то просто хотъ за руку держи и ни на шагъ не отпущай.

*

Оля большая чудачка.

— Мама, я хорошо помню, какъ была твоя свадьба! — не разъ говорила Оля.

А когда Наталья Ивановна ей объясняла, что Оля этого никакъ не можетъ помнить, ее тогда на свѣтъ не было, а родилась она черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ свадьбы, Оля начинала спорить: она приводила всякія мелочи изъ обстановки той комнаты, гдѣ она лежала спеленутая на кровати въ день свадьбы.

И на самомъ дѣлѣ, однажды Оля лежала на кровати точь-въ-точь въ такой комнатѣ — тутъ она ничего не выдумывала — но это когда ей шесть недѣль было и возила ее Наталья Ивановна съ собой на свадьбу въ сосѣднее имѣніе за пять верстъ отъ Ватагина.

Оля увѣряла, что родилась на сѣдлѣ и что Наталья Ивановна не настоящая ей мать, а настоящая мать ищетъ ее, и когда Олѣ будетъ шестнадцать лѣтъ, Оля найдетъ ее и еще найдетъ подругу себѣ — сестру, которую непременно будутъ звать тоже Олей.

— Я родилась на сѣдлѣ въ полѣ и моя настоящая мама ищетъ меня, — повторяла Оля.

Какъ-то случилось, ѣхала Наталья Ивановна съ Олей и Леной по желѣзной дорогѣ. Во время ос-

тановки Оля и Лена вызвались итти за водой. Наталья Ивановна позволила, но потомъ остановила Лену: Лена можетъ упасть и пускай сходить одна Оля.

Олю это страшно огорчило.

— Конечно, я же знаю, не моя настоящая мама, настоящая мама и меня не отпустила бы, я тоже могу упасть.

Такъ безъ воды и остались: Оля одна не захотѣла итти.

Оля очень хотѣла, чтобы была ей Наталья Ивановна именно той настоящей матерью, которую найдеть она, когда ей будетъ шестнадцать лѣтъ. Вотъ почему дома въ Ватагинѣ Оля любила немножко хворать. Наталья Ивановна становилась тогда такая добрая къ ней и больше всѣхъ любила ее.

— Какъ настоящая мама!

Если же Оля здорова, Наталья Ивановна ее меньше любить, — такъ кажется Олѣ, — а больше всѣхъ любить Ирину — Ирина старше Оли на шесть лѣтъ — и за то, что она самая старшая и за то, что она самая послушная, и всегда въ примѣръ Олѣ ставить.

Оля чудачка, да и потѣшная, что говорить.

Ну какую она штуку выкинула совсѣмъ еще крохотной!

Повадилась на полъ садиться: усядется и сидить себѣ тихонько. Пробовали спрашивать, зачѣмъ такъ сиднемъ сидить? — въ отвѣтъ ни слова, только лукаво поглядываетъ, а на руки взять, — не идетъ, крикъ подымается.

А все дѣло, какъ оказалось, вотъ въ чемъ: замѣтила Оля, какъ на сонъ грядущій нянька Фатевна, раздѣвшись, засвѣтитъ огарокъ да, засунувъ голову подъ воротъ рубашки, съ огаркомъ блохъ ловить, и пришла Олѣ охота тоже передъ сномъ блохъ половить, а блохъ-то и нѣтъ.

«Если сяду я на полъ, — разсуждала Оля, — да буду сидѣть тихо, придутъ ко мнѣ блохи, и будетъ у меня блохъ много, чтобы ловить»,

Первое время въ гимназіи Оля всякій день учила всѣ уроки, всѣ, какіе задавались и по всѣмъ предметамъ, хотя бы эти предметы и не числились въ росписаніи, и носила въ портфель всѣ учебники и всѣ тетради. Въ портфель всѣ книги и всѣ тетради заразъ не помѣщались, Оля уминала ихъ кулаками, и скоро сдѣлались онѣ мятыя и порванные. На Олю стали нападать за неаккуратность, а учительница русскаго языка Наталья Васильевна, хотя Оля и была у ней любимая, вывела ей въ четверть вмѣсто пяти четверку.

— За мятыя тетрадки.

Но что тутъ подѣлаешь, видно, такъ ужъ полагается, — такая гимназія.

И недаромъ, наслушавшись разсказовъ своей старшей сестры Ирины, пріѣзжавшей въ Ватагино изъ института на каникулы. Оля, еще мечтая о гимназіи, представляла ее себѣ какъ разъ такой строгой и взыскательной, подѣ стать учительницѣ русскаго языка, и не безъ гордости толковала нянькѣ Фатевнѣ:

— Знаешь, няня, поступлю я въ гимназію, а въ гимназіи-то какъ! зададутъ выучить наизусть вотъ такую толстенную книгу, на другой день заставятъ отвѣчать: «а» пропустишь, — двойка.

Какъ-то послѣ исповѣди, чтобы скоротать время — ни ѣсть, ни пить не полагалось — гимназистокъ повели гулять. Оля попросилась зайти въ фруктовую лавку. Былъ у ней всего-навсего одинъ рубль, — этотъ рубль предназначался положить батюшкѣ на теплоту. Въ лавкѣ забрала она яблокъ, и оказалось, что они какъ разъ рубль и стоятъ, и она заплатила и осталась съ пустымъ карманомъ. Хорошо еще классная дама во-время поправила дѣло: яблоки были возвращены въ лавку, а рубль Олѣ.

Въ первый разъ, когда Оля оставалась на Пасху въ городѣ, первой стоя въ парѣ въ гимназической цѣркви, первая подошла послѣ заутрени къ батюшкѣ — законоучителю Аристотелеву ко кресту и все

тянулась, чтобы похристосываться, но батюшка Аристотелевъ, считая неприличнымъ христосоваться съ гимназистками, хотя бы и младшаго класса, уклонился отъ поцѣлуя, подставляя для поцѣлуя вмѣсто себя крестъ. Разъ десять Оля поцѣловала крестъ.

Во второмъ классѣ Оля состригла себѣ брови и за поведеніе ей выставили четверку.

Ну, развѣ не чудачка!

2.

Въ гимназію Оля поступила девяти лѣтъ въ первый классъ. Ее хотѣли отдать въ институтъ, но она подняла такой крикъ, что волей-неволей, а пришлось уступить, какъ пришлось однажды уступить, когда на пятомъ году задумала Оля исповѣдываться. Весь сыръ-боръ загорѣлся только оттого, что брата ея Мишу — Миша старше Оли на два года — отвозили въ гимназію, а Оля непременно хотѣла, чтобы вмѣстѣ.

Съ братомъ Оля дружила: цѣлыми днями, бывало, играя въ путешественниковъ, вмѣстѣ строили подъ сливой будки изъ досокъ, вмѣстѣ учились у одного учителя Ивана Ильича. Какъ же тутъ не поднять крику?

Когда Олю увозили въ гимназію, она обѣжала весь домъ, весь садъ и весь дворъ, прощаясь съ каждымъ уголкомъ въ домѣ, въ саду и во дворѣ.

Въ гостиной, въ диванныхъ, въ кабинетѣ, въ портретной прощалась съ портретами: и съ тѣмъ пурпурнымъ орлоокимъ, чье прозвище «могучій» и съ тѣмъ смуглымъ — черемнымъ, чье прозвище «грозныя очи» и съ гордой красной панной изъ рода Гедройцевъ и съ нѣжной, какъ кипень, бѣлой панной изъ рода Гас-тольда и со всѣми дамами и кавалерами — со всѣмъ своимъ родомъ — старыми и молодыми, въ парчѣ, въ соболяхъ съ бунчуками, въ бархатѣ, въ пудрѣ, въ шелкахъ, съ такими веселыми и ненаглядными и та-

кими хмурыми, и съ дѣдушкой въ красномъ мундирѣ.

Въ саду прощалась Оля съ недостроенными будками и съ сажелкой и съ прудомъ и со старыми липами, яблонями, грушами, акаціями, подъ которыми игралъ дѣдушка, когда былъ маленькій, и со всѣми бесѣдками, съ «философской бесѣдкой» въ особенности, гдѣ живетъ эхо и, если покличешь, ну совсѣмъ, какъ ты, повторитъ твой кликъ, и съ оранжереями и со статуями и съ любимыми цвѣтами: съ «уголькомъ въ огонькѣ», съ «растрепанными барышнями», съ астрами, съ махровой мальвой и розами.

Въ конюшнѣ прощалась со всѣми конями, въ хлѣву — со скотомъ, въ птичникѣ — съ птицею, въ дровотнѣ — съ дровами, гдѣ любила сидѣть вечеромъ подъ серебряной осокою, въ воезвнѣ и въ сараѣ — съ машинами и экипажами: съ бѣдой, съ чертопхайкой, съ шарабанами, съ трепыхталкой и съ трундулетомъ, на которомъ помѣщалось душъ двадцать, — заглянула на крышу сарая, гдѣ на одной ногѣ стоялъ аистъ, стерегъ Олино счастье, простилась и съ аистомъ, подвернулся Кадо, и съ Кадо, охотничьей рыжей собакой, и со всѣми дворнягами, черными и бѣлыми.

— Прощайте, — запыхавшись говорила Оля, — ваша Оля уѣзжаетъ въ гимназію.

И чудилось ей, всѣ отвѣчаютъ:

— Прощай Оля, пріѣзжай скорѣе.

— Пріѣду, пріѣду гимназисткой въ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ.

Побѣжала за ворота къ церкви на цвинтаръ на могилу къ бабушкѣ, а съ цвинтара обратно черезъ клубнику въ клуню, — тянулись къ клунѣ возы съ хлѣбомъ, шумѣла молотилка, — взяла зерна полная горсти, стала среди двора противъ дома съ бѣлыми башнями, оглянула далеко вокругъ, высоко подбросила верна — и въ закатѣ золотыми, какъ пчелы во-

лотыя, понеслись они къ небу и синимъ дождемъ осыпали Олю.

И казалось, сама печь, стѣны дома стали за Олю,
— Прощай, Оля, прѣжай скорѣе.

Оля крѣпкая дѣвочка, рослая, краснощекая, коса у ней свѣтло-русая, а брови густыя и черныя, точно начерненные. Въ первый день въ гимназіи прохожу ей не давали и трогали-то за щеки и тискали и тормошили, но ее занимали вѣшалки — ихъ въ прихожей было такъ много и такъ чудно можно было по колышкамъ рукой проводить съ конца на конецъ.

Прасковья Ивановна Пѣнкина, начальница пансіона, куда отдали жить Олю, напротивъ, съ перваго же дня возненавидѣла Олю.

Тощая, стриженная, зеленая, вся какая то засаженная, начальница то и дѣло шпыняла Олю.

Оля уроки приготоуляла скоро и возни съ ней никакой не было, но всякій разъ, какъ Оля входила въ классную комнату, гдѣ занимались другія дѣвочки, начальница, выгоняла ее:

— Иди вонъ, корова!

Или призвавъ къ себѣ, начинала допрашивать, чѣмъ Оля себѣ зубы чистить, отчего они у нея такіе бѣлые, и когда Оля отвѣчала, что ничѣмъ не чистить, снова выгоняла ее:

— Иди вонъ, корога!

Олю очень обижало, что ее такъ называютъ, и не любила она Прасковью Ивановну.

Обиду Оля чувствовала остро.

Въ Ватагинѣ однажды Оля и старшая сестра Ирина пошли гулять съ управляющимъ въ лѣсъ. По пути пришлось перелѣзать черезъ изгородь. Ирина быстро перелѣзла, а Оля — тогда еще совсѣмъ маленькая — карабкалась-карабкалась и не можетъ.

«Такой пузырь маленькій, а туда же лѣзеть!» — смѣялся управляющій и, взявъ на руки, перенесъ.

Олю это такъ обидѣло, цѣлую недѣлю проплакала, но ни за что не хотѣла сказать, о чемъ плачетъ.

Впослѣдствіи обида выражалась у Оли совсѣмъ по другому, — не въ молчаливыхъ слезахъ.

Но теперь даже и молчаливыхъ слезъ не было. Оля старалась избѣгать Прасковью Ивановну. Мно-го чего было такого занимательнаго въ этомъ пансіонѣ, и обида какъ-то забывалась.

По субботамъ около десяти, когда гимназистки укладывались спать, у Прасковьи Ивановны Пѣн-киной собирались гости.

Гости были все свои люди, по преимуществу учителя, учительницы и классныя дамы Покидошеьской женской гимназіи. Всѣ они размѣщались въ залѣ, одна изъ дверей которой выходила въ комнату, гдѣ спали гимназистки младшаго класса.

Кровать Оли стояла какъ разъ у этой двери и обыкновенно по субботамъ Оля не спала до тѣхъ поръ, пока не расходились гости, и ей всегда казалось ихъ такъ много, негдѣ яблоку упасть.

Въ числѣ гостей былъ и любимый Яковъ Степановичъ Теофилактъ, учитель физики и географіи съ одной губой и раздвоеннымъ носомъ, рассказывавшій такъ же весело, какъ и въ классѣ, про свои путешествія по Россіи съ пріятелемъ знающимъ, и самый страшный учитель — историкъ Филимонъ Петровичъ Кураповъ-Таптыга, говорившій при встрѣчѣ съ дамами неизмѣнно: «съ почтеніемъ, съ уколѣніемъ!» на манеръ щеголеватаго лавочнаго «здравствуйте—пожалуйста», ходоваго у Покидошенскихъ приказчиковъ, и гроза гимназіи Катерина Федоровна, заставлявшая рѣшать задачу съ конца и ставившая нотабены, и три классныя дамы: Марья Петровна, Марья Дмитриевна, Марья Терентьевна — сухія и зеленые, чѣмъ-то напоминавшія и начальницу гимназіи Марью Ивановну и начальницу пансіона Прасковью Иванов-

ну, хотя ни разу въ разговорахъ ни о какомъ родствѣ ихъ между собой ничего не упоминалось, затѣмъ батюшка законоучитель Аристотелевъ, про котораго говорилось, что послѣ открытія мощей въ Покидошѣ, онъ на мощахъ себѣ домъ построилъ, какъ говорилось про знаменитаго въ Покидошѣ дантиста, что тотъ на покидошенскихъ зубахъ себѣ домъ построилъ.

Иногда приходилъ и другой батюшка Свободинъ — законоучитель въ младшихъ классахъ. Этого батюшку въ гимназіи любили, а въ городѣ не иначе называли, какъ Іовъ Многострадальный.

Въ одну зиму умерла у батюшки жена и сынъ отъ скоротечной чахотки, а весной утонула младшая дочь. Да при этомъ такая путаница вышла — нехорошо: за суматской не разобрать, кто утонулъ — купались-то двѣ батюшкины дочери, и какъ полѣзли въ рѣку искать, побѣждалъ кто-то къ батюшкѣ и сказалъ, что утонула старшая Катя — одноклассница съ Олей. А немного погодя приходитъ Катя домой, правда, одѣта странно: въ одной рубашкѣ и въ шляпкѣ, но онъ на это ужъ не посмотрѣлъ, очень обрадовался, словно изъ мертвыхъ воскресъ, подумалъ, никто не утонулъ — спутали, а тутъ младшую выловили и несутъ въ домъ уже мертвую. Оля была на похоронахъ, видѣла, ой, какъ страшно: итти батюшка не могъ, а ползъ на четверенькахъ за гробомъ и всю дорогу отъ дома до церкви и потомъ отъ церкви до самого кладбища — такъ ползкомъ.

Батюшка Свободинъ тихій, его и не слышно, это вотъ Топтыга Филимонъ Петровичъ историкъ — и не голосъ у него совсѣмъ, а какой-то чугуны-литейный.

А самымъ важнымъ и желаннымъ, но и рѣдкимъ гостемъ былъ учитель словесности Павелъ Николаевичъ Соловьевъ. Если Якова Степановича любили, а Филимона Петровича боялись, то Павла Николаевича обожали и не только старшія гимназистки, которымъ онъ преподавалъ словесность, но и младшія — по наслышкѣ.

Цѣлыхъ трехъ Павловъ Николаевичей можно было бы сдѣлать изъ одного Якова Степановича, притомъ деликатень — на учителя даже не похожъ, обращался къ гимназисткамъ не иначе, какъ называя каждую «госпожа такая-то», золотыя очки, носъ съ задоринкой вверхъ, усы и колышкомъ борода, никогда не ловилъ, никогда не доносилъ, а высшее негодованіе свое выражалъ лишь замѣчаніемъ:

— Вы, право, пишете сочиненія, какъ кухарки.

А попадись Филимону Петровичу любое изъ сочиненій, вызывавшее лишь замѣчаніе Павла Николаевича, да что бы Филимонъ Петровичъ на его мѣстѣ сдѣлалъ?

Вотъ сочиненіе семиклассницы Нади Воробьевой: въ чемъ выражается дружба между товарищами?

«При разлукѣ друзья обыкновенно умираютъ или сходятъ съ ума. Это случается между друзьями молодыми и притомъ разнаго пола. Это называется увлеченіе. Если оно долго не проходитъ, то называется любовью. Конецъ».

Да отъ Филимона Петровича, конечно, пришелъ бы конецъ — ужъ попало бы да не въ одну, а на всѣ четыре четверти единица да съ такимъ вотъ усищемъ.

Павель Николаевичъ никакого такого усища не зналъ и ставилъ тройку съ тремя минусами и около минусовъ точку, но такъ нѣжно, что самъ другой разъ при выводѣ за пятерку приметь.

Лишь только появлялся Павель Николаевичъ на вечерѣ, и въ пансіонѣ подымался щебетъ: щебетали вокругъ него и ластились, какъ къ идолу, и классныя дамы тѣ три сухія и зеленныя и сама Прасковья Ивановна. И откуда такіе голоса брались — переливные, перепелиные, ни въ классной, ни въ гимназіи ничего подобнаго не было слышно даже по праздникамъ — обыкновенный классный голосъ извѣстно: изъ души хриплый съ визгомъ, а тутъ, подижь ты?!

*

Вечеръ открывался самоваромъ, пили чай, разговаривали, потомъ садились играть въ карты, потомъ ходили по комнатѣ парами или бѣгали изъ угла въ уголъ, — такъ представлялось Олѣ за дверью.

А на самомъ дѣлѣ, послѣ второго или третьяго самовара и закуски танцовали и играли въ фанты, и въ почту. Когда же приходилъ Павелъ Николаевичъ весь порядокъ мѣнялся: Павелъ Николаевичъ пѣлъ романсы.

За дверью въ комнатѣ, гдѣ спали гимназистки, пѣніе слышно было отчетливо, но гимназисткамъ хотѣлось не только пѣніе послушать, что пѣніе! — посмотреть, какъ поетъ Павелъ Николаевичъ, вотъ чего добивались.

Въ одну изъ субботъ разнесся слухъ, что на вечеръ непременно будетъ Павелъ Николаевичъ. И рѣшено было не спать, хоть всю ночь, а дождавшись удобной минуты, во время пѣнія пріотворить дверь въ залъ.

Кровать Оли представляла самое подходящее мѣсто для наблюденій и, когда слышалась музыка, Оля, стоя на кровати и упираясь руками въ дверь, тихонько голкнула ее отъ себя — дверь пріоткрылась и щелка пришла какъ-разъ противъ Павла Николаевича.

Павелъ Николаевичъ держалъ въ одной рукѣ ноты, другой поправлялъ воротничекъ — готовился начинать.

А въ то время, какъ Павелъ Николаевичъ запѣлъ

*подъ душистою вѣткой сирени
съ ней сидѣлъ я надъ сонной рѣкой...*

— сзади на Олю стали такъ напирать, такъ тѣснить и давить ее, что руки ея, упиравшіяся въ дверь, не

выдержали — дверь распахнулась, и Оля вылетѣла въ залъ.

Что только было! — и Прасковья Ивановна и всѣ три классныя дамы — Марья Петровна, Марья Димитріевна, Марья Терентьевна сначала-то остолбенѣли и на время — къ счастью — языка лишились: вѣдь Оля вылетѣла въ залъ въ одной сорочкѣ — срамъ-то какой!

Задали крѣпко Олѣ.

*

Въ пансіонѣ Прасковьи Ивановны Пѣнкиной Оля прожила свой первый гимназическій годъ.

Самыми радостными днями и за этотъ годъ и за другіе гимназическіе годы былъ для Оли пріѣздъ отца: Александръ Павловичъ пріѣзжалъ въ Покидошъ на выборы.

Обыкновенно утромъ до гимназіи, только-только еще съ постели подымутся, завидитъ Оля подъѣжающій экигажъ, голубой околышъ и николаевскую шинель отца, все бросить — всѣ свои книги, побѣжить встрѣчать. И цѣлуетъ, не даетъ раздѣться, обнимаетъ своими маленькими, еще горячими со сна, руками — такъ рада, чуть не плачетъ отъ радости.

А онъ ей корзиночку изъ дому, а въ корзиночкѣ курица, маковники на медъ, варенье, пастила.

— Котикъ мой, — скажетъ, — какая ты у меня большая, не по годамъ растешь, а по часамъ, — и улыбнется.

И Олѣ становится еще веселѣе: не занетъ, что и рассказывать, и корзиночку посмотреть скорѣе хочется, что въ ней заключается.

Незадолго до отпуска на лѣтнія каникулы пріѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна и, узнавъ о пансіонской жизни Оли, осталась очень недовольна порядками — Олю пришлось остричь подъ гребенку — такая была всюду грязь и никакого присмотра.

*

На слѣдующій годъ Олю отдали не въ пансіонъ, а къ знакомымъ — Берсеновымъ.

Берсеновы — Покидошенскіе старожилы и самъ Берсеновъ одно время занималъ очень важную должность, но потомъ вышелъ въ отставку. Соня Берсенева — одноклассница съ Олей да къ тому же вмѣстѣ учились музыкѣ у одной учительницы, и Олѣ хотѣлось жить со своей подругой.

Если въ пансіонѣ Пѣнкиной было и не совсѣмъ ладно — а будь Прасковья Ивановна хоть чуточку поласковѣе, Оля, пожалуй, и привыкла бы, — у Берсеновыхъ, напротивъ, все было хорошо, одно — жутко.

Странный человѣкъ былъ самъ Берсеновъ — отецъ Сони, а домъ Берсеновыхъ непростой.

Про домъ въ городѣ ходили слухи, что домъ нечистый и, что какъ только его покупали, непременно кто-нибудь изъ семьи владѣльцевъ умиралъ. Обыкновенно такіе дома пустуютъ и легко переходятъ изъ рукъ въ руки первому же покупателю. Берсеновы купили домъ очень дешево.

Семья Берсеновыхъ состояла изъ отца и двухъ дочерей: старшая Наля, уже взрослая, занималась хозяйствомъ, младшая Соня гимназистка, былъ и еще сынъ, и дочь, но тѣ жили въ Петербургѣ.

Странность самого Берсенева выражалась въ томъ, что послѣ смерти своей жены онъ ни слова не говорилъ съ дѣтьми, съ другими же съ посторонними, хотя бы съ той же Олей, разговаривалъ и даже шутилъ.

Наля и Соня, кстати очень съ лица похожія на отца, къ этому привыкли, и установился особый способъ объясненія.

Такъ, когда Соня затѣвала устроить у себя вечеръ, она подходила къ отцу и просила позволенія пригласить гимназистокъ и, не дождавшись отвѣта, уходила въ свою комнату. Если на утро на рояли лежали

конфеты, фрукты, закуска — это значило, что отецъ разрѣшаетъ.

За обѣдомъ и за чаемъ онъ сидѣлъ молча и такъ, будто ихъ не только не было за столомъ, но вообще-то они не существовали на свѣтѣ, а между тѣмъ случайно промелькнувшее въ разговорѣ сестеръ желаніе предупредительно исполнялось имъ. Какъ-то за чаемъ, болтая съ Олей о нарядахъ, Соня размечталась о тепломъ коричневомъ джорсѣ, которое она непременно положила себѣ купить, какъ только у ней заведутся деньги, — на другой же день утромъ на рояли лежало теплое коричневое джорсѣ.

Когда старшая Наля рѣшила выйти замужъ и попросила отца благословить ее, онъ и тутъ не сказалъ ни слова, только захмыкалъ носомъ, — а на утро на рояли чежали двѣ иконы, свѣчи и деньги.

Большими глазами смотрѣла Оля на странныя объясненія отца съ дѣтьми, но потомъ освоилась, перестала замѣчать, но того, что творилось въ домѣ, Оля никакъ не могла не замѣчать.

Половицы старого паркета не всѣ, нѣкоторыя, и какими-то кругами особенно поскрипывали даже днемъ, и отъ этого скрипа тянуло за душу, а на рояли, если его забывали закрыть на ночь, что-то тихо игралъ, да какъ тихо! — отъ этой тихой игры становилось тоскливо, мѣста не найти отъ тоски, куда ужъ спать.

Оля и Соня, передъ тѣмъ, какъ ложиться, окрѣщивали и завѣщивали всѣ зеркала: что-то неприятное было въ зеркалахъ, какой-то свѣтъ наполненности и ужъ, конечно, страшно.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ пришлось прожить Олѣ въ этомъ нечистомъ домѣ хорошей, но странной семьи. Внезапно умерли и сынъ и дочь Берсѣевы, жившіе въ Петербургѣ, и домъ за безцѣнокъ сей-часъ же продали.

Наталья Ивановна вмѣстѣ съ младшей Леной перѣехала въ Покидошъ, наняла квартиру и мѣсяцъ Оля прожила съ матерью. Однако, очень скоро На-

таля Ивановна вынуждена была вернуться въ Ва-
тагино, а Оля переселилась въ пансіонъ двухъ нѣ-
мокъ — Паулины Викентьевны и Розаліи Викентьев-
ны Линде.

3.

Пансіонъ Линде образцовый, Паулина Викен-
тьевна и Розалія Викентьевна дамы почтенныя.

Паулина Викентьевна замужняя, Розалія Ви-
кентьевна — барышня. Обѣ на одно лицо, обѣ кро-
шечныя, сутуловатыя, съ необыкновенно длинными
носами и необыкновенно маленькими дѣтскими гу-
бами, обѣ въ мелкихъ, какъ паутинка, тонкихъ за-
вивающихся морщинкахъ, а на головѣ у каждой по
черной кружевной наколкѣ. Разница между ними толь-
ко въ томъ, что Паулина Викентьевна, хоть и отда-
ленно, но имѣла нѣкоторое право носить дамскій на-
рядъ, Розалія же Викентьевна, если и носила, и го-
ворять, за сорокъ лѣтъ носить, то по сущему недо-
разумѣнію.

У Паулины Викентьевны три сына и всѣ несбык-
новенно рослые — прямо подъ потолокъ: старшіе
двое — докторъ и студентъ жили въ Петербургѣ и
лишь наѣзжали къ матери въ Покидошъ, младшій
же служилъ въ губернаторской канцеляріи и нахо-
дился при матери въ пансіонѣ.

Доктора и студента гимназистки любили: въ слу-
чаѣ недоразумѣній и докторъ и студентъ всегда за-
ступались. А младшаго — канцеляриста не любили
и называли шпиономъ: канцеляристъ доносилъ мате-
ри и теткѣ, когда, на примѣръ, гимназистку прово-
жалъ изъ гостей въ пансіонъ какой-нибудь гимназистъ
и, хотя гимназистки находили увертку, говоря, что
проводилъ вовсе не гимназистъ, а лакей съ серебря-
ными пуговицами, все-таки бывали непріятности.

Паулина Викентьевна не разъ и не два заявля-
ла:

— Я была хорошенькая, а Розалія Викентьевна просто красавица.

— Нѣтъ, я была хорошенькая, а Паулина Викентьевна просто красавица! — непременно возражала Розалія Викентьевна.

Паулина Викентьевна ни за что не соглашалась, подымался споръ и весь пансіонъ помиралъ отъ хохота.

Разговорчивость нападала на Паулину Викентьевну и Розалію Викентьевну по большей части за объѣдомъ, и онѣ охотно дѣлились своими воспоминаніями.

— Однажды мы были на балу съ Розаліей Викентьевной, — рассказывала Паулина Викентьевна, — и такъ какъ мы поздно пріѣхали на балъ, а насъ ждали, то кавалеры захотѣли намъ за это отомстить, и никто насъ не пригласилъ танцовать, тогда мы взяли другъ съ дружкой и стали танцовать. Это было такъ мило, что всѣ кавалеры бросили своихъ дамъ и пошли танцовать съ нами.

— Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило! — ужъ хоромъ повторяли нѣмки.

Кто-то пустилъ слухъ, будто Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна ходятъ въ резиновыхъ юбкахъ.

Много объ этомъ было разговору, но еще больше гадали: какія такія могутъ быть резиновыя юбки — такія ли, какъ калоши, или какъ мячики? — всѣмъ хотѣлось посмотреть эти резиновыя юбки, но какъ посмотреши, если нѣмки не только что въ этихъ резиновыхъ юбкахъ, даже безъ своихъ кружевныхъ черныхъ наколокъ никогда не показывались въ комнатахъ передъ гимназистками — нѣмки къ себѣ аккуратныя, нѣмки порядокъ любятъ.

Но вотъ однажды, укладываясь спать, гимназистки подняли возню, Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна, не зная, что и думать, забывъ всякій порядокъ, neodѣтыя бросились въ комнату, и что же? —

у каждой — это сразу всё, и не смотрѣвши, замѣтили — было по самой настоящей резиновой юбкѣ.

— Смотрите, да онѣ и танцовали въ этихъ юбкахъ! — кричала отъ удовольствія Оля.

«Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило!» — вспоминались слова нѣмокъ и ужъ ночь въ пансіонѣ не спали, надрываясь отъ смѣха.

Раза три въ году пріѣзжалъ въ Покидошъ пасторъ и тогда Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна исчезали изъ пансіона.

Кто-то сказалъ, что когда пасторъ служить, нѣмки поютъ.

И это показалось куда смѣшнѣе резиновыхъ юбокъ: чѣмъ-то такимъ уморительнымъ и невозможнымъ, какъ если бы батюшка Аристотелевъ переодѣлся въ офицера.

Нѣмки крохотны, тощи, горбаты, носаты и ужъ никакія пѣвицы, а у батюшки Аристотелева брюшко — пузыремъ, губы осметки, носъ башмакъ и при разговорѣ манера — подбирать свои губы, чтобы не было видно ни одного зуба — хорошъ офицеръ!

И хохотали въ гимназіи во время урока, хохотали въ пансіонѣ за урокомъ и на прогулкѣ и въ церкви такъ вдругъ ни съ того, ни съ чего при одной мысли о поющихъ нѣмкахъ и батюшкѣ — офицерѣ.

У нѣмокъ — свободно. Уйти изъ пансіона погулять по улицѣ можно безъ всякихъ и въ любое время.

Одна изъ гимназистокъ выбѣгала за дѣеръ и звонила, а другая гимназистка заявляла Паулинѣ Викентьевнѣ или Розаліи Викентьевнѣ, будто пришла за ней горничная, ну и отпускали. Такъ выходили гимназистки гулять совсѣмъ не въ урочное время, а такія прогулки были верхъ счастья.

Весело, свободно — всѣмъ хорошо у нѣмокъ, только кормили не очень, и часто гимназистки таскали изъ буфета черный хлѣбъ, а за чаемъ уписывали простую французскую булку съ такимъ вкусомъ, всѣ челюс-

ти трещали. Но ужъ тутъ ничего не подѣлаешь: пансіонъ нѣ домъ.

— Ты сожми булку и ѣшь, и думай, что тамъ сыръ, а когда наѣшься, думай, что тамъ халва, — научила голодную Олю шестиклассница княжна Шахъ-Булатова.

И Оля слушалась: изо всѣхъ силъ сжимала булку и ѣла, — старалась думать, что тамъ сыръ, а когда съѣдала булку, старалась думать, что тамъ халва.

И наука шла въ прокъ.

Къ Олѣ нѣмки относились хорошо, только почему-то вообразивъ, будто брови у Оли не настоящія, нѣтъ-нѣтъ да и дѣлали ей замѣчаніе, чтобы она ихъ не красила. И хотя Оля муслила себѣ палецъ и водила себя по бровямъ и палецъ оставался совершенно чистымъ, — нѣмки не вѣрили.

*

Олю тянуло къ большимъ и она постоянно терлась въ комнатѣ, гдѣ занимались старшія гимназистки.

Двѣ гимназистки шестиклассницы еще съ перваго класса очень нравились Олѣ: Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова.

Вѣра Сахарова высокая, здоровая, но такая блѣдная — совсѣмъ бѣлый мраморъ, огромные черные глаза и черные гладко зачесанные волосы, — Оля называла ее «красивой».

Княжна Шахъ-Булатова розовая, чернобровая съ золотыми вьющимися волосами, большіе голубые глаза и необыкновенно длинныя рѣсницы, вся тонкая, — Оля называла ее «красавицей».

Въ первые гимназическіе дни, встрѣчая княжну, Оля улыбалась ей, посылала поцѣлуи и разъ спросила, какъ ее звать, но княжна ничего не отвѣтила, за нее

сказала Вѣра Сахарова, что зовутъ княжну Марья Александровна.

— Марья Александровна княжна Шахъ-Булатова, — послѣ повторяла Оля и на запотѣломъ стеклѣ выводила пальчикомъ:

М А К Ш

Однажды, возвращаясь отъ вечерни въ пансіонъ, Оля встрѣтила странника. Странникъ остановилъ Олю и далъ ей бѣлый кругленькій камушекъ — «Богородицыну слезу» и молитву «Сонъ Богородицы».

— Если припишешь къ молитвѣ задуманное, — сказалъ странникъ, — и молитву всегда при себѣ носить будешь, задуманное исполнится.

Вечеромъ въ пансіонѣ — это было еще у Прасковьи Ивановны Пѣнкиной, — Оля переписала молитву черезъ синюю переводную бумагу, и сдѣлала она такъ потому, что синій цвѣтъ буквѣ имѣлъ по ея мнѣнію какое-то совсѣмъ особенное значеніе. Къ этой синей молитвѣ — къ «Сну Богородицы» синимъ же приписала и свое желаніе:

«Господи, сдѣлай меня какъ княжна Шахъ-Булатова»!

А приписывая желаніе, представляла себѣ Вѣру Сахарову — «красивую» и княжну Шахъ-Булатову — «красавицу» и еще какъ-то само собой думала и о самой умной — о своей первой учительницѣ Софѣ Евдокимовнѣ, дочери Ватагинскаго батюшки о. Евдокима. Потомъ зашила молитву въ ладонку, надѣла на шею и стала ждать, что будетъ.

Долгая прошла недѣля. Въ субботу Оля спросила у одной гимназистки, не замѣчаютъ ли она въ ней какой перемѣны?

— Нѣтъ, — отвѣтила гимназистка, — никакой перемѣны не замѣтно.

— Ни въ чемъ?

— Такая же.

«Вѣра Сахарова красивая, — подумала Оля, — княжна Шахъ-Булатова красавица, ну и пускай будетъ одна красивой, другая красавицей!» — и сняла съ сѣ груди ладонку.

Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова — самыя отчаянныя, самыя оголтелыя — «отпѣтыя» во всемъ пансіонѣ. По воскресеньямъ къ нимъ то и дѣло приходили въ гости гимназисты. И хотя хорошо было извѣстно, что княжна изъ Москвы, гдѣ живетъ ея отецъ и мать, и что въ Покидошѣ кромѣ старой бабушки у ней нѣтъ никого, все-таки какіе-то братья появлялись и торчали въ пріемной комнатѣ весь день, пока нѣмки не выкуривали ихъ да и то съ помощью «Марша русскихъ добровольцевъ». Въ пріемной стояло піанино и туда-то посылалась одна изъ младшихъ гимназистокъ, гимназистка должна была играть этотъ «Маршъ русскихъ добровольцевъ», и тогда само собой гимназисты отправлялись по домамъ.

— Послушайте, — сказала какъ-то Паулина Викентьевна княжнѣ Шахъ-Булатовой, когда ужъ видно подозрѣніе взяло верхъ надъ добродушіемъ, до вѣрчивостью и деликатнстью нѣмки, — вашъ братъ то блондинъ, то брюнетъ, то шатенъ?

— Очень просто, — нашлась княжна, — утроемъ онъ шатенъ, въ полдень блондинъ, а вечеромъ — брюнетъ.

Не всегда кончалось такъ просто. Бывали случаи, что безъ вмѣшательства старшихъ сыноей Паулины Викентьевны — доктора или студента — дѣло не обходилось. Только и докторъ и студентъ — и очень хорошіе, но медвѣди какіе-то неповоротливые.

По донссу ли младшаго сына — канцелярситы или по собственнымъ наблюденіямъ, скорѣе всего по доносу, Паулина Викентьевна послѣ «Марша русскихъ добровольцевъ» вызвала Вѣру Сахарову и сдѣлала ей строгій выговоръ, запрещая впредь принимать

только что ушедшаго брата-гимназиста, такъ какъ онъ совсѣмъ ей не братъ.

Вѣра Сахарова на дыбы — заспорила, Паулина Викентьевна вышла изъ себя — загорячилась. Поднялся крикъ. И Вѣрѣ Сахаровой пришлось уступить и сознаться.

На крикъ прибѣжалъ докторъ да до конца-то, должно быть, не дослышавъ, вступился:

— Повѣрьте, — сказалъ онъ матери, — ручаюсь, это дѣйствительно братъ, я самъ видѣлъ собственными глазами, какъ они на прощанье поцѣловались.

И опять поднялся крикъ теперь ужъ изъ-за поцѣлуя.

На прогулкахъ Вѣра Сахарова въ парѣ съ княжной Шахъ-Булатовой — еѣ самомъ хвостѣ, а за ними еще цѣлый хвостъ гимназистовъ. Съ гимназистами разговаривать во время прогулокъ не разрѣшается, но Вѣра Сахарова всегда разговариваетъ. Пробовали дѣлать замѣчаніе, не слушаетъ. И стали оставлять ее одну въ пансіонѣ, лишивъ всякой прогулки.

Тутъ-то вырывался вонъ наружу все неистовство этой взбалмошной бѣлой, какъ бѣлый мраморъ, гимназистки: сумасшедшая, бѣгала она по ксменатѣ, швыряла чѣмъ попало такъ ни въ кого, хлопала дверями и ругала нѣмокъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Такъ какъ нѣмки по русски не все понимали, то употреблялись выраженія не то чтобъ нецензурныя, а все-таки и непечатныя, а чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче, тѣмъ ругательнѣе.

Упади всѣ ругательства на нѣмокъ и отъ бѣдныхъ нѣмокъ ничего бы не осталось — такъ какая-нибудь кашаца.

Взбалмошная, любила Вѣра Сахарова потѣшаться и изводить младшихъ гимназистокъ: возьметъ выхватить у какой-нибудь изъ подъ носа книжку или потихоньку спрячетъ — и ходить та, зубрить вѣдь не по чѣмъ, просить отдать, нѣтъ, ни за что не отдастъ, и только утормъ, когда въ классъ итти, подсунеть.

И Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова любили Олю и никогда отъ себя не выгоняли изъ своей комнаты. Оля говорила имъ «вы», онѣ Олѣ «ты», а иногда «ты-Сова» за ея большія сѣрые глаза.

Въ пансіонѣ всѣмъ было извѣстно, что Оля очень способная и первая ученица. Зная сообразительность Оли, Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова экзаменировали ее по русской грамматикѣ, причемъ задавали ей такіе вопросы, правильный отвѣтъ на которые волей-неволей, а попадалъ въ число непечатныхъ словъ, употребляемыхъ въ сердцахъ самой Вѣры Сахаровой.

И Оля улыбалась, глядя на неистовую бѣлую, какъ бѣлый мраморъ, гимназистку «красивую» и на задорную золотую княжну «красавицу», и ей было весело.

4.

Изъ сверстницъ въ пансіонѣ Оля сблизилась съ одноклассницей Мариной Завѣтновской.

Съ виду Марина — противоположность Оли: маленькая, блѣдненькая и худенькая, но въ чемъ-то такая же насторожившаяся, какъ и Оля. Онѣ вмѣстѣ скакали по залѣ на перемѣнахъ, вмѣстѣ устраивали разныя продѣлки въ гимназiи и въ пансіонѣ, а разъ во время танцевъ, стоя визави, взяли да и поцѣловались, и отбывали за этотъ поцѣлуй общее наказаніе, а учительница рукодѣлья, она же и классная дама, по прозванію Цапля, не любившая ни Олю, ни Марину, выражалась про нихъ просто:

— Два экземпляра.

И какъ нарочно эта самая Цапля, слѣдившая на улицахъ за гимназистками, рѣдко не попадалась Олѣ и Маринѣ, когда тайкомъ выходили онѣ погулять изъ пансіона.

— Куда идешь!? — останавливала Цапля.

— За тетрадкой.

— На лицѣ должно быть написано, что идешь за тетрадкой, — читала нотацію Цапля, — итти надо быстрымъ, дѣловымъ шагомъ.

Марина Завѣтновская — особенно, но такъ Оля дружила со есімъ своимъ классомъ, хотя тетка Марья Петровна Вольская и указывала гимназистокъ, съ которыми Оля не должна дружить, потому что онѣ ей не ровня.

— Теперь еще ничего, — слушала Оля, какъ говорила тетка Наталья Ивановнѣ и въ Ватагинѣ и въ Покидошѣ, — а когда выростутъ, въ нѣкоторыхъ домахъ Олѣ бывать неприлично, вотъ хотя бы у Рогачевыхъ — Рогачева живетъ съ прокуроромъ или у Сабуровыхъ — у нихъ гостинница!

И Олю къ нѣкоторымъ гимназисткамъ не пускали. Но какъ разъ къ нимъ-то и ходила Оля: она просилась у нѣмокъ отпустить ее къ тѣмъ, къ которымъ пускать разрѣшалось, а сама шла къ отверженнымъ.

Въ числѣ отвергнутыхъ теткой оказалась и Марина Завѣтновская, такъ какъ отецъ ея былъ актеръ заѣзжей труппы, игравшей второй сезонъ въ Покидошенскомъ городскомъ театрѣ.

*

Городъ Покидошъ, воспѣтый мѣстнымъ поэтомъ, скромно пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ праматерь русскихъ городовъ — колыбель Россіи.

*Покидошъ — городъ древній
Пострєсь на рѣкѣ Смургѣ
Притомъ же съ пристанью темной...*

Въ Покидошѣ гдѣ городской голова, при открытіи памятника Пушкину, заявилъ въ своей рѣчи покидошенскимъ жителямъ, что памятникъ стоитъ такихъ-то и та-

кихъ-то большихъ денегъ и потому надо беречь его, какъ святыню, а въ скверѣ будочникъ отгонялъ глазѣющихъ на памятникъ, говоря: «Проходите, тутъ смотрѣть нечего!» гдѣ чудакъ-губернаторъ самъ себя воздвигъ на соборной площади мраморный обелискъ съ перечисленіемъ всѣхъ своихъ заслугъ губерніи, а около красовалась на столбикѣ надпись: «Скорлупъ подсолнечныхъ и другихъ фруктовъ бросать воспрещается», гдѣ полицеймейстеръ наканунѣ луннаго затменія приказомъ объявлялъ населенію, чтобы зря не смотрѣли на небо, если будетъ облачно, гдѣ изстари ловился какой-то таинственный разбойникъ, если не Соловью, то Савицкому и Лбову по отвагѣ нисколько не уступавшій, гдѣ строили дома на мощахъ, на зубахъ и на предметахъ еще болѣе деликатныхъ, гдѣ на пожарной каланчѣ давно уже не ходилъ старикъ — часовой, а только всякому по привычкѣ казалось, что ходитъ, гдѣ въ пожары били въ набатъ и собирался весь городъ, какъ въ церковь на Пасху, гдѣ барышни почти поголовно открывали въ себѣ артистическій талантъ и вдругъ хотѣли сдѣлаться актрисами, гдѣ на вечерахъ, когда чудакъ подымалъ вопросъ важный и глубокій, пожалуй и неумѣстный, въ отвѣтъ ему раздавался этакій здоровый «расейскій» хохоть и гдѣ, наконецъ, въ казенномъ саду по веснѣ, напившись росы съ молодого березоваго листа, такъ пѣлъ соловей, что весь садъ дрожалъ, — все было — на всѣ колѣна: и бульканье, и колыханье, и дробь, и раскаты, и пленканье, и лѣшева дудка, и кукушкинъ перелетъ, и гусачекъ, и юлиная стукотня, и починъ, и оттолочка, всѣ свисты, всѣ трели, всякая стукота, — въ тихомъ, мирномъ и пыльномъ Покидошѣ Марья Петровна Вольская играла не послѣднюю роль.

Мужъ Марьи Петровны Вольской — дядюшка Оли — отставной капитанъ, получавшій огромную пенсію за увѣчье: одинъ глазъ у дядюшки былъ не свой, а вставной — фарфоровый. Глаза дядюшка лишился въ турецкую кампанію: возвращаясь какъ-

то домой съ Покидошенскаго праздника, устроеннаго городомъ по случаю полученія какихъ-то важныхъ военныхъ извѣстій, онъ свалился съ извозчика и такъ повредилъ себѣ глазъ, ровно бы пуля въ него засѣла.

Сама Марья Петровна, хлопотавшая въ свое время о пенсіи, увѣряла, что вовсе не пуля, а семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

А за Марьей Петровной и весь Пскидошъ, передавая и надо и не надо эту злополучную исторію дядюшки съ извозчикомъ, всякій разъ добавлялъ:

— И семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

Дядюшка любилъ рассказывать о сраженіяхъ, какъ о морскихъ, такъ и о сухопутныхъ, часто вспоминалъ походы, битвы и штурмы крѣпостей. И Оля и двоюродная сестра Леночка — дочь дядюшки — съ большимъ вниманіемъ слушали его чудесные рассказы.

Марья Петровна — образцовая мать, примѣрная воспитательница.

Въ пять лѣтъ Леночка въ любое время даже со сна безъ запинки отвѣчала на три основные семейные вопроса.

— Какъ твоя мама?

— Всезнайка.

— Кто твой папа?

— Всеумѣйка.

— А ты?

— Леночка.

И эти отвѣты приводили въ восторгъ весь Покидошъ, и все это было самая сущая правда.

Марья Петровна дѣйствительно все знала: всюду и вездѣ появлялась она на вечерахъ, на похоронахъ и свадьбахъ, — безъ нея не праздновали, не хоронили и не вѣнчали, даже и заболѣвать какъ-то ухитрялись при ней, ей до всего было дѣло, она обо всемъ хотѣла знать и обо всемъ говорила, и о всякомъ могла рассказать не только всю подноготную изъ прошлаго,

но другой разъ и о будущемъ — что еще только предполагалось и далеко было отъ всякаго осуществленія. А дядюшка съ фарфоровымъ глазомъ, дѣйствительно, умѣлъ удивительно ловко и тщательно склеивать разбитыя Леночкины куклы и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами кукольные мастера ни за какія деньги не соглашались и наотрѣзъ отказывались.

Много сама говорившая, Марья Петровна цѣнила выше всего то, что говорятъ. Последнимъ доводомъ, непререкаемымъ, стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія, являлось для нея это «говорять».

— Оля, что про тебя говорятъ! — объявляла тетка, покуривая папироску, и сейчасъ же передавала какой-нибудь такой Покидошенскій слухъ, который оставлялъ далеко за собой даже собственные теткины увѣренія о семидесяти семи турецкихъ разрывныхъ гранатахъ, застѣвшихъ въ дядюшкѣ.

Когда пріѣзжала изъ Ватагина Наталья Ивановна и останавливалась у Вольскихъ, среди горохомъ пересыпаемыхъ покидошенскихъ новостей клиномъ врѣзалось въ разговоръ теткино «говорять».

— Представьте себѣ, Наталья Ивановна, Зина Раева ходитъ въ казенный садъ и у нея скоро будетъ ребенокъ.

— Этого не можетъ быть.

— Наталья Ивановна, говорятъ!

Передохнетъ, затынется и снова:

— Представьте себѣ: Олѣ Богдановичъ прислала Лиза Шалаурова солдата съ письмомъ, а говорятъ, что самъ Шалауровъ прислалъ.

— Что вы, Марья Петровна?

— Наталья Ивановна, говорятъ!

«Тетка все говоритъ неправду», — думала Оля, до которой нерѣдко долетали разговоры.

«Зачѣмъ вы говорите глупости и неправду?» — загорѣвшись, ударила по столу Оля, но уже много позже, когда была въ седьмомъ классѣ, а теперь она только думала и замѣчала.

Чаю попить со сливками — любимое занятіе Марьи Петровны, когда говорить нечего или не съ кѣмъ.

Олѣ и Леночкѣ дается чай съ молокомъ, а себѣ она подливаетъ сливокъ, и чѣмъ гуще и жирнѣй сливки, тѣмъ добрѣе и мягче сердце, тѣмъ благодушнѣе расположеніе — а сама такая вся остренькая, какъ игла, и глаза маленькіе, черненькіе, какъ юлы подвижныя, и непостижимо, куда идетъ это густое и жирное добро — сладкіе сливки.

У Марьи Петровны обыкновенно останавливалась Анна Павловна, посоль любимой бабушки.

Пользуясь благодушіемъ старой меженинской экономки, Оля, а за ней и Леночка просятъ разсказать что-нибудь изъ прошлаго.

За чаемъ Анна Павловна соглашается.

— Когда я была молодая, я была замѣчательная красавица, — разсказывала Анна Павловна, — у меня были огромные голубые глаза, у меня были длинные волосы, я ихъ ботинками рвала, у меня были длинныя рѣсницы, отъ всего лица отставали, и у меня былъ поклонникъ Петръ Ивановичъ. Онъ разъ сталъ у меня за стуломъ — Анна Павловна томно поникаетъ, — онъ говоритъ : «Анна Павловна!» Я ему говорю: «Что?». Онъ мнѣ говоритъ: «Вы видѣли пожаръ?» Я ему говорю: «Видѣла». Онъ мнѣ говоритъ: «Такъ вотъ на пожарѣ всякое пламя горитъ — горитъ и гаснетъ, но моя любовь къ вамъ, Анна Павловна, никогда не погаснетъ». Онъ мнѣ это говоритъ, а я сижу да съ рѣсницъ узелки вяжу.

Въ пансіонѣ Оля разсказала исторію съ рѣсницами Маринѣ Завѣтновской. У Марины рѣсницы были очень маленькія, и захотѣлся Маринѣ точно такія имѣть, какъ у Анны Павловны, чтобы узелки вязать.

— Какая-нибудь мазь продается, — сказала Оля, — помажешь этой мазью, и рѣсницы длинныя-предлинныя вырастутъ.

И гдѣ же достать эту мазь и какая мазь: бѣлила?

— нѣтъ; политанъ? — политанью только котовъ мажутъ. Много думали и долго думали и ничего не придумали. Обратились къ Вѣрѣ Сахаровой.

— Достать можно, — сказала Вѣра Сахарова и псобѣщала.

А дня черезъ три маленькая баночка съ какой-то липксы дрянью, какъ драгоцѣнность, была въ рукахъ Оли и Марины.

На ночь въ тотъ же день, не откладывая въ долгій ящикъ, Оля тщательно вымазала Марину. Градомъ текли слезы, чихала худенькая, блѣдненькая дѣвочка, и ужъ какъ ночь проспала, одному Богу извѣстно. А на утро, какъ стала мазь смывать, да смыла все — выпали и послѣднія рѣсницы.

5.

Оля — шалунья изъ первыхъ, о шалостяхъ Оли всѣ знаютъ и въ гимназіи — весь четвертый классъ, и въ пансіонѣ у нѣмокъ — всѣ пансіонерки. Но при-стальный глазъ распознаетъ, что живетъ Оля и еще какой-то жизнью, о которой другимъ ни словомъ не обмолвится.

Началась эта скрытая жизнь еще до гимназіи въ деревнѣ въ Ватагинѣ.

Не рѣдко, бывало, ставъ на одномъ мѣстѣ столбомъ, Оля выстаивала, не шелохнувшись, цѣлыми часами. Ну-ка, отгадайте, чего это она стоитъ столбомъ и все думаетъ, насторожилась вся — и покличешь, не сразу отзовется? Да ей Богу, никакая разгадка въ умъ не придетъ.

Представляется? — Не до того! — Оля Страшнаго суда ждетъ.

Дважды снился Олѣ Страшный судъ.

Въ первый разъ приснилось ей, будто въ саду въ малинникѣ многое множество народу и всѣ стоятъ

въ малинникѣ голова къ головѣ, а батюшка читаетъ — это и есть Страшный судъ.

Въ другой разъ приснилось, будто кто-то во снѣ сказалъ ей:

«Завтра будетъ Страшный судъ.»

Этотъ второй сонъ крѣпко легъ на душу Оли и она, тогда семилѣтняя дѣвочка, — теперь ей двѣнадцать — тревожилась не меньше любого взрослого.

Проснувшись, не завела ужъ глазъ: одинъ вопросъ изводилъ ее и не могла она рѣшить, какъ же понимать это «завтра»? Она себя спрашивала:

«Когда же — съ этого утра наступитъ Страшный судъ или только на слѣдующій день, завтра?»

И не могла рѣшить.

Все утро и весь день прошли въ ожиданіи. А тутъ случилось одно событіе, само по себѣ невинное, а въ концѣ-то концовъ и безъ того охваченная тревогой Оля еще больше забеспокоилась.

Въ Ватагино пріѣхали двѣ сосѣдскія дѣвочки — Лида и Аня Сахновскія. Оля, занимая подругъ, показывала имъ свои тетрадки: въ тетрадяхъ тонкими штрихами напечатаны были слова и буквы. Сама Оля писать еще плохо писала и, если бы стала обводить перомъ по напечатанному, для чего собственно и предназначались тетрадки, вышло бы очень грязно. Ну размазей да кляксами никого не удивишь — и Оля выдавала дѣвочкамъ напечатанные буквы и слова за свои, будто бы только-только что ею самой написанные. Лида и Аня визжали и хлопали въ ладоши отъ восхищенія, а Олю это такъ занимало и она была такъ довольна, что на нѣкоторое время забыла даже сонъ съ его предсказаніемъ.

Но стоило только уѣхать дѣвочкамъ Сахновскимъ, какъ тутъ-то и началось: къ мысли о томъ, что завтра будетъ Страшный судъ, присоединилось раскаяніе, что вотъ она передъ такимъ страшнымъ днемъ сказала неправду.

Оля не знала, что ей и дѣлать. Просить отпустить

ее сейчас же съ братомъ къ Сахновскимъ и тамъ признаться во всемъ Ань и Лидѣ —

«Да нѣтъ, — разсуждала Оля, — это очень стыдно, — а если не признаться — страшно.»

Что же ей дѣлать?

Ночь, какъ и вчерашняя, прошла въ тревогѣ, всю ночь не сомкнула глазъ Оля, терзалась и страхомъ и раскаяніемъ. Безъ сна она дождалась утра — и ничего не произошло. Встала, одѣлась, день прошель — ничего не случилось.

«Страшный судъ, стало быть, отмѣнился!» — рѣшила Оля, и отлегло отъ сердца.

И совсѣмъ было успокоилась и вчерашнюю свою плутню забыть стала, какъ вдругъ въ сумерки по дорогѣ къ ихъ дому зазвонилъ колокольчикъ. Вскочила Оля посмотреть, кто ѣдетъ — страсть любопытная — да такъ и замерла на мѣстѣ. А ѣхалъ никто иной, какъ мать тѣхъ двухъ дѣвочекъ Лиды и Ани, сама Сахновская, и понятно зачѣмъ.

«Конечно, — рѣшила Оля, — Лиды и Аня рассказывали своей мамѣ, какъ вчера я ихъ тетрадками надула, вотъ теперь она и ѣдетъ, чтобы обо всемъ рассказать мамѣ».

И представивъ себѣ, какъ черезъ какой-нибудь часъ, нѣтъ, меньше, черезъ десять минутъ, нѣтъ сію же минуту весь домъ узнаетъ, и всѣ будутъ называть Олю лгуньей, обманщицей, пресмѣютъ всѣ глаза, засмѣютъ ее на всю жизнь и ни одному слову ея не повѣрятъ да ужъ и не вѣрятъ, Оля такъ и замерла на мѣстѣ.

Конечно, ничего подобнаго не произошло, какъ не произошелъ и Страшный судъ, но съ этого дня мысль о Страшномъ судѣ не покидала Олю.

Какъ-то по утру весной вышла Оля тихонько, neodѣтая, въ одной рубашечкѣ на крыльцо — было тепло на волѣ, чуть только еще показались листочки и первая трава маленькая такая нѣжная выглядывала изъ земли на свѣтъ Божій — и бросилась въ гла-

за Олѣ утка: переваливаясь, шла утка по двору и крикала.

«Божія Матерь, — подумала Оля — такъ передъ Страшнымъ судомъ пойдетъ собирать грѣшниковъ!»

Много думъ продумала Оля — и какъ Страшный судъ происходитъ будетъ и когда онъ наступитъ, а мысль о томъ, что онъ можетъ наступитъ всякую минуту, ставила ее столбомъ.

Вотъ почему, бывало, станеть Оля на одномъ мѣстѣ и стоять, не шелохнется — ждеть Страшнаго суда.

*

Къ мысли о Страшномъ судѣ присоединялась мысль о смерти.

Оля рассказывала своей младшей сестрѣ Ленѣ, что на осокори у дровотни дѣдъ живетъ, у дѣда пять дѣтей, одну изъ дочерей дѣда зовутъ Аней, и будто Оля къ нему въ гости ходитъ, а онъ ей съ осокори яблоки бросаетъ. Лена вѣрила и все просила взять ее къ дѣду яблоковъ попробовать да и на самого дѣда посмотреть. Оля обѣщала спросить у дѣда, хочеть ли дѣдъ, да все откладывала.

Захворала Лена, было ей плохо, говорили — при смерти. И тяжелые, невыносимые дни прожила Оля, пока не выздоровѣла Лена.

Измоталась вся: и хотѣла сказать Ленѣ, что на осокори дѣда никакого нѣтъ, и видѣла, что говорить бесполезно, такъ какъ Ленѣ теперь не до дѣда, и мучилась, — вотъ умереть Лена, а она такъ и не откроеть ей про дѣда и никогда ужъ не откроеть.

У Оли была еще сестра Таня, самая младшая. Таня умерла совсѣмъ маленькая. Въ день смерти мать сказала Олѣ, чтобы Оля покачала Таню. Оля не захотѣла, — пошла къ Мишѣ въ садъ подъ сливу будки строить. А, когда вернулась изъ сада домой — Тани ужъ не было, умерла.

Тяжелые, невыносимые дни прожила Оля: за-чѣмъ она тогда не покачала Таню? — а теперь никогда не покачаетъ.

А когда умерла бабушка и отецъ сказалъ Олѣ, что каждый человѣкъ всякую минуту можетъ помереть, Оля стала бояться смерти.

Она также ждала ее, какъ и Страшнаго суда, часто не спала по ночамъ и плакала, но причины своихъ слезъ никому не рассказывала.

Цѣлыми днями придумывала Оля, чѣмъ ей смерть отвратить и, наконецъ, нашла рѣшеніе: она будетъ бѣгать хоть и заболѣетъ, все равно будетъ бѣгать — смерть и не возьметъ ее, умирають вѣдь всегда лежа.

Какъ угорѣлая, бѣгала Оля день до вечера, грудно было къ столу усадить, долго вечеромъ приходилось уговаривать лечь въ кровать, ужъ кажется, и угомонится, нѣтъ опять вскочить, а гулять пойдетъ — за ней не поспѣешь, такъ словно на крыльяхъ летить.

И вдругъ Оля почувствовала, что этимъ не поможешь: бѣгай не бѣгай, а смерть придетъ — не посмотреть, вѣдь не посмотрѣла она, что Таня совсѣмъ маленькая, а взяла, а бабушка и ждала ее и все-таки умерла послѣ Тани, смерть придетъ — не посмотреть, каждому свой чередъ, и Оля перестала бѣгать.

Нянька Фатевна не разъ говорила Олѣ, что Оля бабушку увидитъ, когда придетъ чередъ и сама умереть. Оля вѣрила, что увидитъ, но это нисколько не мѣняло дѣла: сама смерть оставалась все той же неотвратимой.

Нянька Фатевна не разъ говорила Олѣ, что въ Пасхальную ночь мертвые встають изъ гроба. Оля вѣрила и всякій разъ въ Пасхальную ночь ей казалось, что среди сидящихъ у церкви съ пасками бабъ въ бѣлыхъ и длинныхъ, какъ саванъ, намиткахъ, сидятъ мертвые.

Кто-то, никому неизвѣстный, и когда, неизвѣстно, приходитъ, отнимаетъ у человѣка глаза — и глаза больше не видятъ, отнимають уши — и уши большое не слышать, отнимаетъ языкъ — и языкъ не говорить,

сковывается по рукамъ и ногамъ — — и ничего не подѣлаешь, не повернешь и не остановишь

Сторожихой въ пансіонѣ Прасковьи Ивановны Пѣнкиной была, какъ жердь, длинная и сухая старуха Феодосья. Когда Феодосья говорила, видно было, какъ челюсть движется, и всегда вся въ синемъ: юбка синняя, кофта синяя. Называли Феодосью просто «отхожей бабой». Сидѣла она въ комнатѣ, гдѣ стоялъ умывальникъ и висѣли дѣтскія платья, — комната находилась далеко отъ вала и спаленъ на другомъ концѣ дома.

Какъ то вечеромъ отправились гимназистки къ Феодосьѣ и стали просить рассказать сказку, Феодосья согласилась и принялась рассказывать и всѣ, что ни на есть, сказки про смерть: и веселая-то она и смѣшная, но больше такая, что ни за что ужъ никому и никогда отъ нея не уйти. Рассказывала Феодосья, а челюсть у нея такъ за каждымъ словомъ и двигалась.

Оля никогда больше не просила рассказывать и стала бояться Феодосьи, а Феодосья вся въ синемъ, сухая, костлявая сидѣла съ чулкомъ въ комнатѣ на другомъ концѣ пансіона, вязала чулокъ — сторожила дѣтскія платья.

*

Оля богомольная, не пропуститъ ни одной вечерни. ходитъ она въ старый монастырь, куда отпускаютъ ее одну — монастырь совсѣмъ близко. Вся грудь у Оли въ крестикахъ и образкахъ — ихъ много у ней всякихъ и мѣдныхъ и кипарисныхъ на разноцвѣтныхъ ленточкахъ и шнуркахъ.

За службой Оля молится объ урокахъ, молится о Танѣ, а когда мать переѣхала въ городъ, молилась особенно объ отцѣ, чтобы ему не было страшно, въ особенности осенью, когда деревья шумятъ и собаки воютъ.

Оля усердно молится, вѣруеть и знаетъ, что молитва исполнится.

Еще при жизни бабушки, разъ захворала мать и такъ

тяжело, что и докторъ былъ и пріѣхалъ батюшка. Пріѣздъ батюшки съ дарами въ особенности подѣйствовалъ на Олю. Всѣхъ дѣтей бабушка повела изъ комнаты матери въ залу и сказала, что матери плохо и что они должны за нее молиться. Поставила дѣтей на колѣни передъ образами — темно было въ залѣ, только лампада горѣла. И дѣти молились, — кричали, просили с в о и м и словами, кричали, чтобы мать не умирала. И Оля не помнить, сколько времени она кричала — ничего не видѣла — ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, и ничего не слышала — ни часовъ на каминѣ, ни другихъ, какъ сестры и братъ молились, а когда встала съ колѣнъ — мать не умерла, матери стало легче.

Оля вѣрила и знала, что если усердно молиться, исполнится молитва и даже смерть не тронетъ, смерть остановишь.

*

Первая книга, которую прочитала Оля, называлась «Брось хлѣбъ позади, очутится впереди». Въ этой книгѣ описывалась исторія дѣвочки Эммы и мальчика Доминика.

И вотъ приснилось Олѣ, будто лежитъ на столѣ свѣтло-шоколадная матерія, а Эмма будто говорить, что это и есть Богъ. Олѣ такъ стало страшно, она и преснулась.

Нестерпимую муку испытала Оля, когда, проходя Новый Завѣтъ, услышала въ первый разъ о страстяхъ. Ночами рыдала, не зная, какъ поправить непоправимое, и не могла примириться, что поздно, и не вернуть тѣхъ дней.

«Можетъ быть, — думала Оля, — ѣхать мнѣ въ Іерусалимъ и тамъ что-нибудь сдѣлать?»

А не сдѣлавъ чего-то, что поправило бы это непоправимое — какъ же она жить будетъ?

Еще до гимназіи, въ Ватагинѣ проснулась Оля ночью, — комната, гдѣ спала она, рядомъ со столовой,

дверь въ столовую была открыта, въ столовой стоялъ огромный старинный диванъ, — и вотъ показалось, весь диванъ занятъ: лежитъ чортъ.

И когда она такъ подумала, что лежитъ чортъ, изъ столовой ясно донесся голосъ.

«Да, да, да!» — говоритъ будто чортъ.

А вотъ въ пансіонѣ у нѣмокъ просыпается Оля среди ночи и слышитъ, какъ въ печкѣ заворочалось что-то и потомъ закурлыкало, въ родѣ какъ бы индюкъ заворчалъ.

«Это чортъ», — подумала Оля.

Какія пошли странныя ночи. Всѣ уснуть, она одна не спитъ. И вотъ однажды не было терпѣнья, дышать стало страшно.

— Марина! — покликала Оля — подойти ко мнѣ.

— Что тебѣ? — отозвалась Марина.

— Иди.

Когда Марина подошла, страхъ еще больше охватилъ Олю.

«А что, — вдругъ подумалось ей, — если это не Марина, а чортъ Мариной представился?»

— Перекрестись, — прошептала Оля.

— Ты перекрестись! — чуть не вскрикнула Марина: широко были раскрыты глаза ея.

Оля прекрестилась.

И Марина сѣла рядомъ. Но вдругъ у Оли еще разъ вспыхнуло сомнѣніе и, читая «Да воскреснетъ Богъ», принялась она крестить Марину.

— Я дѣйствительно Марина, я не исчезнула, — сказала Марина.

И теперь не боясь другъ друга, сидѣли онѣ рядомъ на кровати въ какомъ-то страшномъ ожиданіи. И вотъ обѣ ясно услышали, какъ на трехъ ногахъ кто-то прошелъ мимо, ясно слышали: на трехъ ногахъ шелъ.

И прижавшись другъ къ дружкѣ, продрожали ночь.

Вѣра Сахарова, примѣтивъ, какъ Оля по ночамъ

боится, иногда ночью надѣвала на себя простыню и тихонько подходила къ Олиной кровати и стояла неподвижно вся въ бѣломъ, бѣлая, какъ бѣлый мраморъ, съ распущенными черными косами.

Оля знала, что это не привидѣніе, что это Вѣра Сахарова — «красивая», но всякій разъ, когда, просыпалась, вдругъ видѣла ее, сердце переставало биться.

На утро Вѣра Сахарова увѣряла, что и не думала появляться, что спала на своей кровати крѣпко, а что вогуль Оля просто всюду страхи мерещатся.

Нерѣдко, измучившись, изморившись страхами, Оля забивалась подъ кровать и тамъ подъ кроватью проводила ночь.

Всѣмъ было извѣстно, что Вѣра Сахарова ведетъ дневникъ и давно всѣхъ разбирало любопытство прочитать. Вѣра Сахарова прятала дневникъ, но мѣсто, куда она его прячетъ, было въ концѣ концовъ открыто. Оставалось только ждать случая, когда можно было бы приняться за чтеніе. И случай такой представился. Вѣра Сахарова ушла изъ пансіона въ гости и долго не возвращалась.

Оля была противъ чтенія, уговаривала дѣвочекъ не трогать тетрадки. Оля цѣнила, что Вѣра Сахарова прячетъ тетрадь, понимала, какъ можно беречь и хранить свою вещь.

У Оли тоже были завѣтныя вещицы: кромѣ маленькаго глобуса да нѣсколькихъ пестрыхъ корбочекъ, былъ у ней самый обыкновенный карандашъ, но который она хранила, какъ свое, только ей одной принадлежащее, и никому никогда этого карандаша не показывала. Оля представляла себѣ, какъ будетъ обидно и горько, если Вѣра узнаетъ, что ея тетрадь трогали.

Но Олю гимназистки не послушали. Достали дневникъ, потушили лампу и, примостясь на Олиной кровати подъ лампадку, приступили къ чтенію.

Взяло любопытство и Олю, и какъ ни была она противъ, а подсѣла къ лампадкѣ. И вотъ на самомъ инте-

ресномъ мѣстѣ, когда послѣ описанія подругъ, очередь дошла до Оли —» Оля Ильменева, — начала читать Гореславская, — дѣвочка двѣнадцати лѣтъ очень хорошенькая» — въ эту самую минуту упала лампадка.

Вся дрожала Оля, ждала себѣ наказанія: она поступила дурно и знала, что поступаетъ дурно, вотъ и упала лампадка! Да это еще что: еѣ скрючить, скорчить всю, какъ батюшку Свободина, и она не будетъ ходить, а поползетъ на четверенькахъ, какъ ползъ батюшка за гробомъ до церкви и отъ церкви до кладбища.

Оля долго не могла опомниться.

Страшный судъ — который можетъ каждую минуту наступить, смерть — которая можетъ каждую минуту взять, чортъ — который страшнѣе всякой смерти и всякихъ страховъ, непоправимость страстей Господнихъ — но которую надо непременно устранить, наказаніе — которое непременно приходитъ за всякій дурной поступокъ, и, наконецъ, Богъ — который можетъ отмѣнить Страшный судъ, остановить смерть, уничтожить всякій страхъ чорта, поправить непоправимое, и не посылать наказаніе, и все это можетъ сдѣлать по молитвѣ, если молиться, какъ тогда, какъ мать умирала, чтобы ничего не слышалать, ни часовъ въ комнатѣ, ни другихъ, какъ молились сестры и братъ, чтобы ничего не видѣть, ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, а только кричать, просить с в о и м и словами, — вотъ тайный и скрытый міръ, какимъ живетъ Оля, и не обмолвится.

Мысли объ этомъ таинственномъ мірѣ отходили, прятались, но никогда не пропадали, и весь смѣхъ, шалость и потѣхи не затрагивали этихъ мыслей, готовыхъ всякую минуту всплыть и закружить голову, а сердце заставить мучиться, а глаза плакать.

Цѣлыми недѣлями задумчивая и неразговорчивая, Оля вдругъ приходила въ неистовую веселость, бѣгала, хохотала, кричала, доходя до послѣднихъ шалостей и продѣлокъ, но веселость также внезапно смѣнялась раздумьемъ, и ужъ не слышно было Олиного

звонкаго голоса и веселаго заразительнаго смѣха: молчаливая, роясь въ своихъ мысляхъ и мучаясь, бродила она необщительнымъ одинокимъ звѣрькомъ или сидѣла на одномъ мѣстѣ, какъ сова, уставясь съ-рыми большими глазами, ничего не слыша и ничего не видя кругомъ себя.

6.

При пансіонѣ Линде былъ огромный фруктовый садъ, одна часть сада сдавалась, въ другой занимались гимнастики.

Осенью такъ хорошо въ садахъ, когда въ ясный тихій день всѣ деревья словно загораются, и такъ хорошо воровать яблоки — спѣлыя висятъ они самыя вкусныя, крѣпкія и румянные, и зорко слѣдятъ караульщики.

Рѣдкая гимназистка не воровала яблоки, хоть и поприезжено было изъ дому у каждой большой запасъ.

Княжну Шахъ-Булатову вызвали въ пріемную. Немного спустя она снова появилась въ саду, но не одна, а съ черной страшной старухой.

— Баба-яга, — сказала Оля.

— Настоящая Баба-яга, — согласилась Марина.

— Носъ крючкомъ, — разсматривала Оля старуху.

— Черная, — широко раскрыла глаза Марина.

— Ты не знаешь, Марина, зачѣмъ она тутъ?

— Бабушка.

— Чья бабушка?

— Шахъ-Булатовой.

А старуха посидѣла съ княжной, поговорила о чемъ-то и ушла.

— Ты моей бабушкѣ очень понравилась, она говорить, что у тебя лицо поэтическое, — проводивъ старуху, подошла княжна къ Олѣ.

Оля только глядѣла на свою золотую красавицу и улыбалась ей.

Черезъ недѣлю снова появилась въ саду черная бабушка. Былъ такой же свѣтлый хорошій день, какъ тогда, все словно горѣло и было золотымъ, какъ золотая княжна.

И опять сидѣла старуха съ княжной, о чемъ-то шептались. Потомъ княжна поднялась, подошла къ Олѣ.

— Бабушка съ тобой хочетъ познакомиться, — сказала княжна.

Оля пошла за ней.

Беззубымъ ртомъ улыбалась старуха, два огромныхъ черныхъ клыка показывала Олѣ.

— Бабушка, Оля всего Евгенія Онѣгина наизусть знаетъ.

— Ну прочитай мнѣ Онѣгина, — старуха гладила Олю по головкѣ, — прочитай, я люблю Онѣгина.

Оля читала. Старуха сидѣла и слушала. Оля долго читала.

— Ты ко мнѣ придешь? — перебила старуха.

— Непремѣнно приду, — вся покраснѣвши и ясно глядя въ безпокойные острые глаза, сказала Оля.

— Такъ не забудь же! — и старуха поцѣловала Олю, а Олѣ показалось, будто не губы у ней, а какая то скользкая кость и стало неприятно, отошла и сплюнула.

— Ей Богу, вѣдьма, ей Богу вѣдьма! — говорила Марина, и широко раскрыты были глаза ея.

Въ первое же воскресеніе княжна съ Олей отправилась послѣ обѣдни къ бабушкѣ.

Къ обѣду вернулись въ пансіонъ.

Сама не своя вернулась Оля. И вечеръ, слѣдующій день и вечеръ, и слѣдующій день и вечеръ, и всѣ три noci видно было, что неладное творится съ ней, но только она ни слова никому не сказала и была тихая. А на третье утро, когда итти въ гимназію, она не раскрыла своей шкатулки, не посмотрѣла на свой маленькій глобусъ, коробочки и карандашъ, только стянула крѣпче

лифчикъ и рано, раньше, чѣмъ обыкновенно, вышла изъ пансіона.

Въ это время совсѣмъ неожиданно пріѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна — Оля столкнулась съ матерью у калитки.

За разспросами о томъ-о-семъ, Оля рассказала о бабушкѣ. Она рассказывала, какъ познакомилась съ этой бабушкой, какъ въ воскресенье съ княжной въ гости къ ней ходили, какъ онѣ долго шли — бабушка жила за каланчей на краю города — какой домъ у бабушки, въ саду, за деревьями сразу не увидишь, какъ чисто и хорошо у бабушки въ комнатахъ, какія иконы и какія лампадки, какъ бабушка обрадовалась Олѣ и угощала шоколадомъ и какъ потомъ княжна куда-то ушла, а Оля осталась одна со старухой.

«Оля, — сказала бабушка, когда остались однѣ, — ты должна посвятить себя Богу»

«Да», — твердо отвѣтила Оля.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ рубаза», — сказала старуха.

Олѣ страшно вдругъ стало и она ничего не отвѣтила.

«Согласна?»

Оля молчала.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ рубаза, согласна?» — повторила старуха.

«Согласна.»

«Ну такъ подумай объ этомъ и опять приходи,» — старуха поцѣловала Олю.

Все это рассказывала Оля просто, какъ такое, что уже не тайна и что теперь рассказывать можно, и не замѣтила, что мать встала со стула и вся измѣнилась.

— Мама, я готова, я посвящу себя Богу.

*

А черезъ годъ, весной, Оля утонула — едва откачали.

Катались вечеромъ по Сугрѣ на лодкахъ — много было гимназистокъ, пристали къ берегу и рѣшили купаться. Купались хорошо, весело, а какъ выходить на берегъ, Женя Гореславская еще поплыла и попала въ кручу, стала тснуть. Бросилась за ней Марина, вывела изъ кручи Женю, а сама осталась. Бросилась Оля, схватила Марину за руку, а Марина — подъ себя Олю, да на нее ногами стала и выплыла, — Оли и признака нѣтъ. Рыбаки спасли. Едва откачали.

И съ тѣхъ поръ у Оли глаза, словно прояснились, и сѣрые стали, какъ озеро воды, то зеленые, то голубые — и темные сѣрые въ черный годъ.

ЖАРКОЕ ЛѢТО

Начало лѣта, какъ только кончатся экзамены, гостила Оля въ Меженикѣ у любимой бабушки Татьяны Алексѣевны. Меженинка въ семи верстахъ отъ Ильменевскаго Ватагина.

Хорошъ Егорьевъ день въ Ватагинѣ, а въ Меженинкѣ и того лучше: выйдетъ батюшка о. Василій въ поле со святой водой поля кропить, а у каждой хаты ужъ съ хлѣбомъ-солью накрытъ столъ, обойдутъ крестнымъ ходомъ межи — освятится земля, благословить батюшка хлѣбъ, и всю ночь до третьихъ пѣтуховъ играютъ хороводы и за алу-зарю лелейная пѣсня льется.

Вся въ вѣнкахъ и березкахъ проходитъ русалья нецѣля---зеленый Семикъ, и жарка, что въ полѣ алый макъ, Троица. Хороша купальская ночь, знойно страдное «ладо», хороши и дожинки, а лягушки поютъ куда лучше ватагинскихъ.

Когда за яркимъ закатомъ погаснетъ вечерняя заря, и перекукуетъ горькая кукушка, когда придетъ воркотунъ угомонъ, и самъ черный дроздъ при-смирѣетъ, и умолкнетъ ночной соловей, а ранній спитъ, не проснулся, одна шепчетъ ночь, и въ ея звѣздномъ шопотѣ вотъ по старому пруду, заросшему ивой, кругъ за кругомъ, пойдутъ большіе круги — начнется пѣть пѣсню лягушка.

Оля боится лягушекъ, а пѣсню ихъ очень любить, а потому долго сидитъ на балконѣ, а глаза ея — къ ночи, къ звѣздамъ. Или это ночь и со всѣми

со звѣздами призадумалась надъ Олей, надъ своей любимой весенней звѣздочкой, и поетъ ей тоненько пѣсню лягушиную.

И какъ не любить Олѣ Меженинку!

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Бабушка Татьяна Алексѣевна, ея сестра --- тетушка Евгенія Алесѣевна, да экономка Анна Павловна, вотъ и весь домъ. Бабушка всѣхъ выше и породнѣе, и очень щедрая, и чепчикъ на ней всегда бѣлый, гофренный, съ бантомъ; тетушка --- одна кость, и очень скупая, и чепчикъ на ней безъ банта, а Анна Павловна самая маленькая и, какъ сама про себя говоритъ, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ, и платокъ на ней темный.

Бабушка и Анна Павловна любятъ табачку нюхать, и только тетушка никогда не нюхала и вѣчно надъ ними подтруниваетъ, надъ табашницами.

— Въ старину было лучше, — говоритъ и бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

— Нынче и въ Бога не вѣрують, — замѣчаетъ тетушка.

— Кто въ Бога не вѣруетъ, червемъ ползучимъ поползетъ, такъ-то сестрица.

— А я-то про что! — тетушка вскидываетъ темные, когда-то прекрасные, теперь грозные, большіе глаза, — вотъ, вѣдь, что выдумала... — и себѣ на умѣ усмѣхается: Богъ знаетъ, ужъ не кажется ли ей, что это въ ея огородъ бабушка.

— И предложенія дѣлали не такъ, какъ теперь, — говоритъ бабушка.

— Бабушка, какъ же у васъ дѣлали предложеніе? — спросить Оля.

— Да не такъ, какъ вамъ будутъ дѣлать, а съ уваженіемъ.

*Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышель ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...*

— напѣваетъ Анна Павловна, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Бабушка, а какъ вамъ дѣдушка дѣлалъ предложеніе?

— Что ты, Оля, я ужъ и забыла, — и смотреть такими добрыми и ясными глазами, — а только вотъ помню, гадали мы на Крещенье, и вижу я себя въ зеркало, а за стуломъ Иванъ Васильевичъ стоитъ. Я и говорю сестрицѣ Евгеніи Алексѣевнѣ: «Смотрите, сестрица, какъ гаданья не вѣрны: кого я увидѣла: Ивана Васильевича!» А вотъ все такъ и вышло.

И начинаются долгіе, неторопливые рассказы и со всякими подробностями и мелочами посторонними, кто и какъ дѣлалъ предложеніе. Рассказываетъ бабушка, за бабушкой тетушка.

— А мнѣ генераль дѣлалъ предложеніе, — вступаетъ Анна Павловна, — а я ему отказала.

— Расскажите, Анна Павловна! — проситъ Оля.

Но Анна Павловна никакъ не можетъ не жеманиться и долго не сдается на просьбы.

— Жила я экономкой у Солониновыхъ, — наконецъ-то начинается она и съ нескрываемымъ удовольствіемъ, — пріѣхалъ генераль Ольховскій и говорить: «Анна Павловна, поѣдьте ко мнѣ въ экономки!» А я говорю: «Женитесь на мнѣ, тогда и поѣду». А онъ ни слова. Такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

— Да вѣдь, это же вы ему дѣлали предложеніе, а онъ вамъ отказалъ.

— Да нѣтъ же, совсѣмъ нѣтъ! Какъ вы, Оля не понимаете: онъ мнѣ дѣлалъ предложеніе, а я ему отказала, — и ужъ безъ всякаго удовольствія, съ оже-

сточеніемъ, слово въ слово сызнава повторяетъ она и готова безъ конца повторять: — жила я экономкой у Солониновыхъ, пріѣхалъ генераль Ольховскій и говоритъ: «Анна Павловна...» — слезы навертываются на ея жалкіе глаза.

— Ну, на что пристало! — замѣчаетъ бабушка Олѣ, — ну, дѣлалъ генераль предложеніе, Анна Павловна отказала...

Оля согласна, только не можетъ никакъ сдержаться и улыбается.

— Бабушка!

А бабушка ровно бѣ и осердились.

*Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышель ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...*

— Бабушка, а какія у васъ пѣсни пѣли?

— И что тебѣ разсказать, Оля, не помню... — и смотритъ такими добрыми и ясными глазами, — погоди, вспомнила! — и такъ ласково беретъ Олю за подбородокъ и начинаетъ пѣсню, не поетъ, а говоритъ ее, какъ поетъ, старинную про Волгу, про молодца, разбойника, про атамана Стеньку Разина да про дѣвицу-красавицу съ золотой лентой.

— Только у насъ на Волгѣ и пѣсни настоящія! — замѣчаетъ тетушка.

— Тутъ какія пѣсни, такъ, курамъ на смѣхъ! — поддакиваетъ Анна Павловна.

— Да и пѣсенъ нынче не поютъ, перепѣлись всѣ, — покачиваетъ головой бабушка.

— И пироговъ не умѣютъ печь, такъ, какіе-то маленькіе... — продолжаетъ Анна Павловна, — и мнишки тутъ въ ротъ не возьмешь.

(Мнишки это — творожники).

— Въ старину было лучше, — говорить и бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

Бабушка родомъ костромская, а попала она изъ Костромы въ Меженинку неисповѣдимой случайностью. Досталась эта Меженинка по наслѣдству дѣдушкѣ Ивану Васильевичу, предокъ котораго, важный петровскій вельможа, попавъ въ царскую немилость, сосланъ былъ въ Сибирь, откуда уже потомки его перебрались на Волгу. Иванъ Васильевичъ съ бабушкой и со всѣмъ домомъ — съ дочерью-невѣстой и сыномъ — пріѣхалъ вводиться во владѣніе, захворалъ и померъ, а тутъ Наташа вышла замужъ за ватагинскаго помѣщика Александра Павловича Ильменева, а сынъ Алексѣй получилъ мѣсто въ губернскомъ городкѣ. Такъ и не вернулась бабушка на Волгу въ свою родную Кострому, а осталась вѣкъ вѣковать въ Меженинкѣ.

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Весной выставляютъ рамы, на Великомъ посту говѣютъ, убираются къ Пасхѣ, красятъ яйца, пекутъ куличи и дѣлаютъ паски, лѣтомъ варятъ варенье, мочатъ, солятъ и сушатъ, осенью вставляютъ на зиму рамы, передъ Рождествомъ убираются, какъ передъ Пасхой, въ сочельникъ ждуть звѣзду, три кутьи справляютъ: постную подъ Рождество, богатую подъ Новый годъ, голодную подъ Крещенье; зимой жалуются на холодъ, лѣтомъ на мухъ и жару, осенью на дождикъ.

Тихо и мирно проходятъ дни, день ото дня, не спѣша. Вечерами на сонъ грядущій потихоньку другъ на друга поварчиваютъ: тетушка на бабушку, бабушка на тетушку, и тетушка и бабушка на Анну Павловну, Анна Павловна на судьбу несчастную.

Ужъ лѣтъ десять будетъ, какъ померла старшая тетушка Александра Алексѣевна, жившая тоже въ

Меженинкѣ у бабушки, лѣтъ десять будетъ, какъ бабушка и тетушка подѣлили сестрино добро, и хоть тетушка Евгенія Алесѣевна сколько разъ считала потомъ и пересчитывала, нѣтъ-нѣтъ да и найдетъ на нее въ родѣ сомнѣнія: правильно ли поровну раздѣлено добро покойной сестрицы Александры Алесѣевны и не досталось ли больше бабушкѣ? И эти сомнѣнія свои выражаетъ она вслухъ.

Бабушка долго помалкиваетъ, будто и не слышитъ, но ее, наконецъ, прорываетъ, и она только ищетъ зацѣпку сердце сорвать.

Передъ тѣмъ, какъ укладываться, тетушка принимается за перину — перинъ въ Меженинкѣ горы! — и вотъ другой разъ, какъ на грѣхъ, окажется, что перина-то не тетушкина, а Натальи Ивановны, ильменевская: по какимъ-то мѣткамъ и рубчикамъ запримѣтитъ это бабушка, и зацѣпка есть.

— А вѣдь, перинка-то Наташина! — поддѣваетъ бабушка.

И теперь тетушка будто не слышитъ, помалкиваетъ, перебиваетъ перину.

— А вѣдь, перинка-то Наташина! — повторяетъ бабушка и до тѣхъ поръ повторяетъ, все одно и то же, пока у той послѣднее не лопнетъ терпѣніе.

— Ну, что въ самомъ дѣлѣ, Наташина и Наташина! Что я сдѣлаю съ периной?! — вскидываетъ тетушка темные, когда-то прекрасные, теперь грозные, большіе глаза и горько усмѣхается.

Да такъ и улягутся, а сонъ все помирить.

И настанетъ день тихій и мирный, неторопливый, меженинскій.

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Чай пьютъ на балконѣ и слѣдятъ за тѣнью и, гдѣ тѣнь падетъ, тамъ и днюютъ, и когда дождутся прохладной, отѣнить она, вечерняя, широкое бабуш-

кино крыльцо, усядутся втроемъ на крылечкѣ, посидятъ-посидятъ, расскажетъ которая въ который разъ о событіи памятномъ и всегда съ подробностями и мелочами посторонними, пообсудятъ это событіе, также не разъ пересуженное, помолчатъ да и ужинать.

Хороши цвѣты въ Ватагинѣ, а въ Меженинкѣ и того краше. Бабушка сама за цвѣтами ходитъ, сама и поливаетъ, сама и пересаживаетъ.

Вокругъ дома цвѣтникъ, что Божій рай — тутъ и уголекъ - въ - огонь - цвѣтъ красный, по середкѣ черный, и синія и красныя растрепанныя барышни, и астры, георгины, петунья, портулакъ, резеда, піоны, анютины глазки, и мальва, и розы. И въ саду у пруда много кустовъ розъ бѣлыхъ и пунцовыхъ. А есть чудесная орѣшня — нигдѣ такихъ орѣховъ нѣтъ вкусныхъ, какъ съ этой орѣшни. И поспѣваютъ еще бѣленькія яблочки, чуть-чуть съ кислинкой, тоже очень вкусныя, а растутъ яблонь только въ саду у бабушки.

Какъ хорошо пить чай въ тѣни подъ старыми липами!

Подадутъ самоваръ, вотъ встанетъ бабушка и не спѣша пойдетъ по дорожкѣ къ дому — ключи всегда при ней — тамъ откроетъ высокій душистый шкафъ, наберетъ сластей и лакомствъ и, также не спѣша, съ полнымъ блюдомъ въ рукахъ, возвращается по той же дорожкѣ къ самовару, подъ старыя липы, и чего-чего только нѣтъ на блюдѣ: и яблокъ, и грушъ, и вишень, и сливъ, и конфетъ всякихъ, и орѣхи, и пастила, и все такое, всего попробуй — и сытъ, а такъ и тянетъ еще.

Какъ хорошо вечеромъ пройтись погулять съ бабушкой на цвинтаръ, къ старымъ грустнымъ крестамъ на могилки! А какой поднось подается у бабушки на Рождество и Пасху, на рожденье и въ именины, — одному ни по чемъ не поднять, а среди гостинцевъ все самое любимое Олино, первой лакомки и самой любимой внучки. А какія книги, въ какихъ чудныхъ

переплетахъ нашла Оля въ амбарѣ, — въ амбарѣ вынесены стояли съ незапамятныхъ временъ, — и всѣ эти книги возьметъ съ собой Оля.

*

На Астія Диракійскаго день рожденья бабушки. Въ этотъ торжественный меженинскій день съ тѣхъ поръ, какъ Оля научилась вышивать крестикомъ пѣтушковъ и елочки, а первый пѣтушокъ удался ей въ двѣнадцать лѣтъ, дарить она бабушкѣ вышитую кофточку. А въ это лѣто подарила Оля бабушкѣ уже четвертую кофточку и подаркомъ своимъ до слезъ растрогала бабушку.

— Спасибо, Олюшка, спасибо! — повторяла бабушка и смотрѣла такими добрыми глазами на свою ясную любимицу.

Справили бабушкино рожденье. Всѣмъ домою пріѣзжали изъ Ватагина поздравлять бабушку и Наталья Ивановна и Александръ Павловичъ съ Ириной, Леной и Мишей.

Справили черствое рожденье. И разъѣхались гости.

И Оля бы не прочь къ своимъ, да бабушкѣ безъ Оли скучно. И только спустя какую недѣлю, какъ поспѣтъ первымъ бѣленькимъ яблочкамъ, бабушка отпустила Олю.

Поцѣловавшись съ бабушкой несчетно разъ и очень крѣпко, а съ туетушкой поменьше, а съ Анной Павловной совсѣмъ немного — Анна Павловна какая-то холодная! — простилась Оля съ любимой Меженинкой.

2.

Два старика славились въ Ватагинѣ у Ильменыхъ: Ѳедотъ Прямой — камердинеръ да Ѳедотъ Кривой — ключникъ.

Өедоть Прямой извѣстенъ былъ тѣмъ, что съ молодости лѣтъ изображалъ въ Пасхальную ночь въ ватагинской церкви никого другого, какъ самого нечистаго Дьявола, что впослѣдствіи взялъ на себя ильменевскій кучерь Григорій. Обычно во время крестнаго хода, когда весь народъ выходитъ изъ церкви, одинъ оставался въ церкви Өедоть и держалъ крѣпко двери, какъ нечистая сила, упорно не желая пускать крестный ходъ назадъ въ церковь. И только , когда съ паперти доносился до него возгласъ «Давоскреснетъ Богъ», онъ, побѣжденный, распахивалъ двери и подъ пѣніе «Христосъ воскресъ» бѣжалъ черезъ всю пустую церковь, чтобы гдѣ-нибудь, конечно, провалиться въ преисподнюю, при этомъ такъ хитро и ловко велъ свою игру, такіа выдѣлывалъ рожи, такъ корчился, такъ похожъ былъ на правдошнаго чорта, что однажды другой Өедоть, Өедоть Кривой, нагнавъ его улепетывающаго, не стерпѣлъ и усердія ради такъ хватилъ въ загорбокъ, что бѣдняга лишь на третій день, да и то едва-едва опомнился, Кромѣ этой своей отвѣтственной роли въ Пасхальномъ дѣйствѣ и, какъ сами видите, довольно-таки рискованной , извѣстенъ онъ былъ еще какъ мужъ няньки Фатевны, что ужъ совсѣмъ невѣроятно, и хотъ померъ онъ вотъ ужъ на Ильинъ день пять лѣтъ будетъ, а всѣ почему-то который годъ повторяютъ, что это случилось совсѣмъ недавно, ну, третьяго года.

Другой Өедоть, Өедоть Кривой, все еще живъ, живетъ , здравствуетъ и помирать вовсе не собирается, а перевалило ему годовъ за девяносто. Извѣстность его пошла съ воли, когда не захотѣлъ онъ принять волю и остался въ ильменевскомъ домѣ служить вѣрой и правдой, какъ прежде, крѣпостнымъ человекомъ. Всѣ ключи отъ амбаровъ хранились у него споконъ вѣка, и никогда не бывало, чтобы какое несчастье.

Когда случалось, пріѣзжала въ Ватагино старшая тетка Людмила Павловна, сестра Александра Павло-

веча, она всегда, какъ родному, рада была старому ключнику и называла его не иначе, какъ своимъ первымъ другомъ.

«Бывало, не соглашается маменька, чтобы студентовъ мы приглашали: неприлично барышнямъ приглашать! — вспоминала тетка молодость, — а мы, бывало, къ Оедоту, съ вечера дадимъ ему записку, онъ на лошадь, доѣдетъ до перваго табуна, переседетъ, да такъ въ ночь и доберется до города и къ утру обратно. А на другой день смотришь, и являются гости!»

Вотъ каковъ Оедотъ самолетъ! И не только въ свое время угождалъ онъ барышнямъ Ильменевымъ, исполняя порученія ихъ и возможные и невозможные, былъ онъ и первый слуга у молодыхъ тогда офицеровъ — у Александра Павловича и у покойнаго Василия Павловича, видывалъ виды.

Если Оля ставила что на своемъ и, какъ ни уговариваютъ, ни за что не уступить, называли Олю Василиемъ Ильменевымъ.

Въ роду Ильменевыхъ все были крѣпкіе и рослые и ни одного такого, чтобы тамъ на грудь жаловался, а Василий Павловичъ — и Ильменевъ, а умудрился и отъ чахотки померъ. Бывало, покойная бабушка Анна Михайловна много чудесъ всякихъ рассказывала о своемъ отчаянномъ безсчастномъ Василии, а попутно и о слугѣ его примѣрномъ Оедотѣ: чего только не бывало, тоже поѣдутъ въ городъ честь-честью, а домой пѣшкомъ, — и экипажъ и лошадей все спустить въ карты!

Безъ Оедота въ Ватагинѣ ни одно дѣло не дѣлалось и, кажется, ни одно событіе не совершалось: во всей жизни навѣчныхъ господъ своихъ принималъ Оедотъ самое близкое участіе. Имѣлъ онъ не два, а одинъ глазъ, но и единственный зеленый былъ его глазъ зорокъ и другого не надобилось, и, слава Богу, слышалъ онъ все отчетливо до зуда комаринаго, на глухоту не жаловался. А спящимъ его никогда не

видали , и потому-то воры , какъ огня , боялиь его и за три версты прочь бѣгали.

Вотъ каковъ былъ Ѳедотъ Кривой, а за смертью Прямого, Ѳедотъ единственный

*

Вечеру по холодку закатному бабушкна тяжелая десятимѣстная наточанка, не уступавшая ильменевскому трундулету, вѣхала въ Ватагино. И у мельницы встрѣтилъ Олю, какъ полагется, Ѳедотъ.

— Ну, что, Ѳедотъ, какъ у насъ? — спросила Оля, когда Ѳедотъ усѣлся на облучокъ къ бабушкину Конону.

— Слава Богу, все благополучно, барышня, изъ городу гости пріѣхали.

— Ко мнѣ? — обрадовалась Оля.

— Двѣ барышни: Рогачева да Протасова. Къ Боровымъ Костя изъ корпуса пріѣхалъ, Константи́нъ Анатольевичъ. Отъ тетушки Людмилы Павловны письмо получилось: на Успенье въ Ватагино обѣщались . Къ братцу вашему учитель студентъ ходитъ, — Ѳедотъ помолчалъ и безнадежно добавилъ, — такъ въ чемъ душа.

Съ Ѳедотомъ пахнуло домомъ, за разспросами о домашнихъ незамѣтно, что легкія дрожки, прокатила тяжелая наточанка мимо батюшки о. Евдокима, мимо Покровской церкви, сада Перовыхъ, Вѣры Стрѣшневой, Лены Боровой, и вотъ двумя бѣлыми башнями показался бѣлый ильменевскій домъ.

Ѳедотъ спрыгнулъ съ облучка, легко растворилъ ворота на широкій зеленый, такой зеленый дворъ, навстрѣчу любимой барышнѣ Ольгѣ Александровнѣ, которой не меньше Ѳедота обрадовались всѣ дворняги, и черныя и бѣлыя, и охотничій ласковый рыжій Кадо.

Заслыша звонъ колокольчиковъ, съ крикомъ выскочили изъ гороха Катя Рогачева и Лида Прота-

сова, а на крыльцо вышелъ самъ Александръ Павловичъ.

— Папочка! Папочка! Катя! Лида! — кричала Оля, сама запыхавшаяся отъ радости, и бѣлому дому съ башнями, и двору такому широкому да такому зеленому.

Лошади еще не стали, Оля соскочила. И упала. Поднялась и, какъ ни въ чемъ, побѣжала по зелени — по родимой землѣ.

3.

Двѣ подружки было у Оли неизмѣнныхъ ватагинскихъ: Вѣра Стрѣшневая да Лена Боровая.

Съ Вѣрой Стрѣшневой завелась дружба съ прошлаго лѣта, когда перешла Оля въ седьмой классъ. Оля первая навѣдалась къ Вѣрѣ и пригласила ее, а до тѣхъ поръ ни Оля, ни Вѣра, несмотря на сосѣдство, другъ у друга не бывали. Вѣра простая ватагинская барышня, ни въ гимназiи, ни въ институтѣ не училась, а было у нея то, что никакой гимназiей, ни институтомъ не дается, то, что называется «душевымъ благородствомъ», — совѣстливость и внимательность, а это-то Олю и потянуло къ ней.

Съ Леной Боровой Оля съ дѣтства дружила, — Боровые сосѣди, постоянные гости Ильменевыхъ, свои. Лена ровесница Вѣрѣ, старше Оли года на два. Всегда безпокойная, и тогда еще, какъ маленькую привозили ее къ Ильменевымъ, много бывало съ нею хлопотъ и возни и ничѣмъ не угодишь: и то ей не по вкусу, и это не нравится, и молоко-то будто не такое, и хлѣбъ не такой.

«Будешь, какъ Лена Боровая!» — говорила Олѣ нянька Фатевна, когда Оля начинала рипѣть, какъ выражалась Фатевна.

Лена училась въ гимназіи и, прїѣзжая на каникулы, посвящала Олю въ свои ученическія шалости: она рассказывала ей, какъ учителямъ чихала на ухо, какъ ловко и безъ передышки умѣла проикать цѣлый урокъ, какъ у какой-то гимназистки во время сна обрѣзала рѣсницы, и все въ такомъ родѣ, очень завлекательно и удивительно для такой довѣрчивой, какъ Оля. Гимназію Лена не кончила. Какъ-то ужъ въ послѣднихъ классахъ прїѣхала она на Рождество домой и съ ней словно стало что: и такъ безпокойная, еще безпокойнѣе стала или, какъ говорили про нее, юроды гонить, а отъ чего «юроды гонить», понять никто ничего не могъ. Изъ дому она выходила только къ Олѣ. Съ вечера четверга до вечера пятницы никуда не выходила: это былъ самый мучительный для нея день въ недѣлѣ — она боялась, умереть. И только, когда появлялась Оля, страхъ пропадалъ.

Александръ Павловичъ, съ которымъ она особенно охотно разговаривала, любилъ ее за все ея безпокойство и юроды.

«Она не такая, какъ всѣ!» — говорилъ онъ про Лену.

И это правда: когда угодно и кому угодно Лена могла отмотить такое и не съ глазу-на-глазъ, а и при всѣхъ, тутъ ей не было страху, а это-то Олю въ ней и привлекало.

*

Вечеръ начался весело.

Бѣлый столъ, серебряный отъ стариннаго ильменевскаго серебра, былъ бѣлѣе и серебристѣе. Или послѣ Меженинки, цвѣтистой, такъ показалось Олѣ, или о домѣ она больно соскучилась, или самъ домъ ей былъ радъ, и вотъ нарядился въ серебро, какъ на праздникъ?

Кромѣ своихъ — Миши, Ирины и Лены и двухъ

гостившихъ подругъ Олиныхъ гимназистокъ — Кати Рогачевой и Лиди Протасовой — были гости: конечно, Лена Боровая, братъ Лены кадетъ, Костя, близнецы Лупичевы Петръ и Павелъ и совсѣмъ новый человѣкъ — учитель Миши, студентъ Карауловъ.

Миша рассказывалъ смѣшные анекдоты, и самъ смѣялся, но не меньше смѣлись и слушатели, студентъ Карауловъ пѣлъ куплеты и, хоть голосъ у него былъ слабый, но за то съ большимъ чувствомъ, и тоже смѣшное съ разнымъ такими смѣшными припѣвами.

Потомъ танцовали.

Александръ Павловичъ весь вечеръ не оставлялъ гостей. Онъ сидѣлъ въ креслѣ около камина подъ часами и, когда начались танцы, пошелъ танцевать ма-зурку съ Олей.

Какъ онъ ей радъ былъ, своему котику, — такъ называлъ онъ Олю ласково, — и какъ смотрѣлъ на нее, какъ ласково, и улыбался ей! А какъ танцевалъ онъ, такъ теперь никто не танцуетъ.

— Папочка, милый папочка, какъ легко съ тобой танцевать и хо-ро-шо! — улыбалась Оля своей ясной улыбкой.

И было въ ней столько здоровья, какъ крѣпкихъ силъ въ черной плодоносной землѣ ея. А тяжелыя ко-сы волнились, что нива.

Много потѣшались надъ близнецами Петромъ и Павломъ: оба необычайной страсти къ танцамъ и, несмотря на науку, — а училъ ихъ самъ Александръ Павловичъ, — танцовали только въ одну сторону, а въ другую, ну никакъ не выходя. Медвѣжатами прыгали они по залу, то-и-дѣло вытираясь клѣтчатыми носовыми платками и притомъ съ такимъ рвеніемъ и такъ крѣпко, словно бы и въ самомъ дѣлѣ грѣла ихъ шкура.

Карауловъ — въ чемъ душа! вспоминалось Олѣ, — ловчѣе всѣхъ носился, пристукивая каблукомъ, и такъ живо дѣлалъ круги, что и всякая блѣдность пропала.

Больше всего танцевалъ Карауловъ съ Олей.

Натанцовались, затѣяли игры.

Играли въ цензуру. Игра заключается въ томъ, что по выбору счетомъ двое выходятъ изъ круга: одинъ садился на «цензуру», а другой собиралъ о немъ мнѣнія и затѣмъ вслухъ передавалъ ему, и, чье мнѣніе кажется самымъ замѣчательнымъ, тотъ долженъ выйти изъ круга и самъ сѣсть на цензуру.

Оля сидѣла на цензурѣ, а Лена собирала мнѣнія.

И, обойдя кругъ, Лена принялась громко разсказывать Олѣ всякія о ней мнѣнія и смѣшныя, и нѣжныя, и совсѣмъ ни къ чему не относящіяся, и никакъ не тронуло Олю и лишь одно и притомъ совсѣмъ непохожее, стишокъ—«Ольга красавица по улицамъ таскается...» и еще что-то въ такомъ родѣ.

— Чье это мнѣніе? — спросила Оля.

Въ кругѣ никто не пошевелинулся, словно и мнѣнія такого не было, и не было кому выходить.

— Кто же это сочинилъ?

Оглядывая кругъ, посмотрѣла Оля и на отца, и показалось ей, что сидитъ онъ тамъ у камина, нахмурился.

— Ну, кто же, кто?

И вотъ какъ-то робко и такой блѣдный — въ чемъ душа, вспомнилось Олѣ — выступилъ Карауловъ. Онъ долженъ былъ подойти къ Олѣ, но не сдѣлавъ ни шагу, какъ съ кресла отъ часовъ поднялся Александръ Павловичъ.

И почему-то стало такъ тихо, — тамъ въ саду кузнечики стрекотали, слышно.

Карауловъ повернулся и, сгорбившись, быстро пошелъ изъ залы.

И съ того вечера онъ больше не появлялся у Ильменевыхъ.

4.

Изъ Лубенцовъ пріѣхалъ сынъ Ксаверія Матвѣвича, студентъ Лампадъ, приглашать Олю и подругъ ея, гимназистокъ, въ Лубенецкій лѣсъ на кашу. Лубенцы ближе ближняго, на полпути между Ватагинымъ и Меженинкой.

Лампадъ очень просилъ Наталью Ивановну, а гимназистки увѣряли, что на кашѣ будетъ и Ксаверій Матвѣвичъ и Александрія Кенсориновна непременно. И Олю съ подругами отпустили, но чтобы вернуться не поздно и съ лошадьми поосторожнѣе.

Много было веселаго въ дорогѣ, а еще веселѣе въ лѣсу на кашѣ.

Само собой, ни Ксаверія Матвѣвича, ни Александріи Кенсориновны не было, а былъ докторъ Перепелка Андрей Федоровичъ, самъ Лампадъ да сестра его Асклиподота. Читали стихи, Андрей Федоровичъ рассказывалъ чудесныя исторіи изъ своей жизни, въ подлинности которыхъ Оля ничуть не сомнѣвалась, и всему вѣрила. Лампадъ показывалъ удивительные фокусы.

И совсѣмъ незамѣтно прошелъ вечеръ, кашу съѣли и погасъ костеръ.

Ну, простились, ну и поѣхали — Оля, Катя и Лида, ну, и вернулись. И какой тамъ поздно, о такомъ позднемъ часѣ и въ голову не приходило, — ужъ солнце поднялось куда выше бѣлыхъ ильменевскихъ башенъ, и Олинъ аистъ полетѣлъ себѣ за коромъ.

А за то крѣпко какъ заснули!

Но пришла пора, и забота смѣнила сонъ.

Рѣшили такъ: пускай первая идетъ къ чаю Лида — Лида Протасова и тише Кати и довѣря ей больше — что-нибудь такое скажетъ: объяснить.

Конечно, Наталья Ивановна была очень недовольна: такъ поздно вернуться!

— Лошади не поспѣли, — вся покраснѣла Лида, — Ксаверій Матвѣвичъ и Александрія Кенсориновна очень извиняются...

Тутъ вошла въ столовую Оля, а за Олей Катя.

И въ разговорахъ Наталья Ивановна понемногу успокоилась.

А разговоръ только и былъ, что о лубенецкой кашѣ, какъ весело было въ лѣсу, какъ самъ Ксаверій Матвѣвичъ въ лѣсъ съ ними ѣздилъ и Александрія Кенсориновна, и костеръ разложили, и какъ Ксаверій Матвѣвичъ пѣлъ у костра и рассказывалъ очень смѣшное.

— Изъ священной исторіи! — прибавила озорная Катя и сама же расхохоталась.

И за ней всѣ стали смѣяться, но совсѣмъ не тому, что разсмѣшило Катю: ни Ксаверій Матвѣвичъ, псующій у костра, — если бы вы только видѣли что такое этотъ Ксаверій Матвѣвичъ и не поющий! — ни священная исторія, замѣнившая Лампадовы фокусы и Перепелкины исторіи, нѣтъ, не это, — день хорошій и еще хорошо было, что все такъ благополучно кончилось, и Наталья Ивановна совсѣмъ пересердилась, а сама улыбается Олѣ.

«Мамочка, ты пойми, мамочка, какънамъ было весело!» — ствѣчала ей Оля свсей ясной улыбкой.

Послѣ дневной жары, отъ которой телько и можно спастись, что въ комнатахъ за ставнями, чуть только повѣялъ вечеръ, выбѣжала въ садъ Оля, а за ней Лида и Катя. Качались на качеляхъ, накачались и гулять. Ходили на мельницу, когда-то запретсе мѣсто, и дальше въ поле. Набрали цвѣтовъ вотъ такіе букеты, — если Оля за что принималась, выходило всегда съ избыткомъ.

Онѣ шли со цвѣтами, сами, какъ въ полѣ цвѣты несѣянные.

По небеснымъ полямъ выходили лѣтнія звѣзды и такіа теплыя.

«Благословеніе мое на васъ!» — вѣяло въ волѣ.

Отъ церкви онѣ поспѣшили: не опоздать бы къ ужину!

Добѣжали до дому, смотрятъ, а на дворѣ а п о с т о л ы — какъ Ксаврій Матвѣвичъ называль воловъ, на которыхъ разѣзжалъ по сосѣдямъ. Стало быть, Ксаверій Матвѣвичъ! Сердце такъ и упало: какъ же теперь съ кашей-то, на которой старикъ и пѣлъ у костра и рассказываль смѣшное... изъ священной исторіи?

Роняя цвѣты, вошли онѣ въ домъ.

Въ столовой за самоваромъ сидѣлъ Ксаверій Матвѣвичъ и, благодумствуя, оканчивалъ свой всегдашній и непремѣнный рассказъ, какъ въ молодости, выѣхавъ однажды на первый день Пасхи съ визитами, онъ загрузъ на площади передъ женской гимназіей, и какъ его вытаскивали.

И, какъ всегда, Александрія Кенсориновна, слушающая съ неизмѣннымъ вниманіемъ, какъ новое, ужасное происшествіе, сочувственно кивала.

— Да такъ и бросили! — рассказчикъ привычно махнулъ рукой, тѣмъ и заканчивался рассказъ.

— Ну, а какъ было на кашѣ, Ксаверій Матвѣвичъ? — спросила Наталья Ивановна.

— Куда намъ съ молодежью! Намъ, старикамъ, и безъ каши, всего пріятнѣе дома посидѣть.

На слѣдующій день Лида Протасова уѣхала къ себѣ въ Протасовку.

А вскорѣ послѣ этой лубенецкой каши Наталья Ивановна собралась въ Меженинку.

Оля ни за что не захотѣла. И какъ ни уговаривали, поставила на своемъ, — сущій Василій Ильменевъ! Иначе она и не могла сдѣлать: вѣдь, если бы она уѣхала, пришлось бы и Катѣ уѣхать изъ Ватагина, а Катя влюбилась въ кадета Костю и готова была хоть все лѣто гостить у Ильменевыхъ.

Оля не знала, какія такія причины, и почему Катя считалась отверженной среди гимназистокъ ея круга. Олѣ говорили, что она ей не ровня, и одно время даже въ домъ къ ней не пускали Олю. А эта-то отвержен-

ность и привязала ее къ Катѣ, безолаберной, какъ сама себя называла Катя.

Остаться дома ради Кати, не ѣхать со всѣми къ любимой бабушкѣ въ Меженинку — Олѣ стоило многого.

И вотъ, когда ильменевскій трундулетъ съ Натальей Ивановной, Ириной, Леной и Мишей скрылся за ококорями и стало такъ пусто въ домѣ, такъ пустынно, Оля и Катя пошли на сѣноваль, сѣли рядышкомъ и проплакали день до вечера.

5.

На именины самого Борового, отца Лены, у Боровыхъ единственный разъ въ году справлялось большое торжество — шелъ пиръ на все Батагинс.

Александръ Павловичъ, избѣгавшій всякіе вечера и именины, пошелъ къ Боровымъ только для Оли.

— Знаешь, кто тебя хочетъ видѣть? — шепнула Лена.

— Кто?

— Карауловъ.

— Карауловъ? — Оля за недѣлю ни разу и не вспомнила про студента.

— Хочетъ извиниться. Онъ и самъ бы сюда пришелъ, да боится. Онъ у Перовыхъ.

И Лена увела Олю отъ гостей съ балкона. И черезъ калитку изъ ихъ сада прошли онѣ въ садъ Перовыхъ.

Въ саду ждалъ Карауловъ, очень волновался.

— Просто по какому-то мальчишеству произошло тогда... это мое стихотвореніе.

— Я то ничего, — Олѣ и самой стало неловко, она, вѣдь, ни въ чемъ его не винила, — вотъ только какъ папа: папа тогда очень на васъ обидѣлся за меня.

Карауловъ былъ счастливъ: Оля его не винить,

а въ этомъ и все. Лена отвела его въ сторонку и что-то говорила ему, а онъ только покорно слушалъ.

И онъ пошли изъ сада.

— Знаешь, Оля, Карауловъ живетъ у Стрѣшневыхъ. Мнѣ Вѣра рассказывала, всю онъ недѣлю проплакалъ.

На слѣдующій день Карауловъ пришелъ къ Ильменевымъ и долго сидѣлъ у Александра Павловича. А когда Наталья Ивановна вернулась изъ Меженинки, Мишѣ снова пришлось взяться за книги, — Карауловъ опять сталъ бывать въ домѣ.

Въ домѣ у Ильменевыхъ заведенъ былъ такой порядокъ, чтобы чай разливали поочереды: одинъ день Ирина, другой день Оля, третій день Лена.

Оля никогда не разливала. За Олю разливалъ чай Карауловъ и исполнялъ всѣ обязанности хозяйки обыкновенно предупредительно, обращаясь съ чашками съ тѣй же нѣжностью, какъ съ своими бѣленькими мышками.

О жизни Караулова мало чего знали, да какъ-то и не приходило въ голову разузнавать, одно было извѣстно, что матери у него нѣтъ, а мачеха.

— Мачеха у васъ молодая? — спросила какъ-то Наталья Ивановна.

— Была когда-то молодая, — отвѣтилъ Карауловъ.

Такъ, въ такомъ вотъ родѣ обыкновенно отвѣчалъ онъ, но у него былъ другой голосъ и слова другія, когда говорилъ онъ съ Олей. А сѣрые глаза его темнѣли. И Олѣ всегда казалось, когда онъ говорилъ съ ней, будто у него гдѣ-то больно дѣлается.

Олю тяготило разливаніе чая, Карауловъ за нее разливалъ чай. Оля любила получать письма, а письма обыкновенно подолгу заваливались на почтѣ, и вотъ Карауловъ чуть свѣтъ пѣшкомъ шелъ въ городъ на почту и, какъ встать Олѣ, былъ уже дома, и письма Оля получала во время.

Отъ Стрѣшневыхъ, гдѣ снималъ Карауловъ ком-

нату, перебрался онъ къ Ильменевымъ и поселился въ саду, въ будкѣ. По утрамъ онъ занимался съ Мишей, днемъ съ книгой уходилъ въ поле, вечеромъ былъ со всѣми, а послѣ вечерняго чая шелъ къ себѣ, въ будку.

Нерѣдко устраивались вечера, появлялись близнецы Лупичевы Петръ и Павелъ, и, конечно, приходила Вѣра Стрѣшнева и, конечно, Лена Боровая, и ея брать кадетъ Костя, — танцы, смѣшные анекдоты, пѣсни и игры.

Очень весело проходило время.

И душой всякихъ затѣй и развлеченій былъ Карауловъ.

И больше всего старался Карауловъ угождать Олѣ.

А какія дѣлалъ онъ ей изъ коры занятныя лодочки!

Не на людяхъ, а оставаясь вдвоемъ, Карауловъ рассказывалъ Олѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ, объ университетѣ, о лекціяхъ, о профессорахъ и о своихъ товарищахъ-однокурсникахъ. Онъ перешелъ на второй курсъ и за первый свой учебный годъ, желая постигнуть всю перемудрость, перемѣнилъ немало всякихъ специальностей: началъ съ ботаники и прилежно занимался систематикой растеній у Горожанкина, потомъ бросилъ систематику и съ головой погрузился въ ракообразныхъ и паукообразныхъ у Зографа, одолѣлъ такую вотъ книжищу, пошелъ къ Столѣтову, завязъ въ физическихъ формулахъ и теперь рѣшаетъ — остановиться ли ему на птицахъ у Мензибара или перейти на юридическій факультетъ и изучать исторію философіи права у Новгородцева.

— Я въ Бога не вѣрю — сказалъ онъ какъ-то Олѣ.

И очень удивилъ ее: она никакъ не могла и представить себѣ, что можно и притомъ совсѣмъ легко говорить такое.

— Я въ Бога не вѣрю, — повторялъ Карауловъ всякій разъ, когда начинался излюбленный пытливый разговоръ Олинъ.

И когда на молитвѣ, молясь за отца и за мать, за брата, за сестеръ, за любимую бабушку, Оля вспоминала эти слова его, она и за него молилась, чтобы «студентъ Карауловъ вѣрилъ въ Бога.»

6.

На Ильинъ день проводили Катю Рогачеву. Съ кадетомъ Костей она разсталась беззаботно, и слезинки не капнуло съ ея шаловливыхъ глазъ: весной, во время экзаменовъ, она влюбилась въ восьмиклассника Пономарькова, теперь съ нимъ предстояло свиданіе, и это свиданіе тревожило ея чувства.

Карауловъ послѣ какого-то мудренаго біологическаго разговора, показывая Олѣ своихъ бѣленькихъ мышекъ, попросилъ у Оли подарить ему карточку. Оля пообѣщала, но съ условіемъ, что онъ свою дастъ. Да само-ссбсй, онъ все для нея исполнить и готовъ все сдѣлать и, какъ только пріѣдетъ въ Москву, снимается и сейчасъ же вышлетъ. И разъ десять повторилъ онъ это. А когда Оля дала ему свою карточку, счастьемъ его конца не было, и цѣлый вечеръ онъ пѣлъ и ночь пѣлъ у себя въ будкѣ.

— Студентъ-учитель совсѣмъ ума рѣшился, — говорилъ въ людской Ѳедотъ, — зайдешь ночью въ ихъ будку понавѣдаться, не спитъ, а какъ птица по саду ходить, и такія чудеса: «Хочешь, говорить, Ѳедотъ Прохоровичъ, я вамъ глазъ вставлю утиный!» Чудеса.

И вправду, получивъ Олину карточку, Карауловъ три дня ходилъ, какъ птица, и ночами не спалъ.

Вечеромъ за чаемъ и не притронувшись къ своему стакану, вдругъ отчего-то заторопился и только просилъ Олю выдать ему на ночь книгу — ключъ отъ бібліотеки хранился у Оли. А когда Оля вышла съ нимъ изъ столовой, онъ подаль ей письмо и, не дожидаясь книги, ушелъ.

Да ему и не надо никакой книги!

Письмо было очень длинное: маленькими буквами, старательно, о его чувствах — о любви его къ Олѣ, и предположенія, и обѣщанія, и увѣренія, ну, объяснительное, любовное, и какъ онъ женится на Олѣ и какъ они жить будутъ вмѣстѣ. А въ заключеніе просилъ Олю, чтсбы не забывала его, пока онъ университетъ кончить.

«А когда кончу я, дастъ Богъ, рѣшится наша судьба.»

Кому же не пріятно любовное письмо!

Оля очень была довольна.

Въ пятомъ классѣ въ первый разъ Оля узнала, что въ нее влюбляются гимназисты. И на балахъ, когда подходила третья кадрили — третья кадрили особенная, означаетъ любовь — Оля просто не знала, кого и выбирать: такъ много бывало приглашений. Кромѣ того, ей рассказывалъ Миша, чья она симпатія, какъ выражались гимназисты и гимназистки, — Миша въ карцерѣ свой человѣкъ, а гдѣ же, какъ не въ карцерѣ, душа нараспашку! Были и такіе гимназисты, куда бы она ни шла — въ гимназію и изъ гимназіи, и въ церкви, а непременно встрѣтятся и, конечно, не случайно.

Въ седьмомъ классѣ — первсе признаніе. Семиклассникъ Дагестанскій, по прсзвищу Б ы ч о к ъ, подарилъ Олѣ свою карточку и съ такой надписью «отъ л..... Леонида Дагестанскаго». А когда Оля взяла отъ него картсчку, онъ поцѣловалъ ей руку.

Такихъ карточекъ съ семью точками собралось у Оли къ восьмому классу цѣлый уголскъ шкатулки, гдѣ хранила она свои драгоценности.

Кому же не пріятно любовнсе признаніе! Оля очень была довольна.

Но сама она никому еще не написала на свсей карточкѣ

На другой день Карауловъ опять за вечернимъ

чаемъ, опять будто за книгой, когда Оля вышла съ нимъ изъ столовой, подаль ей письмо, а самъ ушелъ.

Письмо оказалось всего нѣсколько строчекъ, но такъ же маленькими буквами, старательно: онъ просилъ Олю притти завтра, въ четыре часа утра, на сѣнокося поговорить съ нимъ.

Оля знала отъ Кати, что сѣнокося — мѣсто ва-тагинскихъ свиданій, куда ходила и Катя и кадетъ Костя, но сама она и не подумала: еще бы, и такую рань, — Оля любила понѣжиться, поваляться въ постели, а тутъ, изволь, въ четыре часа!

Было и еще нѣсколько писемъ такихъ же — одна просьба: поговорить на сѣнокося.

— А что я узнала о Карауловѣ! — сказала Лена.

— Что такое?

— Да ты и представить себѣ не можешь: онъ очень боленъ. Мнѣ Костя рассказывалъ, какіе у него бываютъ припадки, и особенно когда много волнуется.

Оля и Лена шли по саду изъ церкви. Осеннее первое утро смѣнялъ красный воскресный денекъ. Карауловъ позже, чѣмъ въ будни, отправился на почту и еще не возвращался. Лена со словъ Кости рассказывала Олѣ, какіе это у Караулова припадки: какъ онъ весь корчится и пѣна изо рта, и такъ страшно бываетъ.

Оля слушала съ большимъ вниманіемъ. Вотъ чего она никакъ не подумала бы.

— А отчего это бываетъ?

Но Лена не успѣла отвѣтить, какъ сзади, за спиною раздался крикъ, и обѣ шарахнулись другъ отъ друга: Карауловъ бился на дорожкѣ, и было такъ страшно смотрѣть.

Оля подумала, что онъ умираетъ, и скорѣе побѣжала въ домъ позвать кого-нибудь.

И съ этого дня Оля стала къ нему особенно внимательно: къ больнымъ Оля всегда относилась особенно.

А Карауловъ скоро опрѣвился, только былъ очень грустенъ, и когда говорилъ съ Олей, сѣрые глаза его еще больше темнѣли, а ей больше, чѣмъ всегда, казалось, будто у него гдѣ-то больно дѣлается. Онъ не могъ не замѣтить переменъ — Оля была такъ внимательна! — и опять повеселѣлъ.

Къ концу подходило лѣто, пора было кончать занятія съ Мишей, Караулову ѣхать въ Москву въ университетъ, Олѣ — въ гимназію.

Въ одинъ изъ прощальныхъ вечеровъ, играя въ секретеръ, Оля получила записку — маленькими буквами, старательно: Карауловъ спрашивалъ, что Олѣ въ немъ больше всего нравится?

Оля хотѣла отвѣтить по правдѣ, что она чувствуетъ — какъ ее трогало, что онъ боленъ, а къ больнымъ она всегда относилась особенно, но такъ не отвѣтила, раздумала, и написала:

«брови, глаза и рѣсницы».

А и дѣйствительно, что у него было прекрасно, это брови, глаза и рѣсницы.

Передъ отъѣздомъ послѣ вечерняго чая, Карауловъ простился и пошелъ къ себѣ. За нимъ на крыльцо вышла Оля и Лена.

Осенняя ночь, — сколько звѣздъ!

Звѣздочки-звѣзды-звѣздные пути — на всѣ стороны.

Звѣздная ночь летѣла беспокойная.

Өдоть, гремя ключами, съ фонаремъ прешелъ по двору къ амбарамъ. По огоньку черная пробѣжала собака за Өдотомъ. Изъ сада пахнуло холодомъ.

И звѣзда упала въ ночь.

— Я васъ такъ люблю! — сосвѣсъмъ тихо сказалъ Карауловъ и поцѣловалъ Олѣ руку.

7.

На Успенье, какъ обѣщалась, пріѣхала въ Ва-
тагино тетка Людмила Павловна. Она помѣстилась

въ одной изъ башенъ стариннаго ильменевскаго дома, гдѣ прошли ея молодые незабвенные годы. И съ живой памятью ея о прошломъ въ домѣ ожила ильменевская старина: вѣдь, Александръ Павловичъ въ ея глазахъ все по прежнему младшій братецъ Саша, а былъ еще братецъ Вася и Коля, самый любимый.

«Неоцѣненный братецъ и другъ мой Николай Павловичъ!» — такъ когда-то всегда начинала она всегда длинное письмо къ нему въ Санктъ-Петербургъ, а въ концѣ послѣ всѣхъ пожеланій душевной радости, здоровья и лучшаго на свѣтѣ счастья, — «желала бѣ я и душу переслать, но не въ силахъ, и я была бы довольна и тѣмъ, когда бы кто-нибудь передалъ мои мысли къ Вамъ, а я уже не въ силахъ».

Раскрывая фортепіанно, Людмила Павловна вспоминала горестъ своихъ дѣвичьихъ дней.

— И если тѣснить мою душу, — говорила она, сажусь сейчасъ играть и почувствую облегченіе, когда сойдутъ слезы.

Оля очень любила спрашивать тетку, какъ было у нихъ прежде, какой былъ папа, когда былъ маленькій, о дѣдушкѣ и бабушкѣ. И теперь, въ этотъ теткинъ пріѣздъ, задержалась для нея еще на день.

И прошелъ этотъ день тихій въ разговорахъ и воспоминаніяхъ.

Съ утра слѣдующаго дня Оля стала собираться въ дорогу, и къ вечеру все было готово.

Пришла Вѣра Стрѣшневa и Лена Боровая. По обычаю всѣ сошлись въ залъ, присѣли, помолчали, потомъ всѣ разомъ поднялись. Оля подошла за Натальей Ивановной и Александромъ Павловичемъ къ чудотворному образу Ильменевской Божьей Матери. Помолились. И стали прощаться.

Нянька Фатевна, вернувшаяся совсѣмъ недавно изъ дальняго богомолья, спрыснула Олю — «матушкой генесаретской водой».

Еще разъ простились, — еще разъ со всѣми крѣпко поцѣловалась Оля.

Наталья Ивановна заплакала.

— Мамочка, родная моя мамочка! — и долго цѣловала ее Оля.

А слезъ никакъ не унять.

— Къ бабушкѣ заѣзжай непременно! — сквозь слезы сказала она и пошла за Олей.

И всѣ пошли.

А Оля, раскраснѣвшаяся, улыбалась своей ясной улыбкой, еще и еще разъ по дорогѣ цѣлуясь, и въ людской и на крыльцѣ еще разъ прощаясь, и въ послѣдній разъ, ужъ совсѣмъ какъ садиться.

Александръ Павловичъ провожалъ Олю до мельницы, перекрестилъ своего котика, какъ называлъ онъ Олю ласково; на облучекъ къ Григорію подсѣлъ Федотъ, и поѣхали.

И до самыхъ Лубенцевъ, до самого Ксаверія Матвѣевича ѣхалъ съ Олей Федотъ.

Разсказывалъ Федотъ, какъ когда-то — давно это было — онъ такъ же вотъ съ Александромъ Павловичемъ и съ покойнымъ Василиемъ Павловичемъ въ гимназію ѣздилъ, и какой былъ Александръ Павловичъ и какъ тогда было вольготно.

— Эхъ, человѣкъ! — прибавлялъ одноглазый ключникъ, не говоря ужъ, а припѣвая.

Отъ гимназіи перешелъ Федотъ къ боолѣе позднимъ временамъ — къ молодымъ офицерамъ Ильменевымъ. Военные разказы его были такъ занимательны, что даже кучеръ Григорій, съ павлиньимъ перомъ, въ своей плисовой безрукавкѣ поверхъ красной маковой рубахи, самъ бывалый, лихо посвистывалъ не столько лошадямъ, сколько отъ удовольствія.

— Эхъ, человѣкъ!

Въ Меженинку пріѣхала Оля во-время, еще спать не укладывались, неспѣша собирали на столъ ужинать. И, какъ всегда, пріѣздъ Олинъ поднялъ переполохъ.

А какое счастье, — конца ему не было! И бабушка и тетушка и Анна Павловна отъ радости съ ногъ сби-

лись. Конечно, нечего было и думать уѣзжать ни завтра, ни послѣзавтра.

И Оля нѣсколько дней прожила у любимой бабушки.

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Неторопливая, какъ много лѣтъ, круглый годъ шла жизнь день-ото-дня не спѣша. Осень вызывала разговоры о зимѣ. И тетушка Евгенія Алексѣевна съ замазкой возилась въ томъ углу справа отъ кіюта, гдѣ любила сидѣть вечерами за пасьянсомъ, тетушка загодя вставляла раму.

Запасовъ на зиму сдѣлано было не мало.

Повела бабушка Олю въ кладовую... Каксе варенье! И сколько банокъ и баночекъ, на которыхъ бабушкиной рукой перомъ выведена была надпись:

Олина малина.

Олюшкина любимая малина.

Олина земляника.

Олюшкина любимая земляника.

Олинъ персикъ.

Олюшкина бѣлая вишня.

Барбарисъ безъ косточекъ Олинъ.

— Червь яблоко поѣлъ поѣдучій, — сѣтовала бабушка, — нѣтъ сей годъ яблока ни нашего, ни китайскаго. А у тетушки еще вонъ лѣтошняго цѣлый верхъ!

Но тетушка Евгенія Алексѣевна никому своего варенья не дастъ и не проси, и Олѣ, къ огорченію бабушки, не достанется нынче любимаго ея варенья — «Олина яблочнаго».

Изъ кладовой повела бабушка Олю въ маленькую кладовую, гдѣ стояли всякія соленья и очень хорошо пахло. И тамъ подарила ей бутылку одеколону соб-

ственного приготовленія и тутъ же растолковала, какъ одеколонъ дѣлается, открывъ секретъ только для Оли.

Оля памятливая, ей и записывать не надо, она и такъ все запомнить, и сама бабушкѣ не бутылку, а ведро одеколону приготовить.

Неторопливо, какъ все, что дѣлалось и говорилось въ Меженинкѣ, перечисляла бабушка составъ, сколько и чего надо взять, сколько спирту виннаго, совершенно очищеннаго отъ сивушнаго запаха и сколько масла: бергамотнаго, лимоннаго, размариннаго, лавандоваго и померанцевыхъ цвѣтовъ.

—И все это положить въ спиртъ въ бутылъ, взболтнуть хорошенько, и одеколонъ готовъ. Онъ будетъ мутенъ, но въ нѣсколько дней отстоится и, когда будетъ совершенно свѣтелъ, то слить осторожно, а подонки перепустить сквозь бумагу. Одеколонъ готовый, слитый въ бутылки, завязать пузыремъ. Чѣмъ долѣе будетъ стоять, тѣмъ будетъ совершеннѣе.

За вечернимъ чаемъ вспомнили старое, какъ была бабушка молодая, тетушка молодая, Анна Павловна молодая. Первая бабушка, за бабушкой тетушка, за тетушкой Анна Павловна.

Анна Павловна не упустила случая и разсказала, какъ генераль Ольховскій дѣлалъ ей предложеніе, а она отказала. Оля не могла удержаться, заспорила. И, какъ всегда, разсердила бабушку.

Ну, а потомъ все помирилось.

*Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышель ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ камоды...*

— напѣвала Анна Павловна, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ.

Оля разспрашивала бабушку, какъ было прежде, какая была мама, когда была маленькая, про Кострому.

Бабушка не сразу отвѣчала.

— Погоди! — такъ всегда начинается бабушка и смотреть такими добрыми и ясными глазами, — это было въ домѣ у Рязановскихъ, нѣтъ не у Рязановскихъ, Рязоновскій жилъ на Царевской, а нашъ дсмъ на Русиной... — и медленно добирается до самаго главнаго, до старины — своей молодости, когда совершались въ мірѣ событія.

— Въ старину было лучше, — говоритъ бабушка, и тетушка, и Анна Павловна.

А неужели и въ самомъ дѣлѣ бабушка была молодая, тетушка молодая и Анна Павловна молодая!

*Ахъ, какъ жаль,
Что камаль
Вышель ужъ изъ моды.
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся въ комоды...*

*

Тихо въ Меженинкѣ, благопріятно.

Пожила бы Оля и еще — посмотрите, какой золотой садъ, какія астры, а какія ночи! — да нельзя: пора, пора Олѣ въ гимназію.

— Какъ бывало, уѣзжать мнѣ изъ Ватагина, — поминала бабушка, провожая Олю, — такой ты крикъ на весь домъ подымешь, и, бывало, не унять ничѣмъ, и я, бывало, въ ручку тебѣ серебра для забавы, передамъ тебѣ, ужъ и не знаю сколько, а ты все плачешь, не отпускаешь. Только обманомъ и уѣзжала. А вотъ нынче я слезами плачу.

Бабушкина тяжелая наточанка, къ развлеченію меженинскихъ куръ и индюшекъ, долго стояла у крыль-

ца и застоялась, куры и индюшки успѣли привыкнуть и по-прежнему ходили безъ вниманія, а бабушкинъ Кононъ порядкомъ всхрапнулъ, пока-то Олю снарядили въ дорогу, съ Олюшкой простились и еще разъ, и еще разъ, и еще разъ, какъ тамъ дома.

— На Рождество, бабушка! — все обертывалась Оля, улыбаясь своей ясной улыбкой, пока тяжелая наточанка, завернувъ за церковь, не пропала изъ глазъ.

А онѣ три стояли на широкомъ крыльцѣ: одна всѣхъ выше и дороднѣе — бабушка, другая — одна кость, вскинувъ темные, когда-то прекрасные, теперь грозные большіе глаза, — тетушка, и третья, самая маленькая и несчастная, — Анна Павловна.

«А какъ ты выѣхала, другъ мой, Олюшка, — писала бабушка Олѣ въ гимназію, — я, какъ сумасшедшая сдѣлалась, плакала, тосмила душой о тебѣ и безпокоилась. По гробъ мой бабушка твоя, Татьяна Алексѣвна».

8.

Изъ Москвы отъ Караулова часто получились письма и все длинныя, какъ то, первсе, маленькими буквами, старательно.

Онъ описывалъ Олѣ всѣ свои надежды и разочарованія — всю жизнь свою: онъ перемѣнилъ исторію философіи права на финансовсе, а финансовсе право на химію, Янжула на Сабанѣева, онъ пройдетъ неорганическую и органическую химію и тогда будетъ слушать Ключевского. И каждое письмо его проникнуто было его неизмѣнной любовью и мечтсой о томъ будущемъ счастливомъ, которсе рѣшить Оля. Получилась и его карточка —

«въ память жаркаго лѣта».

Оля написала ему раза два и очень кратко.

Писать письма вообще она не любила, а кромѣ

того, съ каждымъ письмомъ Караулова, и чѣмъ оно было нѣжнѣе, тѣмъ рѣзче подымалось въ ея душѣ такое чувство — тягота отъ его какого-то права на нее такъ ей писать и на что-то надѣяться и ждать отъ нея чего-то, и тягота эта переходила въ раздраженіе — ненависть къ нему.

Какими счастливыми считала она подругъ своихъ, которымъ, какъ она думала, никто не пишетъ и не имѣетъ этого права, которыя однѣ и совсѣмъ свободныя. И одно было желаніе: что угодно, все, что угодно, она сдѣлаетъ, лишь бы избавиться отъ него и отъ его какого-то права.

И по мѣрѣ того, какъ тягота переходила въ раздраженіе, въ ненависть, ее охватывало и отвращеніе къ нему.

Какая счастливая она была до всѣхъ этихъ писемъ! Какая счастливая будетъ она, когда освободится отъ него!

И вотъ рѣшила она, во что бы то ни стало, увидаться съ Карауловымъ и взять у него свои письма и карточку. И тѣмъ все кончить.

Такъ все и кончится.

Правда, не очень скоро, а представился случай.

На Рождественскія каникулы студенты обыкновенно съѣзжаются до Рождества. Въ самомъ началѣ декабря пріѣхалъ и Карауловъ.

Восьмой классъ Оля жила у Зубаревыхъ. Александра Тимофеевна Зубарева, жена доктора, пріятельница Натальи Ивановны. Въ домѣ за Олей ухаживали, и жить ей было свободно: къ ней относились какъ къ взрослой, — восьмиклассница!

Узнавъ, что пріѣхалъ Карауловъ, Оля написала ему, чтобы онъ пришелъ къ ней въ воскресенье. А какъ разъ на воскресенье, неожиданно для нея, взяты были билеты въ театръ на оперу.

Послѣ обѣда Оля съ Александрой Тимофеевной вышли погулять и гуляли довольно долго, а когда вернулись, сидитъ Карауловъ.

Карауловъ ждалъ Олю.

Оля съ морозу, какъ морозка, была морозная въ красной кофтѣчкѣ. Какъ онъ ей обрадовался, онъ сталъ было спрашивать, что она думаетъ, какъ живетъ.

Александра Тимсѣевна торопила Олю: Олѣ надо еще переодѣваться.

И когда Оля была готова — она не успѣла сказать съ нимъ и двухъ словъ — втрѣсь они вышли на улицу.

Улучивъ минуту, Оля сказала ему, что думала все время и зачѣмъ вызвала его: онъ ей долженъ отдать ея письма и карточку.

— Неужели вамъ надо?.. — Карауловъ остановился.

— Скорѣе давайте! Скорѣе! — торопила Оля.

Онъ разстегнулъ шинель, полѣзъ за воротъ, вытащилъ оттуда конвертъ и подалъ Олѣ.

Александра Тимсѣевна наняла извозчика и звала Олю: очень беспокоилась, не опоздать бы. Оля поспѣшила къ ней. А когда оглянулась, его ужъ не было.

Но объ этомъ Оля и не вспомнила. Оля любила музыку и была очень довольна оперой, она готсва была хоть каждый день слушать.

И на понедѣльникъ Зубаревы достали билеты, и въ понедѣльникъ Оля съ Александрой Тимсѣевой пошли въ театръ на оперу.

Послѣ театра за чаемъ докторъ, мужъ Александры Тимсѣевны, рассказывалъ всякія городскія новости и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Какой случай! Сегодня привезли къ намъ въ больницу, повѣсился студентъ... Карауловъ. Покупалъ револьверъ, не продали, въ гостинницѣ ночью повѣсился.

— Карауловъ? Что-то знакомое! — сказала Александра Тимсѣевна.

Но Оля молчала, Оля не хотѣла показать, а тамъ — — холодное что-то ползло...

И всю ночь она проходила по комнатѣ и дрожала.

Припомнила все — первый веселый вечеръ, «цензуру», все лѣто. «Неужели вамъ надо?» — повторялось и повторялось съ такимъ сильнымъ его удаченіемъ: «неужели?» Но, вѣдь, она не успѣла его спросить, она ничего не знаетъ, и, можетъ быть, не въ ней тутъ причина, а другое? Она не успѣла его ни о чемъ спросить?!

И та мысль, что, можетъ быть, причина совсѣмъ не въ ней, а другое, успокоила ее, и подъ утро она заснула.

И ей приснилось, — ей снится, будто могила и большой, такой большой крестъ, и она знаетъ, что это могила Караулова, — сѣла она на мнोगилу и слышать, голосъ оттуда, изъ могилы:

«Охъ, какъ тяжко!»

Д О Л Я

Оля говорила на «о»: «бочоночокъ». У Оли были три разныя куклы, хотя и не играла въ нихъ:

— каминскія — каменные, которыя бьются.

— журнальскія — изъ «Моды», вырѣзанныя изъ модныхъ журналовъ,

— тряпинскія — нянька Фатевна изъ тряпокъ дѣлала; и одна восковая.

У Оли было розовое любимсе платье и двѣ любимыя кофточки: кенареечная и голубая съ фафлями; и была у Оли нѣсная кофточка завѣтная.

Жарко лѣтомъ въ Ватагинѣ.

А Оля жары не любитъ.

Оля очень любила купаться: разъ десять въ день норовить выкупаться — кожа съ шеи слѣзала.

А то заляжетъ на кровать, обложится яблоками, лежитъ и читаетъ, и цѣлый день такъ до вечера, пока теплынь не схлынетъ.

И совсѣмъ еще маленькая — въ третьемъ классѣ — Оля за лѣто перечитала множество разныхъ книгъ и, конечно, безъ толку — и когда въ седьмомъ классѣ студентъ Черкасовъ станетъ давать Олѣ книги и среди нихъ окажется не мало читанныхъ, Оля прочитаетъ ихъ, какъ вновѣ — Тургеневъ, Толстой, Достоевскій.

Въ пятомъ классѣ у всѣхъ подругъ Олиныхъ гимназистокъ сверстницъ были наколоты булавкой инициалы ихъ «симпатій» — имена гимназистовъ, въ которыхъ онѣ влюблены.

Олѣ тоже очень хотѣлось носить на рукѣ вензель и, не отставая отъ другихъ, она наколола себѣ —

Н. В.

Наталию Васильевну, любимую учительницу русскаго языка, которая однажды вывела Олѣ въ четверть вмѣсто пятерки четыре:

— за мятыя тетрадки.

Въ шестомъ классѣ Марина Завѣтновская познакомила Олю съ гимназистомъ Высоцкимъ.

— Я потому хочу съ вами познакомиться, что я полякъ: стою за освобожденіе Польши. А вы украинка — стоите за освобожденіе Украйны.

Тутъ въ первый разъ услышала Оля, что надо кого-то освободить и стоять за кого-то — —

Въ седьмомъ классѣ Оля стала коготки показывать.

Какъ-то заболѣло горло и пѣть Олѣ запретилъ докторъ. Червертымъ урокомъ было пѣніе, а пятымъ Законъ Божій. Оля осталась въ классѣ и сѣла учить катехизисъ.

Классная дама Марья Терентьевна, замѣтивъ Олю одну въ классѣ, пристала въ Олѣ, отчего не идетъ въ залъ.

— Горло болитъ.

— Идите пѣть.

— Не пойду.

— Давайте книгу!

Марья Терентьевна схватила за катехизисъ — а Оля не даетъ.

И Марья Терентьевна не уступаетъ.

Стали тянуть — одна за одинъ конецъ, другая за другой, — тянули, тянули —

катехизисъ и разорвали.

— Дрянъ!

— На своей аршинъ мѣряете! — вспыхнула Оля.

На слѣдующій день Олю вызвали къ начальницѣ, Начальница гимназіи Марья Ивановна — Ин-

дюшка, постная и сухопарая, съ лица вылитая бабушка Аристотелевъ, только безъ всякаго украшенія — ни бороды, ни усовъ: носъ башмакомъ, губы подшлепки, какъ плямки, глаза сыщичьи, спереди проборъ или, какъ сама выражалась «г а і е», а сзади осмерка.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Пятнадцать.

— Что же съ вами будетъ, когда вамъ будетъ двадцать лѣтъ?

Оля молчить: и что тутъ отвѣтить?

Тутъ начальница вскоконула со стула:

— Гадкая, мерзкая, злая, безсовѣстная, безсердечная дѣвчонка!

— Марья Ивановна...

— Какъ вы смѣли нагрубить Марью Терентьевну?

— Марья Ивановна...

— Вы еще разговаривать! гадкая, мерзкая, злая, безсовѣстная, безсердечная дѣвчонка!

И во всю большую перемѣну отчитывалась Оля.

Оля должна извиниться передъ классной дамой.

— Марья Терентьевна! — Оля встрѣтила классную даму, выходя отъ начальницы, — Марья Ивановна сказала, чтобы я попросила у васъ извиненія.

И разошлись всякій по своему.

Урокъ прошелъ спокойно. А послѣ звонка Олю снова вызвали къ начальницѣ.

— Извинились?

— Да.

— Что жъ вамъ сказала Марья Терентьевна?

— Губы надула и пошла.

— Что? — вскоконула начальница, — не смѣть ходить въ гимназію! Гадкая, мерзкая, злая, безсовѣстная, безсердечная дѣвчонка!

И кончилось тѣмъ, что за поведеніе поставили Олю тройку.

И цѣлую недѣлю Оля не ходила въ гимназію.

Вызвали изъ Ватагина Наталію Ивановну: она

должна была объясниться съ начальницей за Олю, — а то бы Олю исключили.

Въ старшихъ классахъ законоучителемъ былъ батюшка Аристотелевъ, котораго звали «тако». А прозвали за то, что гимназисткѣ, читавшей Отче нашъ и кончившей —

«яко на небеси, тако и на земли»

— тако и въ вѣдомости! — сказалъ батюшка Аристотелевъ и поставилъ единицу.

А былъ другой батюшка — Свободинъ, у котораго младшая дочь утонула. Іовъ многострадальный.

На похоронахъ, когда батюшка до самаго кладбища ползъ за гробомъ, Оля говорила растерявшейся Катѣ, своей подругѣ:

«Надо быть сильной!»

— И смѣлой! — скажетъ Оля, но ужъ въ восьмомъ классѣ, когда придется давать пробный урокъ и изъ всего класса вызовется первая Оля.

Послѣдній гимназическій годъ Оля жила въ Покидошѣ подъ глазомъ тетки Марьи Петровны. Марья Петровна еще до Пасхи уѣхала въ имѣніе и вся весна прошла безнадзорно. И вотъ какъ-то появившись по дѣламъ въ городѣ, Марья Петровна напустилась на Олю, что ходитъ она въ Казенный садъ гулять со студентами и особенно съ Черкасовымъ.

— Откуда вы знаете?

— Такъ тебѣ и скажу! Точно не знаешь, весь Покидошъ, какъ на ладони.

2.

Такъ отъ маленькихъ всякихъ вещей, любимого платья, завѣтной ночной кофточки, черезъ безчисленные купанья и вензель Натальи Васильевны, Оля сильная и смѣлая подошла къ книгамъ — къ Тургеневу, Толстому, Достоевскому и къ какому-то невѣдомому міру, гдѣ надо за что-то стоять и что-то

освобождать, и вотъ очутилась въ кругѣ, который весь, какъ на ладони.

И этотъ тѣснѣйшій покидошенскій кругъ былъ, какъ крыломъ, опакнуть сплетней.

А въ сплетнѣ послѣдній непререкаемый доводъ и въ самыхъ невѣроятныхъ утвержденіяхъ и отзывахъ: — говорятъ!

И любая несообразица, сочиненная про человѣка, приче́мъ, какъ всегда въ сплетнѣ, опорочивающая человѣка, принималась за сущую правду, разъ — — говорятъ!

И ты хоть тресни, увѣрай и божись, все равно не убѣдишь и не разувѣришь, разъ — — говорятъ!

И никуда не скроешься.

И если ты тише воды и ниже травы, все равно, это г о в о р я т ь найти и тебя, и твою тишину и скрыть непременно прицѣпить къ какому-нибудь паскуднѣйшему паскудству, и тебя все равно ошельмуютъ.

Живому человѣку, если ты силенъ и смѣлъ, одинъ есть выходъ — вырваться изъ этого круга съ его послѣднимъ «говорящимъ» судомъ или — самъ «заговоришь».

Оля это живо почувствовала и твердо рѣшила: кончить гимназію и въ Петербургъ на курсы.

И это рѣшеніе было для нея настоящимъ завѣтомъ безповоротно.

Но какъ это ей устроить? — выбраться изъ Ватагина совсѣмъ не такъ просто!

Сказаться дома — — нѣтъ лучше не говорить: столько будетъ всякаго разговору и всего.

Потомъ вѣдь все сгладится и будетъ такъ, словно бы иначе и не могло быть: увидятъ, что ничего нѣтъ страшнаго и всякое «говорять» ерунда, а Наталья Ивановна будетъ даже гордиться, что вотъ Оля въ Петербургъ учится на курсахъ.

Оля это хорошо знаетъ.

Но Олѣ вотъ чего не хочется: очень ей тяжело уѣхать, ни слова не сказавъ отцу.

И это постоянно мучило Олю.

Съ экзамена Оля домой шла одна — тамъ гора есть и на горѣ древняя церковь — первая на Руси — Ильинская — подымалась она въ гору, а сама думала и думала.

Ужъ скоро послѣдній экзаменъ, поѣдетъ она въ Ватагино и тамъ до осени, а въ августѣ опять въ Покидошъ за аттестатомъ, а съ аттестатомъ — и ужъ для нея все очень ясно — не домой, а прямо въ Петербургъ.

Только что же она отцу-то скажетъ?

Съ горы навстрѣчу Олѣ спускается старичокъ-странникъ.

И когда поровнялся онъ съ Олей, поднялъ такъ руку, какъ отъ солнца.

— Какъ пройти въ Ильинскую церковь?

— Да вы отъ нея идете! — точно обрадовалась Оля, глядя на старика своими удивленными глазами, — вонъ она, церковь!

А странникъ точно не слышитъ, все смотритъ и руку такъ, какъ отъ солнца.

— Образъ Николы-угодника возьми съ собой въ дорогу.

И пошелъ, не обернувшись, пошелъ своею дорогой — подъ гору.

А Оля стояла на горѣ и смотрѣла въ слѣдъ своими совѣыми удивленными глазами.

«Образъ Николы-угодника возьми съ собой въ дорогу! — повторялись слова.

А ея тяжелая дума, какъ тяжелыя цѣпи — —

И вдругъ ей стало совсѣмъ легко.

Она поняла — и все обернулось къ ней яснымъ лицомъ и увѣренно.

И когда въ Ватагинѣ, въ послѣднюю недѣлю лѣта, наступилъ день — вечеръ — Оля рассказала отцу о странникѣ, какъ встрѣтила на Ильинской горѣ, его слова.

— Николай чудотворецъ, — сказалъ Александръ Павловичъ, — покровитель дѣвицъ! — и перекрестился, — хорошо, поѣзжай, вотъ твоя икона будетъ. Только куда ты ее возьмешь такую большую, пусть она повиситъ пока у меня, моего отца благословеніе. А я тебѣ другую дамъ, поѣду въ Меженинку, тамъ куплю.

И на другой день къ вечеру у Оли была маленькая иконка Николы-угодника.

И ничего Оля не взяла изъ дому, только этотъ образокъ.

И ни слова не сказавъ, поѣхала въ Покидошъ за аттестатомъ.

И получивъ аттестатъ — все какъ думала — не вернулась Оля въ Ватагино, а прямо на вокзалъ — въ Петербургъ.

3.

Въ вагонѣ единственный сосѣдъ Оли понемногу разговорился.

Узнавъ, что Оля только что кончила гимназію, онъ спросилъ, что она дальше думаетъ дѣлать?

— На курсы поступлю! — отвѣтила Оля и сказала про это громко въ первый разъ.

— Обрѣжете свои чудесные волосы, вамъ, вѣдь, лѣтъ шестнадцать?

— Шестнадцать, — весело отвѣтила Оля.

Веселость ли Оли или ужъ просто такой сосѣдъ попался говорунъ, сталъ онъ рассказывать о Петербургѣ: какой это чудесный городъ Гетербургъ, какъ онъ хорошъ въ бѣлыя ночи, и какія такія бѣлыя ночи въ Петербургѣ, но главное почему хорошъ Петербургъ:

— Все можно достать.

Очень было интересно Олѣ.

— А я умѣю гадать, дайте я вамъ погадаю!

Оля протянула руку.

И онъ долго смотрѣлъ на ладонь.

— Три человѣка будутъ для васъ имѣть значеніе.
Олѣ понравилось.

— А что еще, еще скажите!

Онъ опять взялъ ея руку и опять, повернувъ къ себѣ ладонью, пристально разсматривалъ.

И вдругъ поблѣднѣлъ весь и выпустилъ руку.

— Я очень нервный, — сказалъ онъ.

И поднялся.

И тамъ въ коридорѣ сталъ у окна.

А Олѣ чего-то страшно.

Она перешла въ дамское отдѣленіе, открыла окно.

А на волѣ такія мелкія звѣзды —

И мелкія не могли онѣ такъ высоко держаться,
дрожали, срывались, летали —

подъ стукъ колесъ,

стелили звѣздами путь.

4.

Благословенна ты, моя родина, что на твоей землѣ послѣ долгой зимы идетъ весна и свѣтитъ солнце такое сильное и яркое, — кажется, нѣтъ его сильнѣй и ярче и въ самой Африкѣ, гдѣ рождаются черные арапы.

И на этотъ разъ, вѣрная, ты не обманула, и чуть май пришелъ, — вонъ вся земля съ полемъ, лѣсомъ и рѣкой и то море за полемъ лѣсомъ и рѣкой — обѣтованное, откуда, играя, восходитъ солнце, загорѣлись радостнымъ утромъ, озолоченнымъ звѣздной росой, и поднялся неугомонный щебетъ раннихъ птицъ и разливной затрелилъ соловьиный шелкъ, и шелъ, наполняя душу, волнующій вешній шумъ —

сама весенняя пѣла земля, ея каждая травка —
каждый полевой цвѣтскъ.

*

Дорога отъ станціи до Бобровки, старей усадьбы Черкасовыхъ, еще не запыленная и не задернявшаяся,

не искатанная телѣгами, проходила лѣсомъ счастливымъ своей первой зеленью, какъ счастлива показалась весело переговаривающаяся пара, прокатившая въ легкомъ тарантасѣ, запряженномъ сытыми воронями.

Три странницы, присѣвшія въ кустахъ у зацвѣтающей сирени — три сѣдья ночныя птицы, пробужденныя топотомъ коней и утренними, молодыми голосами, подняли головы и, пережевывая сухарики, долго провожали и дѣвушку въ простой соломенной шляпѣ и статнаго черномазаго спутника ея въ алой раздувающейся рубахѣ, которая, мелькая, горѣла —

алое крыло прорѣзающей лѣсъ подстрѣленной птицы.

— Царевичъ съ царевной, подай имъ Богъ счастья! — сказала одна.

— Въ чистомъ полѣ сложить ему голову! — сказала другая.

А третья, слѣпая, самая старшая, сказала:

— Не забудеть судьбу, самъ порѣшится.

И мудрая, всѣ три, подобравъ съ колѣнъ крошки, чтобы птицамъ отдать, подвязали за плечи порыжѣлыя въ странствіи кожаныя сумки, помолились и тронулись въ путь:

одна — на западъ,

другая — на востокъ,

а третья — за солнцемъ, глаза застилаетъ — не видно.

Доля — Невѣста — Весна

Родіонъ, заспанный конюхъ, плетущійся порожнякомъ, вдругъ сообразилъ, что не простыя это странницы — вѣдьмы, стеганулъ лошадь и, запустивъ всю пятерню въ волосы, неизвѣстно къ кому обращаясь, промолвилъ:

— Роптаться не слѣдуетъ.

5.

Время было еще такое раннее и весь домъ Черкасовыхъ со всѣми его обитателями и добромъ, оставшимся отъ запасливыхъ ключницъ, этого ока недреманнаго надъ знатными расточительными дѣдами, погруженъ былъ въ сладкій непробудный сонъ и ничуть не зарился распахнуть дверь съ балкона въ садъ и нисколько не заботился, что солнце высоко взошло надъ Бобровкой и что садъ на зарѣ еще бѣлѣе сталъ.

Одна бѣлоснѣжная собачонка Кушка, наостря чуткое ухо, разгуливала по широкому зеленому двору отъ крыльца до широко распахнутыхъ воротъ и, подобно всѣмъ старымъ, старалась отыскать хозяйскимъ глазомъ непорядокъ:

— и почему Сенька-кривой залѣнился и скотины въ поле не гонить, развѣ не знаетъ?

— и почему свиньи дрыхнуть, когда поросяткамъ самая пора гулять?

— и гдѣ это видано, чтобы индюшата молчали?

Такъ придираясь, спрашивала Кушка, но вотъ и сама она по какимъ-то невѣдомымъ песымъ соображеніямъ, остановилась, покорно присѣла, задравъ заднюю ногу и закрывъ глаза, все забывая на свѣтъ, уткнула мордочку себѣ въ колѣни.

И ужъ ничѣмъ не одобрила такую же раннюю, такую же старую древнюю ключницу Нелиду Максимовну.

Охота пуще неволи — и Нелида Максимовна, озабоченная и суеятаяся, успѣла добрыхъ десятокъ разъ перебѣжать изъ дома во флигель, и, несмотря на свою одышку и на то, что въ клубахъ имѣла чуть ли не сажень, казалось, не только не устала, а какъ бы лѣтъ двадцать съ плечъ своихъ сбросила.

Еще вчера ввечеру, когда молодой Черкасовъ — такъ величали въ Бобровкѣ и далеко по округу чуть не до Ватагина студента Владиміра Михайловича — когда отдавалъ онъ приказаніе сонному конюху Родіону приготовить къ петербургскому поѣзду его любимыхъ лошадей, у Нелиды Максимовны сперло дыханіе въ предчувствіи радостной неожиданности.

Кромѣ того, на вечерней зарѣ пѣтухъ пѣлъ — это къ вѣстямъ.

А когда послѣ ужина, простясь съ матерью, Владиміръ Михайловичъ вмѣсто того, чтобы итти къ себѣ въ кабинетъ, какъ это обыкновенно дѣлалъ съ своего возвращенія въ деревню, вышелъ на балконъ и, окликнувъ проходившую Нелиду Максимовну, попросилъ ее приготовить комнаты для Ольги Александровны Ильменевой, при чемъ, помимо воли своей, улыбнулся, Нелида Максимовна все поняла и даже оробѣла. — потому что очень ужъ все поняла въ точности.

6.

Ильменевы и Черкасовы считались сосѣдями. Говорили когда-то, что отъ Бобровки до Ватагина — имѣнія Ильменевыхъ — рукой подать.

Въ дѣйствительности же рука, которая мѣряла версты, ужъ, конечно, не могла принадлежать прстому смертному землѣмеру, а по крайней мѣрѣ одному изъ богатырей — великановъ, чьи могилы курганами подымались среди широкой, звенящей жаворонкомъ, зеленой гусиной степи.

Въ самомъ дѣлѣ: не считая шестичасового пути по желѣзной дорогѣ, еще на лошадахъ съ полсотни верстъ набиралось, а въ сугробы да въ расторопицу и вся сотня — путь, какъ видно, не малый и рука созсѣмъ не при чемъ.

Но была во всемъ этомъ, пожалуй, и своя правда,

и, когда говорили о сосѣдствѣ Бобровки съ Ватагинымъ ничуть не лгали:

разстояніе скрадывалось тѣми добрыми и пріятельскими отношеніями, какія завязались у стариковъ — Ильменева и Черкасова, — еще когда въ молодости служили оба въ одномъ полку и затѣмъ вмѣстѣ участвовали въ одной и той же кампаніи — воевали съ турками.

А вотъ съ нѣкоторыхъ поръ, лѣтъ такъ двадцать, двадцать пять назадъ, дѣло пошло по другому — разстояніе замѣтно стало увеличиваться, со смертью же старика Черкасова оно выросло въ какой-то сказочный сибирскій путь, запустѣлъ путь и всякая тропа пропала.

И ужъ всѣ попытки возстановить старое, и возстановить его наперекоръ непонятно теряющейся возможности, ровно бы и сама судьба подталкивала, всѣ какъ есть кончались неудачей:

что-то вдругъ поднялось между двумя семьями и упорно не подпускало ихъ близко другъ къ другу.

*

А гдѣ таилась причина?

Почему все такъ вышло?

Толковали разнсе, кто на что, ни полслова путнаго: кто на зайца косога, изъ-за котораго будто бы старикъ Черкасовъ на охотѣ съ Ильменевымъ поспорилъ, кто на старую Черкасову будто бы повздорившую съ Ильменевой еще въ ранней молодости, когда, на какомъ-то балу, танцуя, одна у другой каваера перебила, кто на времена, кто на обстоятельства. И вмѣстѣ съ тѣмъ ясно чувствовалось, что дѣло не въ зайцѣ, не въ танцахъ, не во временахъ, не въ обстоятельствахъ, и что въ сущности никакой видимой причины нѣтъ и не было —

словомъ, рознь безпричинна.

Развѣ такъ уже все съ причиной?

А такъ какъ все, что совершается безпричинно, прежде всего, страшно, то всѣ философы и охотники посудачить вдругъ уперлись лбсмъ въ стѣну, и такъ постарались извернуться, что въ концѣ концовъ оказалось:

никогда и никому не было дѣла ни до Ильменевыхъ, ни до Черкасовыхъ, и если бы въ одинъ прекрасный день обнаружилось, что обѣ семьи уничтожили другъ друга или, наоборотъ, очутились вмѣстѣ въ одномъ домѣ подъ однимъ кровомъ, распивая чай, все равно никому не пришло бы въ голову просто чихнуть отъ неожиданности.

Нелида Максимовна, на глазахъ которой и старики состарились и выросъ Владиміръ Михайловичъ, всей душой сокрушалась и не могла забыть прошлое — хорошее, держа на умѣ-разумѣ печальное — теперешнее.

Не находя причины совершившемуся, валила весь грѣхъ на кошку:

кошка перебѣжала дорогу между Бобровкой и Ватагинымъ!

Была въ Бобровкѣ такая черная кошка Ласка, и вотъ какъ-то вышла Ласка со двора погулять и пропала. А вернувшись, видѣ имѣла провинившійся и все курлыкала, будто жаловалась свей покровительницѣ, что не въ ней тутъ вина, а что послали ее, и, курлыкая, говорила по своему на кошачьемъ своемъ языкѣ, кто тотъ сильный, сильнѣе воли человѣка, звѣря и птицы, кто послалъ ее перебѣжать дорогу между Бобровкой и Ватагинымъ.

Не понимая разговоръ кошкинъ и видя, какъ все вдругъ вразбродъ пошло, Нелида Максимовна тутъ же пообѣщала наказать Ласку, чтобы впредь ей бѣгать повадки не было, но какъ-то такъ все случа-

лось, что откладывала она ученье, и жаль было кошки: очень уж ласковая.

А когда въ одинъ прекрасный день, принявъ твердое рѣшеніе правильный свершить судъ, приготовила она свѣжихъ прутьевъ и такихъ свѣжихъ, что по-голу и по-шерсти хлещутъ больно, умираетъ вдругъ старый Черкасовъ Михаилъ Дмитріевичъ, и въ тотъ же самый день къ вечеру кошки какъ не бывало:

пропала.

— Куда?

— Для чего?

— Опять бѣгать?

— Да, конечно — перебѣгать дорогу и кликать бѣду.

— Спасъ Многомилостивый, Пресвятая Мати Божія, Богородица, чтобы всѣ сыты были, здоровы, счастливы, да чтобы было всякое благополучіе въ домѣ, миръ и тишина, отъ огня упаси, отъ смерти напрасной и отъ худого глаза!

Плакала, молилась отъ желанья, съ теплымъ сердцемъ, убивалась Нелида Максимовна, вспоминая свою любимицу, и пеняла, что за всю любовь — постъ научила постить, въ разговѣнья говядиной лакомила! — тварь ничего ей не выдумала, какъ только мѣшать согласію.

*

Два желанія лелѣяла старая ключница: поженить Владиміра Михайловича съ Ольгой Александровной и помирить его съ сестрой Варей, — глубокія желанія, такъ въ самые корни сердца вросшія, что не повѣрить въ ихъ осуществленіе — умереть легче, да такъ ей и по картамъ выходило, такъ во снѣ видѣлось.

Владиміръ Михайловичъ старше Вари на два года. Въ дѣтствѣ очень дружные, водой не разольешь. И вотъ однажды, играя въ какую-то замысловатую

разбойничью игру, Варя ударила его по лицу. И съ того дня словно что-то откололо брата от сестры: стали другъ для друга совсѣмъ какъ чужіе, и все врозь. Варя пробовала не разъ заговаривать первая, но изъ этого ничего не выходило. Самое большее, былъ онъ вѣжливъ и только.

Чему приписать такое отчужденіе? Злопамятнымъ назвать?

— нѣтъ, этого за нимъ не замѣчалось.

Правда, была у него одна мучительная черта — особенная живость воспоминаній:

вспоминая какое-либо событіе, онъ испытывалъ то самое чувство, какъ если бы событіе совершалось на самомъ дѣлѣ.

Но вѣдь это было такъ давно, когда ударила его Варя!

Нелида Максимовна все дѣлала, чтобы помирить и ничего не сдѣлала.

Въ прошломъ году вдругъ осѣнила ее мысль, что и тутъ не безъ кошки, ея рукъ дѣло. И чтобы окончательно освободиться изъ подъ власти неблагодарной и злой твари, задумала она известить кошку.

Но какъ известить?

Искать — не отыщешь, ловить — да гдѣ же ловить?

Одно средство испытанное и вѣрное, къ которому не прибѣгала она уже много-много лѣтъ, потому что зря — грѣхъ, оставалось въ запасѣ.

Она сдѣлала Ласкину фигурку изъ воска, шерстяной ниткой перевязала фигурку кругомъ крѣпко, перевязывая, на каждомъ узлѣ произносила слова, какія въ этихъ случаяхъ произносить полагалось, потомъ, потомивъ въ путяхъ несчастную, терпѣливо сожгла ее на медленномъ жаркомъ огнѣ.

Помолилась Богу и стала ждать, что будетъ.

Дня не прошло, приходитъ пастухъ Сенька-Кривой съ жалобой на коровницу Аграфену и сообщаетъ новость:

видѣль онъ Ласку, но въ видѣ самомъ невозможномъ — всю изрѣзанную и исколотую — дохлую.
— Слышишь, дохлую! Есть таки правда на бѣломъ свѣтѣ!

Нелида Максимовна только руками всплскивала отъ безмѣрнаго, заливавшего всю ее удовольствія.

А Сенька-Кривой тутъ ей лапки да хвостикъ, да такъ что-то, какой-то комочекъ, въ родѣ мордочки Ласкиной въ доказательство передалъ, не облизнулся.

Пообщала она пастуху полтинникъ, а лапки и хвостикъ въ печкѣ сожгла, — слава Тебѣ, Господи!

И вотъ какъ запѣть соловью да расцвѣсть всѣмъ цвѣтамъ, ѣдетъ Оля въ Бобровку.

Оля — подруга Вари, она выйдетъ замужъ за Владиміра, Оля помирить сестру съ братомъ.

И тогда уже больше ничего не надо, спокойно старая ляжетъ въ могилу.

7.

Прибирая комнаты во флигелѣ и приготавливая все, что надобилось къ встрѣчѣ Оли, Нелида Максимовна представляла себѣ, какъ все устроится по хорошему — честно, хвально, радушно, и дорога между Бобровкой и Ватагинымъ ляжетъ скатертью, какъ попируеть она на свадьбѣ, какъ Оля въ Бобровкѣ жить останется, а потомъ — и это, пожалуй, самое завѣтное — Бобровка огласится дѣтскимъ крикомъ, и ужъ маленькій Черкасовъ будетъ прибѣгать къ ней сказку послушагъ да за медовыми пряниками.

А ужъ что говорить, эти пряники умѣла она такъ вкусно дѣлать, что всякій, кто бы его ни отвѣдалъ, и въ погоду и въ любой часъ, натошакъ или плотно заправившись, все равно, забывалъ отъ удовольствія всѣ слова и русскія и не русскія и одно держалъ въ памяти: рассыпчатый пряникъ-удивительный, что наливчатый яблочекъ, а жизнь разлюли-малина! — либо, удивлен-

ный медовой пріятностью, такъ на всю жизнь, вспоминая его, словно бы застывалъ отъ удивленія.

Вотъ за какимъ пряникомъ прибѣжитъ маленькій кудрявенькій Черкасовъ.

Экипажъ въѣхалъ въ ворота и, рысью прокативъ мимо дома по двору, завернулъ къ флигелю.

Нелида Максимовна бросилась къ окну —

Но ея ноги, не выдержавъ, подкосились, и присѣвъ, она выпустила изъ рукъ полную ладышку съ варенцомъ.

— Мати Еглицкая, Мати Казанская, Мати Астраханская, спаси и сохрани отъ бѣдъ и напасти и помилуй отъ напрасныя смерти, и вы, горы афонскія, отвертите, станьте мнѣ въ помощь!

Шептала растерянно старуха, подбирая съ пола черепки и ужъ не зная, кого укланивать поклонами, словами уговаривать, кого на защиту звать отъ грядущей нечаянности. Отъ дурной? — а дурную предвѣщали мелко-разбитые страшные черепки.

И тряслась вся, какъ тряслась дѣвчонкой, когда, поставленная обмахивать мужъ со стараго барина, зазѣвавшись, задѣвала его темный птичій крючксомъ носъ.

— Спасъ Многомилостивый, Пресвятая Мати Божія, Богородица, только мира хочу я дому и всѣмъ живущимъ въ немъ, только мира!

Съ веселымъ радостнымъ смѣхомъ распахнулись двери и заглушили воркотню древней ключницы.

8.

Несмотря на то, что Ильменевы и Черкасовы были когда-то дружны, дѣти ихъ, учась въ одномъ и томъ же губернскомъ городѣ, въ Покидошѣ, познакомились другъ съ другомъ сами:

съ Варей Оля была въ одномъ классѣ и жили въ одномъ пансіонѣ, а знакомство съ Черкасовымъ произошло уже много позже.

Всякій разъ въ воскресенье, возвращаясь изъ церкви въ пансіонъ, Оля замѣчала высокаго чернаго гимназиста, непременно попадавшагося ей на улицѣ, — гимназистъ продѣлывалъ это такъ:

быстро обогнавъ Олю, возвращался медленно назадъ ей навстрѣчу.

Такія встрѣчи продолжались двѣ зимы.

Двоюродный братъ Оли, Саша Краснопольскій, участвовалъ на маевкѣ, устроенной ихъ классомъ по случаю окончанія гимназіи, и послѣ рассказывалъ Олѣ, что одинъ гимназистъ сказалъ ему:

«Я и тебя люблю и твою сестру люблю, она такая славная!»

Этотъ гимназистъ и былъ тотъ самый черненькій встрѣчавшій Олю по воскресеньямъ — Владиміръ Черкасовъ.

Какъ-то вскорѣ Оля зашла къ своей гимназической подругѣ Катѣ Козловской: обѣ переходили въ пятый классъ и вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ. Провожая Олю, Катя заговорила укалитки — Катя уже влюблялась и охотница была посудачить, зная всѣхъ наперечетъ, и гимназистовъ и студентовъ, и офицеровъ.

Былъ свѣтлый, тихій день, тихій теплый вѣтеръ нѣжно ласкалъ лицо и, ластясь, игралъ въ волосахъ.

Оля пропускала мимо ушей болтовню Кати —

тотъ странный голосъ, какой можетъ быть, только ей и слышался по веснамъ, вдругъ зазвучалъ гдѣ-то очень близко: не то кто-то кликалъ, какъ кличутъ издалѣка на полѣ, не то кто-то пѣлъ, какъ поютъ безъ словъ, протяжно съ захватомъ, и нечеловѣческій это былъ голосъ, становилось грустно и всю подымало — итти куда-то хотѣлось, безъ дороги, безъ цѣли, только бы итти.

И вотъ мимо прошелъ тотъ черненькій высокій гимназистъ.

— Это, знаешь, — сказала Катя, — Владиміръ Михайловичъ Черкасовъ, на рѣдкость красивый!

А Олѣ стало пріятно, что она — с и м п а т і я этого «на рѣдкость красиваго» гимназиста, и никто объ этомъ не знаетъ, только она одна.

Легко и весело шла Оля домой въ своемъ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ, шалунъ вѣтеръ расплеталъ ея тяжелую свѣтло-русую косу, и тотъ голосъ звучалъ ей такъ близко — весенній.

Молчаливыя таинственныя встрѣчи по воскресеньямъ прекратились.

Но Олѣ вспоминался черненькій гимназистъ.

«Вотъ въ Петербургѣ, — а Петербургъ казался ей чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то сказочнымъ Ирѣмъ, страной вѣчной весны, — тамъ, въ этомъ Петербургѣ живетъ студентъ, который думаетъ обо мнѣ больше, чѣмъ даже мама».

Только на слѣдующую весну Оля встрѣтила Черкасова. Она шла къ подругѣ въ гости и на мосту увидѣла его:

онъ посмотрѣлъ на нее и словно улыбнулся — такъ всегда онъ будто улыбался, когда глядѣлъ пристально и особенно.

Онъ показался ей почернѣвшимъ, и она подумала: «Это тамъ въ Петербургѣ, должно быть, чернѣютъ».

На Святки съѣхавшіеся студенты устроили вечеринку. На вечеринкѣ двоюродный братъ Саша Краснопольскій представилъ Олѣ Черкасова.

Такъ состоялось знакомство.

И хотя въ этотъ вечеръ не было произнесено между ними ни одного слова, — Оля нарядная, въ голубой кофточкѣ, все время танцевала, Черкасовъ совсѣмъ не танцевалъ, — съ этого вечера началось ихъ сближеніе.

Весной, когда снова пріѣхали въ Покидошъ студенты, началось катанье на лодкахъ.

Всякій разъ, если участвовала Оля, появлялся Черкасовъ.

Послѣ катанья онъ провожалъ ее домой.

Онъ былъ старше ея на цѣлыхъ пять лѣтъ, а робѣлъ передъ ней, какъ школьникъ, и сначала стѣснялся заходить за ней, приглашая черезъ кого-нибудь изъ своихъ товарищей, и только потомъ сталъ заходить самъ.

Обыкновенно дорогой заводился разговоръ о Петербургѣ.

— Вотъ вы скоро кончите гимназію, что же вы будете дѣлать?

— Поѣду въ Петербургъ на курсы.

Черкасовъ одобрилъ рѣшеніе Оли ѣхать на курсы и сталъ давать ей книги, а потомъ разспрашивалъ, что ей понравилось.

Отъ Тургенева и Толстого Оля была въ восторгѣ, а книги по аграрному вопросу едва дочитала, скучно.

Подруги Оли, — и Катя Козловская, и Лида Оленина, и Маруся Ивановичъ, и Лиза Милорадовичъ, всѣ были влюблены въ Черкасова, и прожужжали ей уши:

— какой онъ красивый!

Однажды, причавивъ къ берегу, Оля съ Катей вышли, Черкасовъ ставилъ лодку: въ бѣломъ кителѣ, высокій, высоко запрокидывая голову, держался онъ «живописно».

Оля, невольно заглядѣвшись на него, подумала:

«А и вправду, какой онъ красивый, а руки маленькія, совсѣмъ какъ у меня, только смуглыя».

— А посмотри, Оля какіе у него глаза, — сказала Катя, — такихъ большихъ и темныхъ ни у кого нѣтъ.

Кромѣ катанья на лодкахъ, устраивали прогулки въ общественный садъ.

Всякій разъ, если участвовала Оля, появлялся Черкасовъ.

Онъ блѣднѣлъ при ея встрѣчѣ, каждый ея взглядъ, каждый шагъ, каждое слово получали для

него значеніе. Онъ не могъ этого скрывать, всѣ знали.

И для Марьи Петровны, подъ глазомъ которой жила Оля въ Покидошѣ, нашлось не мало разговоровъ: гостя въ Ватагинѣ, она рассказывала старой Ильмене-вой, какъ Оля соловьевъ ходила слушать, —

— и не съ подругами, а съ своимъ соловьемъ, но что это ничего — партія хорошая.

Когда кончились экзамены и Оля уѣхала въ деревню, началась переписка.

Въ первомъ же письмѣ Черкасовъ рассказывалъ Олѣ свою исторію.

Онъ давно знаетъ Олю: когда въ первый разъ онъ увидѣлъ ее въ гимназической церкви, — она была совсѣмъ-совсѣмъ дѣвочкой — въ сердцѣ его что то вздрогнуло, и дѣло его жизни было сдѣлано. Она ему страшно понравилась. И съ тѣхъ поръ онъ слѣдилъ за ней, онъ постоянно отыскивалъ мѣста, гдѣ могъ увидѣть ее. Во время экзаменовъ онъ, бывало, на бульварѣ поджидалъ ее и, когда она проходила, ему хотѣлось всякій разъ встать со скамейки и сказать зазубренную приготовленную фразу: простите меня, я такъ хочу съ вами познакомиться, а не знаю, какъ это сдѣлать. И вечеринку онъ тогда на Рождествѣ для нея устроилъ, чтобы только познакомиться. Что ему въ ней понравилось? Все. Глаза въ особенности: за чистоту, за невинность, еще за что-то, чего онъ передать не можетъ.

Оля, получивъ первое письмо, между прочимъ, подумала:

«а вотъ всѣ и дома и тетка говорили, что у меня глаза сѣрые и некрасивые, и чтобы чаще я закрывала ихъ!»

Переписка продолжалась бесъ годъ.

Оля писала рѣдко. Она ждала его писемъ. Въ весь интересъ заключался для нея въ Петербургской жизни.

У Оли было одно желаніе — скорѣе кончить гимназію и начать самой эту заманчивую жизнь въ Петербургѣ, —

гдѣ все настоящее, и люди, всякіе кружки, все.

А то послѣднюю зиму Оля попала въ одинъ гимназическій кружокъ, и ей тамъ очень не понравилось.

На первомъ собраніи въ этомъ кружкѣ предложенъ былъ вопросъ:

«есть Богъ или нѣтъ?»

Гимназисты отрицали, а Оля и другія гимназистки, говорили, что Богъ есть.

Тутъ Веригинъ-восьмиклассникъ вдругъ заявилъ, что вопросъ рѣшенъ:

— Бога нѣтъ по большинству голосовъ.

Оля возмутилась: большинства вовсе не было.

Но Веригинъ ничего не хотѣлъ знать, тѣмъ и кончилось: никакого Бога нѣтъ.

Предложили другой вопросъ:

«можно ли носить корсетъ и танцовать?»

И опять по такому же большинству голосовъ рѣшили:

«и носить корсетъ и танцовать безнравственно.»

Получивъ аттестатъ и золотую медаль, Оля поѣхала въ Петербургъ и поступила на Бестужевскіе курсы.

Въ Петербургѣ вскорѣ встрѣтилась съ Черкасовымъ.

Онъ для нея все исполнялъ, о чемъ бы она ни просила.

А она относилась къ нему просто и легко, не понимая того чувства, какое съ каждой встрѣчей вросло ему въ сердце все глубже и заполняло его душу все сильнѣе.

Оля еще никого не любила и не представляла себѣ эту любовь, когда другой, забывая себя и все кругомъ, и время и мѣсто, видитъ въ тебѣ и только въ тебѣ весь міръ, все.

9.

Какое счастье для Черкасова, что Оля на его землѣ, въ ихъ домѣ, — вотъ сейчасъ сидитъ она и пьетъ чай, вотъ она смотритъ на него —

да оттого и все такъ хорошо и счастливо!

И неужели такія богатыя комнаты въ этомъ маленькомъ флигелѣ? — онъ ничего до сихъ поръ не замѣчалъ!

Да онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, онъ видитъ ее и слышитъ ее.

Черкасовъ вышелъ изъ флигеля, — и какъ сталъ, такъ и остался стоять, и даже не почувствовалъ, что, забывъ пригнуться, ударился больно головой о дверную притолоку.

Онъ просто не вѣритъ себѣ, что она здѣсь.

А что бы было, если бы онъ опоздалъ къ поѣзду? Въдъ одна-то она безъ него не пріѣхала бы! Это онъ отыскалъ ее въ вагонѣ и уговорилъ, — она хотѣла прямо въ Ватагино.

Но когда-то-нибудь — онъ вѣритъ — она и сама пріѣдетъ, такъ сразу, неожиданно...

Какой онъ счастливый!

— Владиміръ Михайловичъ, вы не разучились свистать?

Оля переодѣлась, она была въ розовой легкой кофточкѣ и выглядѣла совсѣмъ какъ тогда, въ Покидошѣ, весной у калитки.

— —

— Онъ у насъ соловей, — вернула Нелида Максимовна, хлопотавшая пуще прежняго.

Оля пришлась ей по душѣ — рослая, румяная, чернобровая — такую именно прочила она въ жены Черкасову: подъ ладъ и подъ стать ему.

Одно смущало старуху: волосы у Оли были коротки, ровно бы подстриженные.

— Хотите изъ Фауста? — Черкасовъ готовъ былъ

просвистать все, что угодно, и даже такое, что никакому не поддавалось высвисту.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше изъ Демона! Помните, какъ мы въ Маріинскомъ театрѣ? вы, я и Зина.

Когда отошли отъ дома и повернули въ поле, Оля принялась рассказывать о послѣднихъ Петербургскихъ событіяхъ —

объ арестахъ.

Все это было вновь для Оли и такъ важно.

И она уже не смѣялась, какъ смѣялась дорогой, глядя на лѣсъ, о которомъ много и часто вспоминала за зиму въ Петербургѣ со свсей подругой, тоже курсисткой, Зиной Рашевской.

10.

Призывомъ къ столу на завтракъ и обѣдъ служилъ въ Бобровкѣ не колоколь, какъ это водилось встарь, а истощный голосъ, выпускаемый изъ сложенныхъ сердечкомъ сдобныхъ губъ Нелиды Максимовны, приподнимающей всякій разъ неестественно высоко на цыпочки.

И звукъ выходилъ такой пронзительный, что вся, какая ни на есть домашняя птица, отъ гуся до курицы, шарахалась, кто куда, какъ отъ подтишковой собачонки Сокола, либо отъ лягаваго Буяна, который въ жаркіе дни злой гонялся за птицей, полагая, должно быть — что птицы и блохи — одно и тоже.

На этотъ разъ, когда пришло время, Нелида Максимовна, желая щегольнуть передъ гостей, пустила во всю голову такую свиную трель, что даже самъ стервятникъ, затѣявшій было полакомиться индюшонкомъ, повернулъ куда-то къ желѣзнодорожной станціи и съ досады выругавшись, должно быть, крѣпко, по стервятски, намѣтилъ пышную шляпку какой-то красавицы, томно прогуливающейся въ ожиданіи поѣзда тамъ — у желтыхъ вокзальныхъ отдѣленій.

Но ни на окрикъ Нелиды Максимовны, ни на стервятскую ругань, протянувшуюся бѣлой пуховой тучкой, впрочемъ, тутъ же и растаявшей, никто, кажется, не обратилъ никакого вниманія, развѣ однѣ тѣ сѣрыя птички, zobатыя даровымъ зерномъ залежавшихся хлѣбныхъ грузовъ, воробушки, ремезя и чирикая по шпаламъ, вдругъ взлетѣли подъ крышу вокзала и, образовавъ что-то въ родѣ не то герба, не то вензеля, притворились элеткрическими лампочками.

По прежнему небо нѣжилось въ своей сини такое синее, что глубже представить мудрено, а солнце, задержавшись подъ старымъ прудомъ, въ которомъ водились когда-то благородныя стерляди, а сомы усатые и до сихъ поръ въ илѣ живутъ, и, какъ быть бѣдѣ, снятся садовнику Григорію, майское солнце припекало жарко, творя силой своей чортъ знаетъ что.

Федоръ Фалалеичъ — бывший земскій начальникъ, проживавшій въ Бобровкѣ въ качествѣ родственника, челоѣкъ степенный и всѣми уважаемый, которому при прощаніи мужики поднесли икону да золотой жетонъ, всурьезъвообразивъ себя великой подводной лягушкой, усѣлся на плотикъ, и, важно поглаживая длинными тонкими пальцами свои сѣденькія бачки —

заквакалъ самой обыкновенной лягушкой.

А на другомъ концѣ пруда, гдѣ вербы, Куземка, Артюшка и Купряшка да дѣвчонка Евгенька и Васютка, скинувъ съ себя рубашенки, превратились въ арапчатъ и, сущіе чертенята, съ визгомъ и крикомъ лѣзли другъ на друга —

чтобы другъ друга безъ остатку поѣсть.

Такъ все переиначивалось и перемѣшивалось, да и мыслимо ли было ожидать другого въ такой веселый полдень.

Битый часъ истекъ съ призыва, а въ столовой все летали мухи, и наѣдаясь до отвалу, сонныя садились на старыя картины —

на лошадей и дамъ въ голубомъ, прогуливающихся съ кавалерами у закрытаго зеленью замка,

на этихъ пестрыхъ птицъ и морскихъ рыбъ, отъ которыхъ вѣяло моремъ.

Только когда бѣлоснѣжная Кушка, успѣвшая хорошо всхрапнуть на солнышкѣ, поднялась съ мягкой травы и, ступая бережно на свои деликатныя лапки, довольная, что поспѣетъ въ самый разъ, а закусить ей вообще не мѣшало, привѣтливо кланяясь всему живому полдню, направилась къ крыльцу —

двери въ столовую широко раскрылись.

*

Елена Степановна Черкасова, несмотря на то, что была женщина и старая, и маленькая, и хрупкая, и занимала такъ мало мѣста, какой-то внутренней силой своей, не поведя пальцемъ, все тронула, а подъ живыми глазами ея все сразу ожило и зашумѣло, и съ блюда, давно остывшаго, ей Богу, повалилъ густой, вкусный паръ.

Слѣдомъ за Еленой Степановной, прихрамывая, смѣнилъ Федоръ Фалелеичъ въ свей парадансй визиткѣ, надушенный тѣми духами, какими онъ душился въ царскіе дни, въ именины, да всякій разъ, когда собирался сниматься.

Оля вошла ужъ снова съ тѣмъ молодымъ заразительнымъ хохотомъ, отъ котораго просто, не зная причины, самому хочется смѣяться.

За Олей Владиміръ Михайловичъ.

Послѣдней явилась Варя, такая же смуглая и тонкая, какъ братъ, но въ движеніяхъ своихъ напоминающая того измученнаго, у котораго ноги подкашиваются, а стоять и двигаться все-таки почему-то надо.

«И къ чему и зачѣмъ, чего имъ нужно?»

Не жужжали, а бормотали бормотныя недовольныя мухи, переплошившіяся отъ шарканья стульевъ и шмы-

ганья шаговъ вошедшихъ людей, которые послѣ всякихъ привѣтствій, усѣвшись за столъ — мухамъ мѣшали.

Пахомычъ и Терентій — старые слуги, выдавшие на своемъ вѣку не мало видовъ, отъ которыхъ человѣку по гробъ жизни не отдѣлаться, держались до крайности надменно, наводя выправкою своею подобающую всѣмъ хорошимъ домамъ чинность, невольно передающуюся и предметамъ, какъ одушевленнымъ, такъ и неодушевленнымъ.

Пробравшаяся было въ передую бѣлоснѣжная Кушка, почуявъ грозу, повернула назадъ на крыльцо и, зайдя съ чернаго хода, сунулась въ кухню и благополучно обошла главного повара Лаврентія Мокеича, который готовилъ какое-то такое изъ ряда вонъ замысловатое блюдо, что, самъ уже не вѣря, что такая штука возможна —

выбѣгаль поминутно провѣтриться.

Тутъ съ поджатымъ хвостомъ, получивъ хорошаго пинка отъ полповара Кондратія, не выпускавшаго изо рта папироску и сѣявшаго поварскую брань на поваренка Асташку, какъ пепель въ кушанье, прошмыгнула Кушка какъ-то очень ужъ быстро черезъ хозяйскую по коридору, да по лѣстницѣ прямо въ комнату Вари —

чтобы терпѣливо ждать благопріятнаго случая попасть къ вкусному завтраку.

15

Такъ повелось: когда за столомъ появлялся постронній, время шло путанно, шумно и говорливо.

Никого не слушая и никому рта не давая раскрыть, говорила Елена Степановна.

И оттого, что глаза ея бѣгали такъ беспокойно живо, вся она подпрыгивала на стулѣ, какъ на конѣ, вилка въ ея цѣпкихъ рукахъ, тоже прыгая, сверкала

иглой, а слова ея, вылетавшія удивительно быстро, трынкой тренькали.

Елена Степановна устремила на Олю и закидывала ее вопросами о Петербургѣ, о тѣхъ общихъ знатныхъ друзьяхъ, имѣя къ которымъ доступъ, Оля, однако, никогда не заходила, о Владимірѣ Соловьевѣ — другѣ ея покойнаго мужа, о которомъ Оля хоть и слышала, но ни строчки не читала, и о многомъ другомъ, что Олю вовсе не интересуеъ.

Но Еленѣ Степановнѣ въ сущности до всего этого не было никакого дѣла и, продолжая спрашивать, она вспоминала свою веселую и блестящую петербургскую жизнь, когда покойный мужъ ея на парадахъ и балахъ былъ такъ великолѣпенъ и такъ неотразимъ, что всѣ дамы при встрѣчѣ съ нимъ падали въ обморокъ.

— Падали въ обморокъ, — выговаривала Елена Степановна, сама какъ будто удивившаяся такому обстоятельству, но тотчасъ же увѣровала и понеслась дальше.

Вспоминанія о мужѣ у Елены Степановны не только не остывали, а съ каждымъ годомъ становились все ярче, и съ каждымъ годомъ въ памяти всплывали на свѣтъ Божій все новыя и такія неожиданныя подробности, отъ которыхъ — встань изъ гроба покойный — и самъ либо уши развѣсилъ бы, либо принялся бѣ открещиваться.

Но такова ужъ любовь — большая сказочница.

Упомянувъ о балахъ и парадахъ, Елена Степановна вспомнила всѣ петербургскія интриги, изъ-за которыхъ старикъ Черкасовъ вынужденъ былъ выйти въ отставку, и они ужъ навсегда поселились въ Бобровкѣ, и наступили дни какого-то сплошного счастья, никогда не измѣнявшаго имъ, счастливейшимъ въ свѣтѣ.

А упомянувъ о свсемъ прошломъ счастьѣ, чѣмъ обычно заключались воспоминанія, Елена Степановна впервые остановила глаза на Олѣ и, склользя по ея подстриженнымъ волнистымъ волосамъ едва прик-

рывавшимъ шею, такъ подпрыгнула вмѣстѣ со своей тарелкой, что бѣдный Федоръ Фалалейчъ, приноровившійся къ цыплячему крылышку, чтобы обглодать его повкуснѣе, отъ такой внезапности захотѣлъ проглотить крылышко —

и, не ахнувъ, подавился.

Впрочемъ, печальное происшествіе скоро было улажено съ помощью Лаврентія Мокеича, знавшаго какую-то такую точку гдѣ-то на спинѣ, подъ лопаткой, по которой, если хватить покрѣпче кулакомъ, то непроходящій предметъ — кость или косточка — немедленно выскакивали или, что бывало не такъ ужъ часто: проскочить куда-то въ самую глубь потроховъ — и званія не останется.

А такъ какъ подобныя недоразумѣнія случались сплошь да рядомъ, то работа повара не вызывала ни малѣйшаго замѣшательства.

Пахомычъ и Терентій служили такъ же важно, да пожалуй поважнѣе, потому что въ разсказахъ Елены Степановны мелькали все важныя особы, а время проносилось богатое, не такіе пустяки, и завидное.

«Не дождешься, знать, такого, — думали себѣ и Пахомычъ и Терентій, — развѣ что, если дастъ Богъ на томъ свѣтѣ служить назначать».

Елена Степановна настойчива, не могла успокоиться, не узнавъ всю подноготную — что разъ выговорено, на томъ и упрется, такой складъ, — да и не могла она представить себѣ,

что бы сказалъ покойный Михаилъ Дмитриевичъ, увидя Олю безъ ея тяжелой, свѣтло-русой косы?

Вступился Владиміръ Михайловичъ, взявшійся передать всю возмутительную, какъ онъ выразился, исторію съ косой.

*

Когда Оля пріѣхала въ Петербургъ, у нея осталось двѣнадцать рублей — всего-то было тридцать, да

восемнадцать на дорогу пошли. Первое время она не объдала — одинъ филипповскій пирожокъ — вотъ и все.

Писать домой останавливала мысль о возможномъ отказѣ, и притомъ всякое обращеніе къ роднымъ было бы съ ея стороны нѣкоторой сдачей; она твердо опредѣлила: разъ поступивъ противъ, не побоявшись тѣхъ страховъ, какими ее пугали дома, стоять до конца.

Курсистка Финикова, на которую Оля смотрѣла, какъ на образецъ, — Финикова носила синюю ситцевую кофточку съ горошкомъ и никакихъ украшеній, — она и надоумила Олю:

«Обрѣжь косу и деньги получишь!».

И пошли въ парикмахерскую на 7-ю линію.

«Я хочу обрѣзать волосы», — сказала Оля.

«Ну что вы, такіе прекрасные волосы. Это невозможно!»

«Все равно, у нея лѣзутъ».

«Я дамъ вамъ лекарство, и перестанутъ».

«Нѣтъ, я хочу обрѣзать», — по своему сказала Оля.

«Ну, на меня тогда не пеняйте!».

«А за сколько вы купите мою косу?» — спросила Оля, когда ужъ обрѣзали косы.

«Двадцать пять рублей».

«Какъ много!» — подумала Оля.

Изъ парикмахерской Оля пошла разыскивать Черкасова; она узнала его адресъ, но все не могла собраться: вѣдь столько было хлопотъ — и съ комнатою и съ Курсами.

Черкасовъ жилъ на Звѣринской, — это совсѣмъ не далеко.

И все-таки досадно: его не было дома, пошелъ объдать. Оля рѣшила дожидаться.

На кровати лежала брошенная студенческая ту-журка. Оля надѣла тужурку.

А тутъ и Черкасовъ вернулся.

Очень обрадовался:

«Какой у меня хорошій студентъ сидитъ!»

Оля рассказала о косѣ, но тогда онъ едва ли что слышалъ, — такъ онъ обрадовался Олѣ.

*

— Коса была рѣдкой величины, — горячился Черкасовъ, какъ будто дѣло шло о чемъ-то гораздо болѣе важномъ, о какомъ-то оскорбленіи, нанесенномъ Олѣ, — да о такой косѣ въ пѣсняхъ поется. А эти несчастные, этотъ парикмахеръ, безъ всякихъ, не снявъ даже ленты съ косы, подъ корень ее обрѣзаль. И это изъ-за какихъ-то двадцати пяти рублей!

— Да всѣ ваши Курсы одного волоска не стоятъ! — подскочила Елена Степановна, воспомянувшаяся быстрѣе всякаго трута.

— Я себѣ этого никогда не прошу, я долженъ быть отыскать васъ, и какъ вамъ не грѣхъ: знали мой адресъ, общали извѣстить...

Посмотрѣвъ съ упрекомъ на Олю, Черкасовъ бросилъ салфетку и всталъ изъ за стола.

Елена Степановна, дрожащая надъ сыномъ, какъ надъ покойнымъ своимъ мужемъ, — сходство и въ лицѣ и въ манерахъ было поразительное, — принялась его успокаивать.

— У Оли такіе чудесные волосы, повѣрь, на будущее лѣто выростетъ еще длиннѣе коса. Я слышала, въ извѣстномъ возрастѣ стричься прямо-таки необходимо, доктора говорить.

— Нѣтъ, я понимаю, не писать роднымъ...

— Конечно, выростутъ еще длиннѣе, — говорила Елена Степановна, — по поясъ выростутъ.

— Даже ленты не сняли! — не успокаивался Черкасовъ, расхаживая такими шагами, что вся посуда звенѣла.

— Да перестаньте же, Владиміръ Михайловичъ! Оля, вспыхнувъ, ударила по столу.

Черкасовъ поднялъ упавшую салфетку и вдругъ сѣлъ.

Глаза его налились, темные, теперь слегка рыжеватые от заблиставшей въ нихъ мысли:

онъ ужъ ни на минутку не оставитъ Олю, будетъ слѣдить за кажды́мъ ея движеніемъ, за кажды́мъ ея шагомъ, будетъ ей домомъ, братомъ, матерью.

— Я давно хочу васъ спросить, Ольга Александровна, — воспользовавшись наступившимъ успокоеніемъ, церемонно привставъ, обратился къ Олѣ совершенно оправившійся Федоръ Фалалейчъ, — и прошу великодушно простить за мой нескромный вопросъ. Вы, какъ петербургская жительница, находясь такъ сказать, у самыхъ истоковъ событій, освѣдомлены: правду это говорятъ, что Средиземнаго моря больше не существуетъ?

Вопросъ былъ такъ крутъ, что Оля, высоко поднявъ свои черныя брови, на минуту смѣшалась, но, припомнивъ рассказы Вари о чудакѣ-дядюшкѣ и о тѣхъ чудачествахъ его, надъ которыми еще когда-то въ пансіонѣ вмѣстѣ потѣшались, она лукаво, перемигнувшись съ Варей, весело сказала:

— Нѣтъ, неправда, пока еще существуетъ.

— Скажите! — покачалъ головой Федоръ Фалалейчъ.

И, поднявъ палецъ, укоризненно погрозилъ промелькнувшему въ дверяхъ Лаврентію Мокеичу, пришедшему посмотрѣть на господъ:

какъ они эту самую штуку его ѣсть будутъ, которую онъ все-таки, несмотря на всѣ свои сомнѣнія, состряпалъ, и такъ ловко — всѣ пальчики оближешь.

Оля, больше не выдержавъ, такъ расхохоталась, что даже Варя, не проронившая ни слова, заразилась ея весельемъ, а бѣлоснѣжная Кушка, воспользовавшись случаемъ, не теряя минуты, появилась въ столовой.

Только одинъ Черкасовъ нахмурился.

— Теперь пойдутъ глупости, — пробормоталъ онъ недовольно.

— А что жъ тотъ хитрецъ, — Федоръ Фалалеичъ даже прищурился отъ удовольствія, — тотъ, который носился съ проектомъ соединить Волгу съ Днѣпромъ — за три рубля?

Но тутъ судьба повернула немилосердно: выступила совсѣмъ ужъ неожиданно Елена Степановна, вспомнившая объ управляющемъ, который долженъ былъ давно вернуться изъ города и привезти справку изъ суда о спорныхъ покосахъ — запутанномъ дѣлѣ, начатомъ еще при покойномъ Черкасовѣ.

А управляющій, какъ оказалось — это была настоящая исторія — вовсе и не думалъ ѣздить, ссылаясь на погоду —

которая должна была, по его соображеніямъ, перемѣниться и неремѣнно къ худшему.

Елена Степановна вспылила и первая поднялась изъ-за стола.

Да и всѣмъ ничего другого не оставалось, какъ тоже встать: послѣднее хитрое блюдо Лаврентія Мокеича было съѣдено, чашки допиты, да и солнце, перейдя отъ пруда ко двору, зажгло такимъ нестерпимымъ жаромъ всю столовую, что сидѣть больше стало не въ мочь.

12.

Федоръ Фалалеичъ, страннымъ образомъ происходившій отъ тѣхъ Обровъ, отъ которыхъ давнымъ давно не осталось ни одного Обрина, о чемъ, впрочемъ, считалъ онъ своимъ долгомъ заявлять въ первую же голову при знакомствѣ, присталъ къ Олѣ показать ей нѣчто такое, что ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ, ни даже на южномъ полюсѣ она не встрѣтитъ.

— Лилипутовъ? — попробовала догадаться Оля.

— Не лилипутовъ, а гордость Бобровки — ученаго журавля!

Но пока очередь дошла до журавля, Федоръ Фалалеичъ извелъ Олю не столько своими коллекціями стариннаго оружія и собраніями всевозможныхъ грамотъ и медалей, сколько своими разсужденіями по поводу предметовъ, совсѣмъ не относящихся ни къ оружію, ни къ медалямъ.

И самый заядлый философъ, ну хоть Бердяевъ, проводящій дни свои въ разсужденіяхъ, позабавлялся искусству вить доказательства по преимуществу — о т ъ п р о т и в н а г о .

Наконецъ, выступилъ знаменитый журавль.

Это былъ самый обыкновенный и притомъ замороженный журавль, не внушающій къ себѣ никакого довѣрія, если бы не чудесное свойство, какимъ журавль славился:

по неисповѣдимымъ законамъ, вопреки всякому здравому смыслу, проглотивъ пустой стаканъ, журавль оставлялъ вмѣстѣ съ отбросами цѣлыхъ два стакана, и притомъ удивительно схожихъ между собой и по толщинѣ стекла и по размѣру.

Насколько это была правда, не провѣряли, да и провѣрить было бы мудрено.

Но самъ Федоръ Фалалеичъ, въ головахъ котораго спалъ журавль, клялся и божился, что это была самая настоящая правда и въ доказательство сомнѣвающимся показывалъ два небольшихъ хрустальныхъ стаканчика, точь-въ-точь какіе подавались къ столу — но будто бы вышедшихъ изъ самого журавля!

И хотя Нелида Максимовна не досчитывалась въ буфетѣ какъ разъ двухъ, но эти два, какъ ей помнится, были ею же собственноручно разбиты еще въ день рожденія Владиміра Михайловича и, стало быть, винить во лжи Федора Фалалеича, она, единственная свидѣтельница, не имѣла никакого права —

а стало быть, показываемые стаканчики были подлинно журавлиные.

Въ мужскомъ обществѣ, гдѣ всѣ до одного, подымая на смѣхъ Федора Фалалеича, совѣтовали ему, не медля, открыть стеклянный заводъ, онъ выражался просто и коротко, въ дамскомъ же обществѣ, гдѣ безъ всякихъ увѣреній склонны были повѣрить въ журавлиные стаканы, витіеваго и безтолково.

Такъ и теперь, вертя передъ Олей стаканчики, онъ пространно объяснял ей суть ихъ происхожденія и, теряя надежду, что она хоть мало-мальски сообразитъ, готовъ былъ сказать по просту.

Поспѣвшая во-время Варя увела Олю къ себѣ на верхъ.

*

Оля любила Варю за молчаливость и скрытность — такая она была и въ гимназіи и въ пансіонѣ.

И Олѣ пріятно было посидѣть въ тихой свѣтлой комнатѣ съ балкономъ въ бѣлый садъ, вспомнить изъ недавней гимназической жизни такое легкое, хоть пережитое и не всегда легко, но что вспоминается просто и весело.

— И всегда вы, Варя, такая печальная, — сказала Оля, обнимая Варю,

— Вотъ посмотрите, Оля, — Варя раскрыла альбомъ, — это когда Владиміру было девять мѣсяцевъ — съ кормилицей снятъ, а это гимназистомъ пригостишкой, а это въ пятомъ классѣ, а это, когда кончалъ...

— Черненькій гимназистикъ!

— А это горнякомъ... только послѣдней его нѣтъ, университетской.

— Хотите, Варя, я вамъ достану! — и, глядя ей въ глаза, Оля поцѣловала ихъ, влажные отъ слезъ.

— А тамъ, — съ усиленіемъ сказала Варя, — на столѣ наша гимназическая группа.

Оля поднялась, взяла карточку и стала разсматривать.

Припомнилась гимназія и всѣ страхи и уловки, связанные съ ней. И хотя прошелъ всего-на-всего годъ, а казалось, все это было въ незапамятныя допотопныя времена.

Въ группѣ сняты были однѣ гимназистки и ни одного учителя, ни классныхъ дамъ, ни начальницы, — Оля настояла, чтобы никого не приглашали и ужъ, конечно, Индюшку, — подъ такимъ прозвищемъ ходила начальница.

— Помните, Оля, какъ передъ обѣдной Индюшка говорила намъ, чтобы мы клали по шести поклоновъ, а гимназисты по три: «потому что женщина должна быть вдвое религіознѣй!»

— Еще бы!

И Оля представила Индюшку, говорящей на актѣ напутственное слово окончившимъ гимназисткамъ:

— «желаю, чтобы вы вели себя такъ, чтобы никто ничего дурного про васъ не сказалъ, нѣтъ, чтобы ни дурного, ни хорошего, чтобы о васъ ничего не говорили!»

— Я ее передъ отъѣздомъ разъ видѣла. Гляжу, идетъ навстрѣчу. Я скорѣе на другую сторону.

— А вотъ и вы! — Оля нашла въ группѣ Варю, — ну, совсѣмъ арапченокъ.

— Учитель географіи, Яковъ Степановичъ, называлъ меня половчанкой, помните?

— Конечно, половчанка! — Вы стали еще смуглѣе, Варя.

— Когда мы еще маленькія были, папа намъ рассказывалъ, будто мы происходимъ отъ какого-то хана, а наша Бобровка — станъ, а рѣчка — рѣка Каялъ; папа любилъ сочинять родословныя. Сядетъ, бывало, съ Федоромъ Фалаленчемъ въ диванной, курятъ и выдумываютъ. А мы всему вѣрили. Мы играли въ набѣги — у насъ много было верблюдовъ и коней, мы грабили золото и серебро, мы пѣли дикія пѣсни, мы

плясали у черныхъ шатровъ, одинъ разъ мы задумали перекочевать въ степи...

— Ольга Александровна, я васъ жду! — окликнулъ съ лѣстницы Черкасовъ.

Оля общала ему пройти посмотрѣть библіотеку въ старомъ Охотничьемъ домикѣ и совсѣмъ забыла.

— Ну и что же дальше? — шопотомъ спросила Оля, погрозивъ Варѣ, чтобы та не шелохнулась.

Черкасовъ снова окликнулъ, и въ голосъ его прозвучало раздраженіе.

А онѣ, непохожія, черная и бѣлая, одна съ желанной улыбкой русская, другая съ испуганными глазами половчанка, стояли прижавшись другъ къ другу.

Черкасовъ поднялся еще на ступеньку — въ комнату Вари онъ никогда не входилъ.

Но отвѣта не было.

— Идите, Оля, умоляю васъ!

— Я сейчасъ, догоню! — рѣзко крикнула Оля.

И въ отвѣтъ ей слышались легкіе шаги, скользившіе внизъ по лѣстницѣ.

Олѣ не хотѣлось оставлять Варю, но жалость, которую почувствовала она къ этой несчастной, вдругъ повернула ея мысли и она рѣшилась лучше итти смотрѣть Охотничій домикъ.

13.

Слава Богу, что Федоръ Фалалеичъ погруженъ былъ въ чтеніе августовскаго номера прошлогоднихъ Московскихъ Вѣдомостей — газеты въ Бобровкѣ иначе и не читали, — и когда Оля спускалась съ балкона, онъ ее не замѣтилъ.

А то пришлось бы ей плохо: зная, что она у Вари, Федоръ Фалалеичъ нарочно усѣлся въ проходной комнатѣ, держа наготовѣ множество вопросовъ.

У балкона ждалъ Черкасовъ, и Оля пошла съ

нимъ по усыпанной лепестками дорожкѣ къ Охотничьему домику.

Но за нѣсколько шаговъ отъ домика, откуда-то изъ-за куста, словно бабочка, выпорхнула Нелида Максимовна и принялась Христомъ Богомъ умолять Олю итти съ ней на птичій дворъ:

— а то лучшаго времени не выбрать!

По мнѣнію Нелиды Максимовны, всѣ тонкости куроводства необходимо знать будущей молодой хозяйкѣ.

И такъ она упрашивала, такъ цѣловала Олю въ плечико, что отказать не было силъ.

Надо было имѣть великое терпѣніе, чтобы вынести всѣ подробности.

Къ счастью, у Оли при отсутствіи всякаго терпѣнія было рѣдкое свойство: она могла слушать своего собесѣдника и не слышать ровно ни одного слова, вся отдаваясь своимъ мыслямъ.

Нелида Максимовна показывала разные примѣры, прося непременно запомнить —

и никому не сказывать, а то пропадетъ!

Надѣвъ на руку рукавицу и, держа въ рукавицѣ яйцо, подкладывала она яйца подъ насѣдку, чтобы цыплята были мохноногіе,

и выдѣлывала при этомъ всевозможныя штуки, объясняя, что надо дѣлать, чтобы вывелись куры разной или одной и той же масти,

потомъ перечислила дни и часы подкладыванія.

— Да Боже упаси въ воскресенье: одни болтуны будутъ.

И еще многое полезное для хозяйства толковала Нелида Максимовна, всего и не перечислишь.

Покончивъ съ птичникомъ, Нелида Максимовна

потянула Олю въ кладовую, гдѣ хранилось много запасовъ и всякихъ сластей.

И тамъ повторилось все то же, что и въ птичникѣ: объясненія слѣдовали за примѣрами, примѣры за объясненіями.

— Я больше всего люблю пастилу, — сказала, очнувшись, Оля, когда все уже было исчерпано.

И сказала это очень некстати.

Нелида Максимовна и ждала только случая, чтобы продлить свою рѣчь и, не мигнувъ, какъ по писанному, принялась пастилу объяснять.

— Изъ брусники пастилы дѣлать такимъ образомъ, — не говорила, а пѣла Нелида Максимовна, — перекаたвъ бруснику, накласть ее въ котель, налить чистою водою такъ, чтобы вся въ ней погрязла, и варить ее потуда, какъ только ягоды лопаться станутъ, процѣдить ихъ потомъ сквозъ рѣшето, и какъ вытечетъ вода, рѣшето снять и поставить надъ лотками, чтобы такъ онѣ и ночевали, пока совершенно обсыхнутъ. Потомъ протереть ихъ сквозъ рѣшето, а послѣ сквозъ сито и положить три мѣры морсу и четвертую меду, а ежели пожелаешь слаще, то и пятую мѣру, и бить мутовкою часовъ шесть, послѣ того наливать надобно сей густой морсъ тонко и сушить на солнцѣ. Можно его въ день налить три раза, когда позволить погода, только бы высохло. Доску же мазать постнымъ масломъ и вытереть гораздо, и наливать столько разъ, сколько изволишь имѣть пастилу толсту. Пастилы яблочныя простыя дѣлать такимъ образомъ...

Нелида Максимовна всхлипнула отъ удовольствия.

— Испечь яблоки, протереть сквозъ рѣшето и въ кринкѣ бить мутовкою, потомъ класть паточку и опять бить мутовкой, и наливать на доски и сушить. Яблоки варить такимъ образомъ...

Но тутъ Черкасовъ, пробродившій безъ толку

по всѣмъ птичникамъ и скотнымъ дворамъ, отыскалъ, наконецъ, Олю.

Нелида Максимовна и не досказала, какъ варить яблоки.

Слѣдуя за ними по саду, не могла ужъ сдержать своего умиленія, и, представляя себя на свадьбѣ, не шла, а семенила, какъ это дѣлается, когда ведутъ молодыхъ —

— эхъ, гулянье мое!

При чемъ лицо ея сіяло не хуже садоваго шара, а шаръ горѣлъ подъ солнцемъ во всю свою серебряную силу.

14.

Оля начинала раскаиваться, что согласилась захватить въ Бобровку, а не проѣхала прямо домой въ Ватагино.

Оля вообще была такъ устроена, что не могла долго находиться на людяхъ, — они начинали тяготить ее.

Ей ужъ надоѣли хуже горькой рѣдьки и рассказы Елены Степановны о своемъ покойномъ мужѣ, и несуразности Федора Фалалеича, и Нелица Максимовна со своимъ умиленіемъ и наукой, и заботливость Черкасова, и Варя, готовая всякую минуту расплакаться, и даже бѣлоснѣжная Кушка, шмыгающая всюду и вездѣ, надменная, не хуже Пахомыча и Терентія.

День закончился страннымъ объясненіемъ съ Федоромъ Фалалеичемъ.

Послѣ обѣда, когда Оля пошла къ себѣ во флигель, чтобы переодѣться и итти на прогулку, Федоръ Фалалеичъ подъ предлогомъ моціона отправился за ней слѣдомъ, усьлся на крылечкѣ и терпѣливо дожидался ея выхода.

*

Сразу лѣзть со своимъ дѣломъ Федоръ Фелалеичъ считалъ неделикатнымъ, а потому напередъ разсказалъ Олѣ случай съ коровницей Аграфеной, — Аграфена проходила въ это время по двору, подоткнутая, въ высокихъ сапогахъ, съ подойникомъ.

— Въ прошломъ году Аграфена наѣлась шиповнику и въ желудкѣ у ней выросли бородавки и такъ какъ извести бородавки не было никакихъ средствъ, то коровница собралась помирать.

— И если бы не чистотѣль желтымъ сокомъ котораго она питалась цѣлыхъ семь недѣль, то непременно бы померла! А затѣмъ я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться.

Федоръ Фелалеичъ остановился, голосъ его дрогнулъ.

— Чудный закатъ! солнце закссилсся, спускается на западъ. Всю бы жизнь любовался! Вотъ оно, свѣтлое, закроетъ свои красныя очи, наступитъ ночь.. пройдемте, Ольга Александровна, по инерціи въ садъ!

— Да мы сейчасъ всѣ пойдемъ гулять, — возразила Оля.

Но Федоръ Фелалеичъ пропустилъ мимо ушей.

— Вы единственный человѣкъ, — сказалъ онъ, — да, сегодня, когда я васъ увидѣлъ, я все понималъ. Я за каждую вашу бровь отдалъ бы пару воловъ! — и, протянувъ руку Олѣ, пхнулъ ногой колитку.

И волей-неволей они очутились въ саду.

— Въ чемъ дѣло? — спросила Оля, нарушая наступившее молчаніе своего торжественнаго спутника.

— Люди такъ мало видятъ, — началъ Федоръ Фелалеичъ, — и кто способенъ заглянуть въ питомникъ души? Былъ у меня знакомый прокуроръ — извѣстный всей Россіи Миракъ Мираксовичъ Плужковъ. И всѣ только и видѣли въ Миракъ славнаго прокурора и восхищались его знаменитыми рѣчами. А на са-

момъ дѣлѣ Мираксѣ, далекій отъ всѣхъ земныхъ суесть, всю жизнь возился со своей образцовой оранжереей и объ одномъ мечталъ, чтобы зацвѣли у него огурцы къ Рождеству. Такъ и я. Я далекъ отъ всѣхъ низменностей Нелиды Максимовны и насмѣшки Владиміра меня не трогаютъ. Высокія мысли пасомы въ моемъ сердцѣ. Вѣрите ли вы, что можно спасти человѣчество?

— Вѣрю, — сказала Оля, не понимая, къ чему клонится вся эта загадочная рѣчь.

— Я такъ и зналъ. Вотъ мы любовались закатомъ. Но кто знаетъ путь къ солнцу? Кто укажетъ дорогу къ этому источнику вѣчнаго свѣта? А вѣдь все спасеніе человѣчества только и зависитъ отъ этого. Безъ пути нельзя.

Они удалялись въ глубь сада по протоптанной дорожкѣ къ пруду.

— Федоръ Фалалеичъ, а какъ же туда пробраться, на солнце? — спросила Оля, едва сдерживаясь отъ душиващаго ее хохота.

— Я знаю, — Федоръ Фалалеичъ остановился и, оглянувшись, заговорилъ шопотомъ, — извѣстно ли вамъ о существованіи величайшаго изобрѣтенія человѣческаго генія — о ф и н и к у л я р н ы хъ желѣзныхъ дорогахъ?

— Какъ же, — сказала Оля, — я что-то читала.

Федоръ Фалалеичъ вдругъ опустился на колѣни.

— Примите мою мечту. Вы единственная, съ которой могу совершить этотъ путь къ солнцу на ф и н и к у л я р н о й желѣзной дорогѣ и повести къ источнику свѣта все человѣчество. И тогда человѣчество спасено будетъ. Мы освободимъ землю!

Голосъ его звучалъ вдохновенно, а глаза становились слѣплыми отъ слезъ.

— Встаньте, Федоръ Фалалеичъ, — смущенно сказала Оля.

— Такъ вы согласны? — вскочилъ Федоръ Фалалеичъ и, сжимая руку Оли, смтрѣлъ на нее съ вос-

торгомъ, — мы осуществимъ нашу мечту, мы понесемъ къ солнцу, мы поплывемъ на залетучихъ крыльяхъ по облакамъ журавлемъ!

Чѣмъ бы все это кончилось, одному Богу извѣстнѣе, и скорѣе всего Оля просто-на-просто расхохоталась бы, если бы не оголѣлая стая черкасовыхъ ребятишекъ, посланная на розыски бѣглецовъ:

сорвачи такъ окружили Олю и Федора Фалалеича, съ такимъ пронзительнымъ визгомъ, что хотъ ты раздай каждому въ шею колотушку, а расклеится и самый дружный разговоръ.

15.

Вечеръ, такъ скоро потухшій, смѣнился теплой ночью, голосистой и звонкой и, кажется, гуляй въ такую ночь.

Оля послѣ вечерняго чаю простилась и, очутившись совсѣмъ одна въ крошечныхъ комнатахъ стараго флигеля, почувствовала себя, какъ на седьмомъ небѣ.

И прежде всего она вспомнила свою любимую, оставшуюся въ Петербургѣ, Зину.

Съ Зиной Рашевской Оля познакомилась въ первый свой курсовой день въ аудиторіи на лекціи старшаго курса.

Думая, что лучше всего сидѣть на самомъ верху, Оля заняла верхнюю скамейку, потому же, должно быть, помѣстилась возлѣ нея и другая курсистка.

Читался рефератъ объ общинѣ.

— Вы будете оппонировать? — обратилась къ Олѣ ея сосѣдка.

— Куда мнѣ! — отвѣтила Оля, ни слова не принимая въ рефератъ, — а вы будете?

— Куда мнѣ! — отвѣтила въ свою очередь со-

сѣдка и еще ближе придвинулась къ Олѣ: она тоже ничего не понимала.

Но обѣ продолжали слушать съ тѣмъ любопытствомъ, съ какимъ слушаютъ; попавъ впервые съ гимназической скамьи на лекцію:

что-то мудреное, что-то завлекательное слышалось въ самыхъ обыкновенныхъ и даже очень обыкновенныхъ словахъ.

И обѣ онѣ были необыкновенно счастливы, духъ захватывало.

— Ты читала политическую экономію Чупрова? — не выдержавъ, заговорила сосѣдка.

— Теперь читаю, — отвѣтила Оля, нисколько не смутившись такимъ неожиданнымъ ты, — а ты?

— Также теперь читаю.

И снова и та и другая съ напряженіемъ принялись слѣдить за рефератомъ, стараясь понять что-нибудь въ цифрахъ, которыми пересыпались слова.

Такъ и досидѣли, счастливыя, до послѣдней фразы.

И когда всѣ поднялись, и онѣ встали съ своего мѣста

— Приходи ко мнѣ, — сказала Оля, — у меня есть весь Герценъ.

— Неужели Герценъ? Непремѣнно приду. Меня зовутъ Зина Рашевская.

— А меня Оля Ильменева. Такъ приходи-жь! — и Оля сказала ей свой адресъ.

Съ этого дня Оля и Зина сдѣлались большими пріятельницами.

— Я учавствую въ кружкѣ, — сказала Зина, — этотъ кружокъ называется «декабристки». Хочешь участвовать? Сегодня собраніе, я тебя буду баллотировать.

— Конечно, — согласилась Оля, — баллотируй.

И Оля поступила въ кружокъ.

Всѣхъ курсистокъ было душъ двадцать, читали книжки по программѣ Семевского, писали рефераты.

Оля сначала думала, что это и есть «революція».

Да и Зина, не меньше Оли, убѣждена была.

И обѣ конспирировали.

Первое время имъ жилось туго.

Оля домой не писала, денегъ ни откуда. А былъ у нея урокъ — пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Конечно, не обѣдала, только чай на курсахъ да бутербродъ за десять копеекъ.

И Зина тоже изъ дому не получала и тоже давала урокъ.

Случалось, что обѣ сидѣли безъ копейки.

А за то, какъ дружно!

Получивъ какъ-то за урокъ деньги, Оля рѣшила купить билетки на обѣдъ, чтобы обѣдать черезъ день. И купила. И осталось у нея десять рублей.

Голодная возвращалась она съ Песковъ на Островъ.

Надо было на пароходикъ. Стала въ очередь. И когда стояла и смотрѣла на Неву — любила Оля смотрѣть на Неву, какъ плещется голубая волна! — тутъ какой-то и выхватилъ у Оли деньги. И скрылся. И пришлось изъ-за двухъ копеекъ пѣшкомъ итти.

И хотъ нашлось не мало сочувствующихъ, кричали:

— Ай, ай, у барышни украли!

Никто не догадался взять за двѣ копейки билетъ для Оли.

Оля вернулась домой.

Очень это ее огорчило.

И вдругъ влетаетъ Зина:

— Оля — рублевка!

Ну, сейчасъ же Оля одѣлась и обѣ вышли и тутъ же на Островѣ накупили всего — и халвы и булокъ — весь рубль истратили.

Оля думала о ворѣ:

«Гадкій человѣкъ! — и прибавляла, — но такихъ мало.»

А что вотъ двухъ копеекъ никто не предложилъ на билетъ, объ этомъ тогда и въ голову не приходило.

И Зина ничего такого еще не думала, — не замѣчала.

Много общаго нашлось между ними: по возрасту однихъ лѣтъ, объ подѣ ростъ другъ другу, объ выросли въ схожей обстановкѣ, а потому понимали другъ друга во всѣхъ житейскихъ мелочахъ, безъ чего часто не легко сойтись съ человѣкомъ, и объ, наконецъ, таинственно повторяли заветные стихи:

*отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
обагряющихъ руки въ крови,
уведи меня въ станъ погибающихъ
за великое дѣло любви!*

Онѣ мечтали погибнуть за великое дѣло любви.

И хотя отчетливо не представляли себѣ свою гибель, но всегда думали, что современемъ все это онѣ себѣ уяснятъ, начнутъ что-то важное дѣлать, а потомъ и погибнуть.

И это произойдетъ такъ лѣтъ черезъ десять, когда имъ будетъ по двадцати шести лѣтъ.

Однажды послѣ лекціи русской исторіи, на которой профессоръ С. Ѳ. Платоновъ читалъ о Петрѣ, Оля позвала въ укромный уголокъ Зину, и, волнуясь, стала просить ее дать другъ другу клятву:

что объ онѣ жизнь свою отдадутъ за то,
чтобы пришла правда на землю!

Сѣрые глаза Оли, когда она волновалась, смотрѣли такъ зорко — синіе, что, разъ взглянувъ въ нихъ, не было ужъ силъ не повиноваться.

Зина поклялась.

— А знаешь, Оля, у меня есть братъ, который ужъ дѣлаетъ — сказала какъ-то Зина.

— Да неужели?

— Да.

— Вотъ бы мнѣ повидать.

Братъ Зины, Сергѣй, студентъ-горнякъ, однокурсникъ съ Черкасовымъ.

Еще въ Покидошѣ Оля не разъ слышала его имя отъ Черкасова, который отзывался о своемъ товарищѣ съ большимъ уваженіемъ. Но въ прошломъ году, оставивъ Горный институтъ и поступивъ въ университетъ, Черкасовъ разошелся съ Сергѣемъ, и они не бывали другъ у друга.

Олѣ очень хотѣлось познакомиться съ этимъ важнымъ человѣкомъ, но все не представлялось подходящаго случая.

Наконецъ, подошелъ такой случай: Зина пригласила Олю къ себѣ подѣ Пасху, чтобы встрѣтить вмѣстѣ праздникъ, а также пригласила Сергѣя и его товарищей-студентовъ.

Отстоявъ заутреню, въ необыкновенномъ напряженіи всѣхъ чувствъ своихъ, шла Оля на Петербургскую сторону къ Зинѣ. И то, что была Пасхальная ночь, и то, что увидить людей, которые уже дѣлаютъ то важное дѣло, за которое погибнуть, приводило ее въ крайнее возбужденіе.

Шла она, ногъ подѣ собой не чувствуя, летѣла.

У Зины всѣ были въ сборѣ. Головой былъ Сергѣй, окруженный своими товарищами. Они много и долго разговаривали другъ съ другомъ, но Оля мало поняла изъ ихъ разговора: что-то было въ родѣ того реферата объ общинѣ — тѣ же слова и цифры, которыми пересыпались слова.

Сергѣй понравился Олѣ, но разговоръ разочаровалъ ее:

она вѣдь надѣялась услышать — что и какъ надо дѣлать , чтобы

погибнуть, а объ этомъ не было сказано ни слова.

И еще занималъ Олю вопросъ:

могутъ ли арестовать подь Пасху?

Она все хотѣла спросить, а разговоръ о цифрахъ и о какихъ-то безлошадныхъ не прекращался, такъ она и не спросила, твердо рѣшивъ про себѣ:

конечно, не могутъ арестовать, потому что Христось воскресъ и про это всѣ знаютъ,

На третій день Пасхи, утромъ, когда Оля еще была въ постели, въ дверь постучали. Оля быстро одѣлась и отворила. Оказывается Зина, — и очень взволнованная:

у нея былъ обыскъ, у брата ея Бориса тоже и теперь она хочетъ узнать, не было ли обыска у Сергѣя, но такъ какъ она очень устала, то просить Олю сходить къ нему на квартиру и узнать.

Оля съ радостью согласилась.

И тотчасъ же отправилась.

Войдя во дворъ дома, гдѣ жилъ Сергѣй, Оля замятила жандармовъ.

Не обративъ на это никакого вниманія, она направилась прямо къ указанному ей подъѣзду, хотя именно тамъ и стояло ихъ много.

Жандармы обступили Олю.

— Кого вамъ надо?

— Сергѣя Рашевского.

— А зачѣмъ вамъ Рашевского?

Но тутъ ужъ Оля выдумала: она сказала, что пришла къ Рашевскому за книгой —

— За Логикой.

Оля какъ разъ въ это время готовилась къ экзамену и потому ей подвернулась эта логика.

Олю продержали часовъ пять въ комнатѣ Сергѣя, потомъ повезли въ Охранное отдѣленіе.

Жандармскій генераль сказалъ Олѣ, что ее слѣ-

дуетъ арестовать, но что онъ ее отпускаетъ, такъ какъ она очень молода и видно не боится полиціи:

такъ прямо и пошла на жандармовъ, хотя могла пройти къ другому подъѣзду, какъ это обыкновенно дѣлается!

— Вы обвиняется въ близкихъ сношеніяхъ съ политическимъ арестантомъ Рашевскимъ и не въ какихъ-нибудь сердечныхъ, а по общему дѣлу!

Генераль, сдѣлавъ рукой такъ, словно бы потрогалъ Олю за подбородокъ, пустилъ ей вслѣдъ не безъ удовольствія:

— Какая хорошенькая!

Слома голову пустилась Оля къ Зинѣ.

Прибѣжала къ Зинѣ, все рассказала ей подробно, и съ этого дня дружба между ними еще больше закрѣпилась.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онѣ заключили другъ съ другомъ всевозможные уговоры.

Оля предложила: какъ можно меньше спать, какъ можно меньше ѣсть.

Зина отвѣчала, что постарается.

И въ свою очередь предложила: не ѣсть конфетъ и не ѣздить на извозчикѣ.

Оля отвѣчала, что постарается, но обѣщать не можетъ.

Такъ и разстались до осени.

Олѣ захотѣлось написать Зинѣ.

Но какъ она ни искала, все было въ ея комнатахъ, только не было ни бумаги, ни чернилъ.

Оля распахнула окно —

Какъ хороша ночь!

Всѣ корни, всѣ ростки, всѣ голоса пустила ночь на волю, распускалась звѣздами —

тамъ птица бьетъ крыломъ о темный лѣсъ.
конь копытомъ о сырую землю.
Какъ хороша ночь!

И мысли не шли чередомъ, а расплываясь, тонули,
какъ звѣзды въ ночи, въ ея сердцахъ.

И было до тоски хорошо.

Все перемѣшалось: и домъ, о которомъ соскучилась Оля, и любимая, Зина которой она вѣрила, и то дѣло, которое она возьметъ на себя, и тотъ подвигъ, который она совершить и погибнуть, и еще что-то, о чемъ переговаривало дѣвичье сердце —
немудреное, да обнять не дается.

*

На другомъ концѣ двора около кухни сидѣла на лавочкѣ дружная компанія и, покуривая, мирно вела разговоръ.

Въ середкѣ сидѣлъ Федоръ Фалалеичъ въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, а вокругъ него: поваръ Лаврентій Мокеечъ, полповаръ Кондратій, два старыхъ лакея и садовникъ Григорій.

Они тоже не могли спать въ эту весеннюю ночь.

И видно было по необыкновенному оживленію всей компаніи, что не одного Федора Фалалеича манило попасть на солнце и какъ можно скорѣе.

А самый мрачный изо всѣхъ, благобразный, какъ икона, садовникъ Григорій, не находя словъ, только сплевывалъ.

Конечно, заманчивый путь къ солнцу былъ гвоздемъ ихъ мирной бесѣды!

Пропѣлъ пѣтухъ, когда компанія, простившись, разбрелась на ночлегъ —

а Оля закрыла окно.

И сами лягушки-полуношницы, квакча въ пруду заплетающимся языкомъ, засыпая, договаривали свой ночной разговоръ:

— Кума! — Кумъ!

— А гдѣ кумъ?

— Потонулъ

— Нумъ плакать!

— Нумъ

Черкасовъ повернулъ любимаго вороного коня съ полей на дорогу домой.

И, обрывая бѣлый цвѣтокъ вѣщей ромашки, не замѣчалъ, что черная прядь волосъ чубомъ спустилась ему на глаза.

И, казалось, ночь, уходя, осыпалась бѣлыми лепестками, шепча вмѣстѣ съ нимъ:

— любить — не любить —

16

День начался событіями

Померъ журавль, и Федоръ Фалалеичъ, пораженный на голову, просто слегъ отъ горя.

То чудо, въ которое онъ вѣрилъ, — спасеніе челоуѣчества при посредствѣ ф и н и к у л я р н ы хъ желѣзныхъ дорогъ, связывалось у него съ журавлемъ, — а теперь журавля не было.

Два несчастныхъ журавлиныхъ стаканчика сиротливо стояли на полкѣ около пустой клѣтки.

А другое событіе, если и не такое роковое, то ужъ такое несообразное, что, пожалуй, хуже и рокового и нерокового

Садовникъ Григорій, къ садоводству, впрочемъ, имѣвшій самое отдаленное отношеніе, и занятый больше поисками кладовъ, увлеченный солнечными и журавлиными проектами Федора Фалалеича, задумалъ осуществить на свой страхъ полетъ къ солнцу.

Но какъ-то очень по своему понявъ суть ф и н и к у л я р н ы хъ желѣзныхъ дорогъ, выкинулъ штуку, приличную развѣ только, если не совсѣмъ, то ужъ окончательно рехнувшимся.

Изъ финикулярныхъ желѣзныхъ дорогъ «желѣзные дороги» куда-то улетучились, а таинственное слово финикулярный, послѣ головоломныхъ разсужденій, вывелось отъ финика. А дальше пошла играть самая вздорная фантазія

И не часами — годами создавался въ концѣ концовъ цѣлый планъ полета къ солнцу —

при посредствѣ финиковъ.

Сама по себѣ такая обыкновенная вещь — финику вдругъ получаетъ чудодѣйственное свойство какого-то неслыханнаго двигателя:

стоитъ только начать глотать финику за финикумъ, — такъ разсуждалъ Григорій, — и вотъ на какомъ то сто первомъ глоткѣ произойдетъ неожиданный эффектъ — весь организмъ, охваченный непрерывнымъ движеніемъ, подымется съ земли на воздухъ и воспаритъ, а тамъ и лети, куда знаешь.

— Понимаешь ты съ носа въ ротъ! — огрызался садовникъ Григорій на всѣ резоны Лаврентія Мокеича оставить затѣю и не продолжать опытъ.

Григорій, несмотря на жару, которая со вчерашняго дня стала еще больше, такъ что и дѣваться отъ нея некуда было, одѣтый въ теплый сибирскій савикъ съ собачьей мордой, стоя на четверенькахъ, загребалъ ртомъ прямо съ земли сложенные въ кучку финики и, проглатывая ихъ цѣликомъ съ косточкой, ждалъ той минуты, когда начнется внутри круговое непрерывное движеніе,

и онъ вознесется — полетитъ къ солнцу.

— Этакъ и кишка не выдержитъ! ну, попробоваль и будеть!

Лаврентій Мокеичъ, стоя на колѣняхъ передъ своимъ пріятелемъ и, крѣпко сжимая кулакъ, держалъ наготовѣ, чтобы всякую минуту начать кулакомъ свое радикальное леченіе:

всякую минуту могло произойти несчастье.

И оно не замедлило.

Григорій , не проглотивъ и фунта, а всего было собрано изрядно изъ запасовъ Нелиды Максимовны, вдругъ подавился.

Много пришлось потрудиться Лаврентію Мокенчу, вышибавшему косточки своимъ вѣрнымъ безошибочнымъ кулачнымъ способомъ.

И елѣ живого, избитаго Григорія снесли въ будку.

Такъ начался день несуразно.

Да и вокругъ совершалось что-то неладное: парило, и хоть на небѣ не было ни одной тучки, ни облачка, все чувствовало, что гроза будетъ.

*

Черкасовъ, отличный стрѣлокъ — взялся учить Олю стрѣлять въ цѣль.

Много часовъ до самого обѣда за Охотничьимъ домикомъ бухали выстрѣлы, раздражая лягаваго Буяна, который метался по двору, не понимая ничего толкомъ.

И тутъ тоже чуть было не стряслась бѣда: Черкасовъ, направлявшій руку Оли, какъ-то неловко повернулъ къ себѣ, рука дрогнула, и пуля упала у самыхъ его ногъ.

*

Обѣдъ прошелъ нетерпѣливо.

Много говорилось о журавлѣ, о садовниковыхъ финикахъ и о стрѣльбѣ.

Подъ конецъ обѣда Оля объявила, что завтра уѣзжаетъ въ Ватагино.

И это было совсѣмъ неожиданно: вѣдь всѣми почему-то предполагалось, что Оля прогоститъ чуть ли не все лѣто.

Начались упрашиванія: Олю соблазняли ката-

нѣмъ на лодкѣ по знаменитой рѣкѣ Каялу, прогулкой верхами на мельницу, охотой, хороводами.

Но на всѣ соблазны Оля отвѣтила отказомъ.

Одна Нелида Максимовна была увѣрена, что сегодня же вечеромъ все переимѣнится и, хоть принялась готовить на дорогу для Оли разнаго рода вкусныя печенья и свои удивительныя пряники, но все это дѣлала такъ, съ улыбкой, весело —

все равно, не пропадетъ добро, если и не въ дорогу пойдетъ?!

Къ вечеру, какъ садиться солнцу, вышли откуда-то тучи, будто лѣнныя плыли онѣ, и, будто нечаянно, подходили одна къ другой — —

Оставаться въ комнатѣ съ закрытыми окнами — а окна предусмотрительно всѣ были загодя закрыты и заперты — не было никакой возможности.

Федоръ Фалалеичъ, таскавшій на рукахъ, какъ ребенка, своего мертваго журавля по комнатамъ, вышелъ на крыльцо, можетъ быть, въ тайнѣ надѣясь: громъ и громовая вода оживятъ его любимую чудодѣйственную птицу — журавля!

А тучи клубились, мятежныя, сѣдыми валами шли прямо другъ къ другу, —

и одна огромная, какъ море широкая, пожирала ихъ молча.

И какъ это небесный сводъ не раскалывался отъ такой непомѣрной тяжести!

— Господи, пронесли тучу морокомъ!

Нелида Максимовна шептала, окрещивая окна и двери и всѣ углы.

Оля и Черкасовъ, выйдя въ садъ, дошли до пруда и повернули назадъ къ дому.

И вдругъ тамъ что-то не вытерпѣло и глухимъ гуломъ прокатило съ края на край —

а на затихнувшей землѣ все до самыхъ корней вздрогнуло —
и гдѣ-то въ сердцѣ вздрогнуло.

Черкасовъ, таившій столько словъ, которыя говорилъ онъ столько лѣтъ самъ съ собой, теперь заговорилъ свободно, смотря въ живые сѣрые глаза Оли: чувствуя ее — и не въ мечтахъ, а живую — рядомъ съ собой.

Онъ разсказалъ ей, о чемъ уже писалъ однажды въ своемъ первомъ письмѣ, что еще тогда, въ гимназической церкви — она была совсѣмъ маленькая — онъ изо всѣхъ выдѣлилъ ее, и съ тѣхъ поръ только о ней и думалъ, только ее и ждалъ, только ею одной жилъ —

онъ мечталъ «помогать народу» и вотъ ясно почувствовалъ, что цѣль его жизни вовсе не народъ, не помощь народу, а она одна — она все дѣло и вся цѣль его жизни — и для нея онъ перешелъ въ университетъ, чтобы только быть ближе къ ней — и все для нея сдѣлаетъ: захочетъ она — и онъ пойдетъ куда угодно, какъ она скажетъ —

онъ ее любить.

— А я васъ не люблю!

И сѣрые глаза Оли вдругъ посинѣли.

И опять не вытерпѣло — задрожали синія молніи —

И съ бѣшенствомъ прогрохотало.

А онъ заплакалъ —

Присѣлъ подъ вербу и заплакалъ.

17.

Окрестивъ нижнюю половину дома, Нелида Максимовна поднялась навверхъ въ комнаты Вари.

Варя, до страсти боявшаяся грозы, сидѣла, забившись въ уголь кровати и прислушивалась къ грому.

Въ комнатѣ передъ образами, кромѣ лампадки, горѣла страстная свѣча.

Нелида Максимовна еще плотнѣе завѣсила окна, помолилась и присѣла на кресло около кровати.

— Все я думаю, Варенька, — сказала Нелида Максимовна, помочивъ себѣ пальцами губы, — вотъ они поженятся и слава Богу. А ты-то, Варенька, какъ ровно бѣ въ монастырѣ черничкой живешь. И не годится такъ, чтобы, подъ однимъ кровомъ живучи, брать съ сестрой слова не сказаль.

— Да я ужъ вамъ говорила, Нелида Максимовна, ну что же мнѣ дѣлать, кинуться въ петлю?

— Надо его приобщить, Варенька.

— Развѣ это поможетъ? И не захочетъ онъ. Наверно, съ гимназіи не говѣлъ.

— Что ты! не такъ, я совсѣмъ наооборотъ.

— А что же? что вы хотите дѣлать?

— Что ты такая пугливая, Варенька! Если приобщить, такъ онъ къ тебѣ, какъ къ женѣ законной, привяжется и ни на шагъ не уйдетъ.

— Что вы говорите, къ какой законной женѣ?

Варя испуганно отстранилась отъ старухи.

— И Боже тебя сохрани, нешто я про то, я только хочу, чтобы миръ воцарился, а то мира въ домѣ нѣтъ, когда брать съ сестрой другъ на друга возстали — враги послѣдніе. А я это къ примѣру говорю: какъ къ женѣ законной привяжется.

— Я ничего не понимаю.

— Да кровка-то у тебя горячая, сладкая, ты возьми ее на ватку.

— Что же, по вашему, палецъ мнѣ обрѣзать?

— Глупая, зачѣмъ палецъ! — да ты возьми кровку на ватку просто, ну, а потомъ тоже волосковъ твоихъ надо: ножничками легонько обрѣзать ничего, только осторожнѣй, вотъ столечко и надо, все это ты мнѣ

отдашь, воля твоя — дѣло мое, я ужъ знаю, какъ справиться, мы его и приобщимъ...

— Вы изъ ума совсѣмъ выжили, какъ вамъ не стыдно, не хочу я слушать васъ и не говорите больше, слышите!

Варя поднялась съ кровати и отошла въ уголъ къ печкѣ.

— Ну и хорошо, Варенька, не буду говорить, — замотала покорно головой старуха и тоже встала а тѣнь отъ ея кички рогами такъ и вонзилась въ Варю, — только сама подумай, нешто я что дурное? отъ любви къ тебѣ; покойнаго папеньки нѣтъ, онъ бы тоже сказалъ, не ты первая... и всего пустяки и сдѣлать-то, тебя не убудеть: ватку съ кровкой да волосковъ, на огнѣ бы сожгли съ молитвой, а потомъ, какъ чай ему кушать, и приобщимъ.

И въ третій разъ — тутъ ужъ все пригнулось — ударилъ громъ и съ такой силой, словно бы двѣ стальныхъ горы скатилось —

взорвало небо —
и пошелъ дождь.

*

Въ домѣ было тревожно.
Всѣ сошлись въ столовой и долго не расходились.
Всякій свое держалъ на своихъ крѣпкихъ мысляхъ.

Не оживилъ громъ мертваго журавля.

Завтра съ утра примется Федоръ Фалалеичъ чучелу дѣлать — на годъ работы хватить, а потомъ — кто знаетъ? — возможно, что и чучела обнаружить свойства не менѣе чудесныя и, если не стаканы, то еще что-нибудь изъ посуды же начнетъ глотать.

Федоръ Фалалеичъ даже оживился.

Только зачѣмъ же Оля такъ внезапно уѣзжаетъ?

— онъ еще не успѣлъ съ ней сговориться, не сказалъ ей очень важную вещь:

при совершеніи того великаго дѣла — спасенія человѣчества — на которое, это ясно, она согласилась, можно и погибнуть!

Варя, вздрагивая, поминутно крестилась и не двигалась съ мѣста да и хорошо дѣлала:

видъ у нея былъ такой, что, кажется, переступи она половицу — и грохнется наземь безъ памяти.

Елена Степановна волновалась и тараторила, рассказывая и бывшіе и небывшіе случаи грозъ въ Бобровкѣ и все убѣждала Олю не подходить близко къ окну, и вскрикивала, когда громъ ударялъ близко.

Черкасовъ ходилъ по комнатѣ, ни на минуту не могъ присѣсть.

Но не отчаяніе, цѣлый рой мыслей укрѣплялъ его сердце.

«Она не любитъ, — думалъ онъ, — но, можетъ быть, полюбитъ. Она еще очень молода, она не знаетъ, что значить любить. Она объ этомъ въ первый разъ услышала. Она сама не знаетъ, что отвѣтила. Она можетъ быть, ужъ любитъ!»

И шумѣла за окномъ гремучая ночь.

Это свадебный поѣздъ, громыхая коваными возами, катилъ по небу изъ-за моря-приволья сюда на землю, гдѣ грозятъ бѣды —

кто тамъ зажегъ огонь на краю того темнаго поля?

кузнецъ ли куетъ и падаютъ уголья въ рѣку или рубятъ новый дворъ, ставятъ золотыя стропила?

Доля — Невѣста — Весна.

грозой ударило въ ворота, бурей ломало деревья, алымъ бархатомъ крыло лѣса и, катя по пути крупный жемчугъ, перебрасывало съ горы на гору золотой перстень —

Доля — Невѣста — Весна.

18.

Ясное утро смѣнило грозную ночь,
голубую скатертью покрыло землю и такой широкой, никому не сложить.

Дорогими свадебными дарами украсились деревья —

зеленые, зелеными поясами и ручниками отягчены были ихъ крѣпкія вѣтви.

На дворѣ и въ саду стояли цѣлыя лужи, и о гуляньѣ нечего и думать.

До отъѣзда оставалось еще много часовъ.

А сидѣть въ комнатахъ, когда такъ хорошо на волѣ, просто терпѣнья не было.

— А я умѣю какіе коржики печь! — сказала Оля Нелидѣ Максимовнѣ, поминутно перебѣгавшей изъ дому во флигель, гдѣ стряпала какія-то сласти.

— Ну, сдѣлайте, матушка! — приложилась къ плечу старуха.

Этого только и надо было Олѣ: она теперь могла слѣдовать за Нелидой Максимовоной и также бѣгать по мокрой травѣ.

Черкасовъ, хватившійся Оли, поднималъ цѣлую бурю:

онъ напустился на Нелиду Максимовну, угрожая ей всѣмъ, чѣмъ только можно.

— Что это за новости! — кричалъ онъ, — какіе вамъ коржики дѣлать? по дождю бѣгать безъ калошъ, возмутительно!

Потомъ уговорилъ Олю надѣть калоши и предложилъ ей пройти въ садъ.

Тамъ на скамейку постелилъ клеенку и тогда ужъ усадилъ Олю.

И хотя солнце подошло къ полдню и отдыхало на своихъ золотыхъ кровляхъ, было все также свѣжо, весело и зелено и дышалось легко полной грудью.

— Почему же это соловей не поетъ!?

— Да вотъ испугался дождя и спрятался.

— А вы посвистите, вамъ онъ откликнется.

Черкасовъ засвисталъ, представляя, какъ заправскій соловейникъ —

и дневного

и ночного

и поздняка-соловья.

Но соловей не откликался.

— Нѣтъ, вы главнаго не дѣлаете, — сказала Оля.

— Что же такое главное?

— А вотъ такъ: тюхъ-тюхъ-тюхъ...

Черкасовъ расхохотался.

— Тюхъ-тюхъ-тюхъ, — повторялъ онъ, подражая Олѣ.

И глядѣлъ на нее, не помня себя отъ счастья, съ безконечной любовью, словно бы въ этомъ звукѣ открывалась для него вся душа ея, и вотъ онъ повторяетъ этотъ звукъ.

И когда запѣлъ настоящій соловей и, стреливъ всѣ переливы, на мгновение замеръ, Черкасовъ замеръ отъ радости:

— Слушайте, слушайте, сейчасъ будетъ тюхъ-тюхъ!

А самъ глядѣлъ на Олю съ безконечной любовью, счастливый:

ужъ на вѣки вѣчные по гробъ жизни онъ сохранить эту минуту, съ закрытыми гла-

зами увидить ея тонкія губы, сложенные
въ тюхъ-тюхъ.

19.

Послѣ завтрака Оля уѣхала.

Черкасовъ, проводивъ ее до станціи, вернулся
въ Бобровку.

И Бобровка безъ Оли словно бы обезлюдѣла.

Такъ все забилося куда-то.

А отъ того, что Варя играла на старомъ форте-
піанѣ любимыя бабушкины нѣжныя сонаты, стано-
вилось тоскливо —

все казалось въ прошломъ, во вчерашнемъ.
вотъ въ только что ушедшемъ.

По обыкновенію другъ съ другомъ не разгова-
ривали.

Молча обѣдали, молча и чай пили, — такъ пе-
рекинутся словомъ и замолчатъ.

Послѣ обѣда Елена Стаепановна долго кричала
съ управляющимъ, который опять чего-то не сдѣлалъ,
ссылаясь на какія-то свои соображенія, совсѣмъ не
касающіяся хозяйства. И потомъ плакала одна, за-
першись въ своей спальнѣ, шепча и проклятія, и жа-
лобы, и молитву за упокой своего незабвеннаго Ми-
хаила Дмитриевича.

Федоръ Фалалеичъ, ушедшій въ работу надъ жу-
равлиной чучелой, возился въ бесѣдкѣ, весь облѣп-
ленный пухомъ и перьями.

А прислуживавшій ему садовникъ Григорій, став-
шій еще благообразнѣе со вчерашняго происшествія,
закусивъ бороду, тяжело вздыхалъ, да сплевывалъ.

Вечеромъ разошлись рано.

Варя ушла наверхъ въ свои комнаты.

Черкасовъ собрался въ поле.

— Баринъ! — остановилъ его у воротъ Родіонъ,
подававшій ему лошадь.

— Что тебѣ?

— Насчетъ землицы хотѣлъ поговорить, — мялся Родіонъ, — землицы у насъ маловато.

Черкасовъ подобралъ поводья.

— Прохорскій Федоръ сказывалъ, что подъ землей люди живутъ, такъ вотъ ходокомъ туда къ подземнымъ людямъ пройти бы насчетъ землицы.

Черкасовъ передернулъ поводья.

— Федоръ сказывалъ, — продолжалъ Родіонъ, — легъ на землю, земля теплая, разогрѣтая, и слышитъ — подъ землей разговоръ идетъ. «Прохоръ, — говоритъ баба, — пойдемъ обѣдать!» А Прохоръ отвѣчаетъ: «Пойдемъ».

Черкасовъ ударилъ коня и скрылся за околицей.

*

А какая горечь лежала на сердцѣ у старой ключницы — во всѣ стороны щемило сердце.

Все вдругъ рухнуло, — она ясно видѣла, ей больше нечего ждать, и не мила ей гробъ-могила, куда, беспокойная, она скоро ляжетъ.

И зачѣмъ она несчастную Ласку мучила?

Что взяла?

Ничего.

— Ласка! — покликала въ ночь Нелида Максимовна, — кис-кис!

И горько ей старой, сморщенной, беззубой:

— кис-кис!

Никто не отзывается.

Бѣлоснѣжная Кушка, лаявшая только подъ большіе праздники и имѣвшая привычку на старости лѣтъ просыпаться безъ всякой надобности, молча подошла къ крылечку и, обнюхавъ поникшую старуху, смиренно присѣла около: должно быть, поняла.

Сколько вѣдь годовъ вмѣстѣ прожили!

И ей жалко Ласку:

мордочка такая усатая, — хорошая была кошка, не драная!

Опять покликкала Нелида Максимовна.

Никто не отзывается.

И вспомнила старуха сестру свою прачку Агафью, и повара Демьяныча — первый поварь былъ, сердечный другъ.

Всѣ-то перемерли, вѣтромъ раздуло, прахомъ разнесло!

И не то, чтобы запѣла и даже не зашамкала, а такъ, глотая слезы, зашевелила она губами, будто пѣла-причитала сѣдую заунывную колядку — святочную пѣсню:

мати неродна, мачеха злая
шлеть меня, мати,
въ темные лѣсы, въ пустую ту избу,
въ пустую избу
сырую рожь молоти.
а я сито смолола — куры не пѣли,
я другое смолола — куры не пѣли,
а я третье смолола — куры не пѣли.
какъ идетъ ко мнѣ, мати,
черно-велико, косматые ноги,
косматые ноги, желѣзные роги,
нось окованный, хвостъ оторванный,
Взяло меня, мати,
за правую руку,
повело меня, мати,
за темные лѣсы,
за темные лѣсы, за крутые горы,
за крутые горы, за быстрыя рѣки,
а я лѣсы шла —
со свѣчами,
а я лѣсы шла —
со трубами;

а я рѣки плыла —
со слезами — —

Тутъ Кушка не выдержала, да какъ залаетъ —
сто лѣтъ такъ не лаяла.

20.

На вокзалѣ встрѣтила Олю сама Наталья Ивановна.

И это было для Наталіи Ивановны совсѣмъ не просто — тащиться на вокзалъ за пятнадцать верстъ шутка-ли!

Да, Оля, думая тогда передъ своимъ рѣшеніемъ: неказавшись уѣхать въ Петербургъ, — не ошиблась.

Наталья Ивановна вотъ и на вокзалъ пріѣхала, а какъ смотрѣла на Олю — на петербургскую Олю — на курсистку Олю —

Наталья Ивановна гордилась Олей и была счастлива, — потому что Оля была счастлива!

А что жъ произошло за зиму въ Ватагинѣ безъ Оли?

Да всѣ были живы-здоровы — и подруги Оли и знакомые и всѣ родственники и любимая бабушка и тетушка и Анна Павловна.

— Съ Лупичевыми вотъ изъ-за коня поссорились! — сказала, сокрушаясь, Наталья Ивановна.

— За коня? — переспросила Оля.

— За старика.

Былъ такой у Ильменевыхъ конь, старикомъ звали — и по старости лѣтъ ничего конь не могъ работать, а доживалъ свой коній вѣкъ во дворѣ. Вотъ сосѣдъ Лупичевъ — Лупичевы не Ильменевы! — и сообразилъ, что хоть и старъ конь, а и старую силу можно таки использовать — пустить и стараго коня въ дѣло! И присталъ къ Александру Павловичу: отдай ему да отдай коня — вѣдь по сосѣдству, никуда конь не дѣнется, все равно на глазахъ, какъ у Ильменевыхъ во

дворѣ, только не зря. Александръ Павловичъ и поддался, согласился и отдал коня — старика-то отдали! А Лупичевъ — Лупичевы не Ильменевы! — и пристроил коня сейчасъ же къ какой-то, какъ самъ выгажался, не сложной и не очень обременительной работѣ. И видно съ Ильменевского двора: конь что ни день, въ работѣ. Авѣдъ ему помирать пора, не до работы. Но главное-то, какъ же это такъ, старика, столько лѣтъ прослужившаго, и въ родѣ какъ прогнали! Старался трудился, состарился въ трудѣ, и не нуженъ? А вѣдъ вѣкъ работалъ честно и убирайся? Ну, назадъ и потребовали коня. Лупичевъ отдать отдалъ, но очень обидѣлся — лучше бы, говорить, совсѣмъ не давали, а то только подразнили, и къ тому же несправедливо, какъ-никакъ, а онъ пристроил коня на работу, работу далъ не сложную и не очень обременительную, конь не жаловался, и пускай бы себѣ работалъ, коню даже весело, а то ни себѣ, ни людямъ! — очень обидѣлся.

— Все изъ-за коня, — говорила Наталья Ивановна, — теперь и бывать пересталъ у насъ, одна Дарья Ивановна еще навѣдывается.

Оля слушала и думала:

«Поссориться изъ-за коня! Удивительное дѣло! Ну, можно поссориться съ социаль-демократомъ, поругаться съ марксистомъ изъ-за ихъ упрощеній и массовыхъ принциповъ, но изъ-за коня!»

— А еще что? — спрашивала Оля.

Вѣдъ родное ея Ватагино и безъ нея зиму зимовало, вѣдъ она же соскучилась, вотъ все ей и знать хочется.

— Батюшкина дочка, отца Евдокима, замужъ выходить, — сказала Наталья Ивановна, — послѣзавтра свадьба. Ты, Оля, непременно пойди. Очень тебѣ обрадуются. Батюшка на тебя сердился. А я не понимаю. Я ему такъ и сказала: развѣ тутъ дурное что, въ Петербургъ учиться поѣхала!

На крыльцѣ встрѣтилъ Александръ Павловичъ.

Тихій онъ что-то сталъ, тихо говорилъ съ Олей, и ясные глаза его грустные что-то.

Очень, видно, обрадовался, только молча.

— А помнишь, папочка, какъ ты прїѣзжалъ ко мнѣ, корзиночку всегда привезешь.

Всѣмъ привезла Оля подарки:

Мишѣ — любимому брату — Шелгунова и съ надписью:

*. силу новую
благородныхъ юныхъ дней
въ форму старую готовую
необдуманно не лей!*

И въ этихъ словахъ хотѣла ему много сказать и самого завѣтнаго, но Миша ничего не понялъ.

Иринѣ — кремового шелку на кофточку.

Ленѣ — часики черные недорогіе, да и откуда было дорогіе-то! — Лена ихъ на другой же день въ травѣ потеряла къ удовольствію Натальи Ивановны —
— часы нехорошо дарить!

А Наталья Ивановнѣ Оля привезла конфетъ.

Александрѣ Павловичу — книгу бы надо, да какую, не могла придумать.

Ну, все равно, конфеты — въ домъ.

Вечеромъ пришла и Вѣра Стрѣшнева и Лена Боровая.

Лена Боровая сначала супилась, думала, какъ послѣ сама призналась, что Оля гордиться будетъ:

— курсистка!

21.

Вечеръ прошелъ въ разсказахъ о Петербургѣ.

Оля рассказывала не про то завѣтное — не о революціи, а житейское — на всякаго и ничего.

Оля считала, что о самомъ важномъ вообще нико-

му нельзя говорить, а изъ такого тоже осторожно и не всякому, чтобы меньше давать «матерьяла» для насмѣшекъ, отъ которыхъ никакъ вѣдь не уйдешь тамъ, гдѣ «говорять».

Оля рассказывала о всякихъ своихъ продѣлкахъ на Курсахъ, о курсовыхъ дамахъ — курсовыхъ классныхъ дамахъ.

Оля представляла, какъ Варвара Петровна — ина курсахъ, оказалась своя «цапля» — говорила ей:

«Ильменева, разойдитесь!»

И когда такое Оля будетъ рассказывать не только подругамъ, слушавшимъ Олю съ большими глазами и удивлявшимся ей, разъ про нее одну говорили: «разойдитесь!» — старая учительница Оли замѣтитъ:

«Ты, Оля, нисколько не измѣнилась: въ гимназіи ты рассказывала про Индюшку, а теперь про Варварку.»

А Оля подумаетъ, но ничѣмъ не обнаружить этой своей думы:

«Не измѣнилась! Нѣтъ, у меня есть то, чего не было въ прошломъ году!»

А вѣдь это завѣтное — про революцію — и про это никому нельзя.

Еще рассказывала Оля, какъ она дважды экзамень держала и оба раза хорошо выдержала.

*

Оля никогда одна, съ ней всегда народъ — потому-то и вовсе не спроста «разойдитесь» предусмотрительно говорила ей при встрѣчѣ курсовая дама. Оля всегда на экзаменахъ подсказывала.

А была одна курсистка Егорова, очень неспособная — экзамены держать для нея одна мука: на одномъ провалилась, другой на осень отложила.

«Выдержите за меня богословіе!» — въ шутку сказала она Олѣ.

Оля согласилась.

«Правда?»

«Конечно, отчего жь!»

Экзаменъ назначался на два дня.

Въ первый день Оля выдержала за себя. А на слѣдующій день пошла за Егорову. И когда въ аудиторіи остался одинъ профессоръ — директоръ вышелъ — Оля взяла билетъ.

А профессоръ посмотрѣлъ на Олю:

«Вы уже держали экзаменъ?»

«Нѣтъ.»

«Какъ ваша фамилія?»

«Егорова Александра.»

Дѣйствительно, у Егоровой отмѣтки нѣтъ.

И опять Оля выдержала.

Оля говорила за Егорову громко и смѣло, а настоящая-то Егорова медленно и тихо.

Олю любили курсистки и за годъ у ней много карточекъ собралось, и Егорова подарила свою карточку съ надписью:

«Не обращайтесь вниманіе на слѣды нѣкотораго небезукоризненнаго прошлаго».

А это означало вотъ что: на карточкѣ Егорова снялась съ брошкой, а по «завѣтнымъ» правиламъ Оли, какъ брошки, такъ и всякія вообще украшенія носить не хорошо. — надо какъ можно проще.

*

Еще Оля рассказывала о своемъ первомъ Петербургскомъ днѣ, какъ она пріѣхала — дождь, изморозь петербургская, носъ замерзъ — и какъ остановилась она на Екатерингофскомъ проспектѣ въ нумерахъ, и какъ ей было жутко одной.

Потомъ самое поступленіе на Курсы: ни денегъ, ни разрѣшенія изъ дому, — что дѣлать?

Финикова курсистка, пріютившая Олю, помогла ей.

«Идите къ директору, попросите, у васъ такое хорошее лицо. Если нужно, поплачьте!»

«Я не могу просить!» — упрямылась Оля.

Оля никогда не могла просить за себя.

И Финикова пихнула Олю въ директорскую.

«Примите — я не могу — »

Только и могла сказать Оля директору.

И заплакала.

Конечно, Олю приняли на Курсы и въ тотъ же день повела ее Финикова въ курсовую столовую,

«Это настоящія курсистки, а это будущая!»

Такъ познакомила она Олю.

И Оля сдѣлалась курсисткой.

А еще Оля рассказывала о косѣ.

И хотя въ этой исторіи ея ничего не было революціоннаго, въ Покидошѣ долго потомъ говорили:

«Остригли Олю въ Петропавловской крѣпости!»

И тѣмъ, кому приходила мысль усомниться, немедленно затыкали ротъ послѣднимъ и неопровержимымъ доводомъ:

«Говорять!»

22.

Оля не хотѣла было итти на свадьбу къ батюшкиной дочери, но Наталья Ивановна ее уговорила.

У церкви собралось все Ватагино: облѣпили окна и въ двери не протолкнешься.

И когда проходила Оля въ золотистой своей кофточкѣ — всѣ парни — такъ Фатевна псслѣ рассказывала — говорили:

«Всѣ бы мы на такой женились, только что косы нѣтъ, стриженная!»

«А я говорю имъ, — говорила Фатевна, — тифъ у барышни былъ, болѣзнъ такая болющая: не сними косы, сама бѣ коса вылѣзла!»

На свадьбу пріѣхалъ докторъ Перепелка.

Перепелка старый человекъ, а глядя на Олю, вдругъ помолодѣлъ: вѣдь тоже студентомъ когда-то былъ, знать, вспомнилось.

Перепелка предложилъ Олѣ ѣхать съ нимъ.

И когда хотѣлъ уступить ей мѣсто и сѣсть къ кучеру, Оля остановила его.

— Женскій вопросъ! — весело сказала она.

И Перепелка еще больше оживился.

Перепелка говорилъ съ Олей безъ умолку.

Онъ рассказывалъ ей о ея покидошенскихъ подругахъ и особенно восхищался Гусевой.

— Да позвольте, Андрей Федоровичъ, — перебила Оля, — что вы нашли въ ней такого? Если бы она чѣмъ-нибудь интересовалась или занятіе имѣла, а то такъ вѣдь!

Перепелка встрепенулся.

— Понимаю, по вашему, стало быть, такъ просто человекъ не можетъ быть прекраснымъ!

Оля только повела плечами:

неужто это объяснять надо, что человекъ, ничѣмъ не интересующійся, просто не человекъ и ужъ никакой не прекрасный.

Разговоръ зашелъ о свадьбѣ — о батюшкиной дочкѣ.

— Не понимаю, — сказала Оля, какъ это можно выйти замужъ, лучше въ могилу лечь.

— Ну, а напимѣрь, имѣть близкаго человека? — кротко спросилъ Перепелка.

— Зачѣмъ близкаго человека! Я для всего міра и весь міръ для меня.

— Ну, а если семья, дѣти?

— Это я совсѣмъ отрицаю: люди должны относиться другъ къ другу, какъ братья.

А батюшкина дочка «молодая» и вправду очень обрадовалась Олѣ.

— Мнѣ очень пріятно, что вы-то пришли! — благодарила она Олю.

Тутъ и батюшка, отецъ Евдокимъ, помирился.

— Петербургская курсистка — ученый человек! Такъ выражался батюшка, обращаясь къ Олѣ.

И было такъ, что самовольный отъездъ Оли въ Петербургъ, какъ и всякій смѣлый и независимый поступокъ, поднялъ Олю высоко въ глазахъ житья-бытья ватагинскаго и самого покидошинскаго г о в о р я т ь.

И никакъ нельзя было подумать, что Оля совсѣмъ еще дѣвочка — семнадцать лѣтъ: вездѣ, гдѣ бы она ни появлялась, она вездѣ была сама и все и вся обращалось къ ней.

*

Къ Олѣ стали подлаживаться.

Всякій считалъ своимъ долгомъ сказать при ней что-нибудь такое, чтобы не показать свсю отсталость и получить одобреніе.

Но это не всегда и не всякому удавалось.

Одна важная покидошинская персона — фурфиръ ватагинскій, богатый сосѣдъ Ильменевыхъ, Кубриковъ, желая не ударить лицомъ въ грязь, рассказалъ Олѣ, намекая на свое свободолобіе, какъ онъ въ Дворянское собраніе явился въ русской рубахѣ.

— На меня всѣ напали. А я говорю: напрасно вы на меня нападаете, это признакъ либерализма!

А Оля подумала:

«Дуракъ!»

На именины Натальи Ивановны Ксаверій Матвѣевичъ письмо прислалъ съ живописными привѣтствіями всему Ильменевскому дому —

«Передайте мои поздравленія благообразной Иринѣ Александровнѣ, благородно и безкорыстно увлекающейся Ольгѣ Александровнѣ, жизнерадостной въ формѣ бутона ароматическаго цвѣтка Еленѣ Александровнѣ и ватагинскому Парису!»

До Лубенцовъ, стало быть, до самого Ксаверія

Матвѣвича и Александріи Кенсориновны дошла слава — и благодушный старикъ, ѣздившій по сосѣдямъ на своихъ «апостолахъ» — такъ звалъ онъ своихъ воловъ, нашелъ для Оли свою завитушку и очень мѣтко.

23.

Дни проходили шумно.

Оля внесла этотъ шумъ въ тихое ватагинское житье-бытье.

Вѣра Стрѣшнева, Лена Боровая и ея братъ Костя, только что окончившій кадетъ, Лампадъ и его сестра Асклипіодота по вечерамъ и далеко за полночь ходили гулять и къ татарскимъ могиламъ и къ мельницѣ, пѣли пѣсни, играли.

Оля привезла новыя нѣсни.

Но свои завѣтныя она не сказала — «отречемся отъ стараго міра», «вы жертвою пали» — этихъ нельзя: завѣтныя! — другимъ научила она, какія пѣлись на студенческихъ вечеринкахъ —

*часы бѣгутъ,
гнетущій трудъ
ничѣмъ не нарушая,
а впереди,
того и жди,
нужда задавить злая. . .*

И еще:

*твой отецъ нажилъ честнымъ трудомъ
сотни тысячъ и каменный домъ,
нарядясь въ дорогой кашемиръ,
мать твоя презираетъ весь міръ. . .*

Отъ сибирячки курсистки услышала Оля въ первый разъ эту пѣсню.

Напоются пѣсенъ, и ей Богу, совсѣмъ какъ дѣти, въ лошадки играть примутся: Лампада въ корень, Оля за кучера — и понесется тройка по дорогѣ, берегись! никому нѣтъ дороги —

Оля править!

И было очень весело, такъ весело, какъ никогда еще.

Оля была коноводомъ, и ее слушались.

И что бы она ни затѣяла, все одобрялось.

Но не всѣ такъ смотрѣли на Олю.

Были и другіе — это старшіе, подруги старшей сестры Ирины, онѣ во всемъ осуждали Олю.

Онѣ изводили Олю, не пропуская случая, придирались къ каждому ея слову.

— Курсистка!

— Очень скоро убѣжденія свои мѣняете!

— Какія убѣжденія! — не выдержала Оля, а обыкновенно она просто не отвѣчала, — у меня еще не было никакихъ убѣжденій, я только теперь начала думать и понимать.

— Знаешь, Оля, сказала какъ-то старая учительница Оли, — тебя вѣдь могутъ не пустить въ Петербургъ.

— Меня? Не пустятъ?

И Оля это такъ сказала, что ужъ самъ закоренѣлый невѣра не могъ бы не повѣрить, что не пустить Олю нельзя, а если и не пустятъ — все равно уйдетъ.

*

Что жъ это, какая это сила развилась у Оли за одинъ ея самовольный петербургскій годъ?

А эта сила ея — отъ ея пламенной воли, отъ пламенности пробужденнаго ея духа.

Это ея крылья, которыя не сковать никакими цѣпями, и ужъ ни въ какую тюрьму не запрячешь.

Сила человѣка — чары человѣка — не отъ словъ, какія говорить онъ, а отъ пламенности и воли его сердца, отъ того огня, какимъ горить его слово.

И всякій, кто прошелъ не безслѣдно въ жизни, всѣ несли въ себѣ это пламя и своимъ огнемъ зажигали встрѣчу, и пожары вставали по ихъ слѣду.

И такой поднялась Оля, какъ отъ сна пробудилась, и вотъ вышла въ міръ —

Доля — Невѣста — Весна .

СЪ ОГНЕННОЙ ПАСТЬЮ

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ

Петербургъ — городъ прозрачный,
сѣверная ясня!

Это Москва, наговорившая про него и то и се, ревнивая — Москва, гдѣ въ Таганкѣ ругаютъ Землянку, на Землянкѣ — Замоскворѣчье, въ Замоскворѣчѣ — Арбатъ, на Арбатѣ — Покровку, это отчаяніе разглядѣло въ немъ только тяжелые туманы съ бѣсами, съ привидѣніями, это ожесточеніе «рабовъ Христовыхъ Послѣдней Руси» изъ землянныхъ тюремъ и съ пылающихъ срубовъ пустило про него проклятую славу — «быть пусту!»

Нѣтъ, одна Нева — Нева, какъ море, и не Гоголевскою шириною, а самой адмиралтейской, широка, и какое море солнца горитъ на ее глубокой голуби, безъ устали плывущей «на-саженку».

А червонный куполь Исакія собралъ такой хоровадь лучей — на всѣ проспекты и линіи и тракты горитъ — горитъ не золотою литой кровлей, какъ московскій Кремль — вся Москва, а пылающимъ червоннымъ глобусомъ.

А если по-осени напоззаютъ туманы или зимой вдругъ отъ туманного дыму не пройти, не проѣхать по Невскому, а электрическіе фонари сквозь туманы зелеными вырѣзными шарами не свѣтять, а дразнить, такъ вѣдь на всемъ земномъ шарѣ тоже — и въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ съ разлившейся Сены такое полѣзетъ — какъ молоко! — и гриппомъ начнетъ ду-

шить налѣво и направо, или въ Берлинѣ, гдѣ отъ зимней туманной ѣды дохаютъ, какъ лошади, и бѣгутъ по улицамъ, скорчившись, не зная, гдѣ ужъ найти тепло.

Да, въ Петербургѣ туманы, но и въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ туманы — не пройти, не пробѣжать! — но за то завтра вдругъ ударитъ московскій морозъ, и вечеръ закутается ало-синюю сѣверной пеленой, за которой ужъ ночь куетъ крѣпкіе крещенскіе звѣзды.

И запылаютъ костры на снѣжныхъ площадяхъ и у бѣлыхъ мостовъ —

огнями до звѣздъ.

*

Утромъ въ Гатчинѣ Оля выглянула изъ вагона — послѣ дождей ясно, тутъ ужъ осень!

— Пе-тер-бургъ!

И версты побѣжали мигомъ — не услѣдишь:

за нетерпѣніемъ, за быстротою, за вагонами, загромождающими пути во всѣ концы.

Петербургъ —

Варшавскій вокзалъ.

Багажъ оставила Оля на вокзалѣ, пошла на-легкѣ —

мимо извозчиковъ, мимо автомобилей прямо по мостовой подъ лѣсами, загородившими весь тротуаръ, черезъ разбросанные торцовые кубики подъ гикъ извозчиковъ, гудъ и шлепъ автомобилей, стукотню грузовиковъ и ломовой огрызъ — къ Технологическому институту на трамвай: трамвай на Васильевскій островъ.

Кажется, со всѣми бы заговорила, всякому уступила бы мѣсто, поклонилась бы —

своему родному

— несравненному —
своему
Петербургу
— — —

На 3-ей линіи сдавалась комната — первую попавшуюся Оля и взяла.

И сейчас же назадъ на вокзалъ. Перевезла вещи. Убралась. И на Курсы объѣдать.

*

Никогда такъ на Курсахъ не весело, какъ въ день осенняго сѣзда.

Вѣдь столько не видались — столько разсказовъ, разспросовъ, новостей.

Каждая что-нибудь привезла:

Оля — маковники, пастилу, яблоки;

Женя Шубина — вотъ какія банищи съ вареньемъ,

Варя Финикова — колобки.

И сами наѣдятся и отдѣляютъ для передачи:

много курсистокъ ходятъ «невѣстами» къ арестованнымъ студентамъ, онѣ и возмуть.

— Когда пришла я въ первый разъ «невѣстой» къ студенту-горняку Преображенскому, — вспоминаетъ Женя Шубина, — я взглянула на него, никогда вѣдь не видѣла, и такъ мнѣ стало смѣшно, не удержалась да какъ захохочу: не могу отъ смѣха слова сказать, хохочу. А онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, и тоже захохоталъ. Такъ всѣ полчаса и прохохотали, ни слова.

Кто-то изъ «невѣсть» вспомнилъ Катю Новикову — ея случай: «невѣста неневѣстная!» —

надо было устроить свиданіе съ Нерадовскимъ — написали изъ Москвы его знакомые, въ Петербургъ у него никого не было: Нерадовскаго перевезли изъ Москвы,

сидѣлъ онъ по приговору въ Крестахъ. Предложили Новиковой. Новикова пошла въ Жандармское, просить свиданіе съ своимъ женихомъ Павломъ Ивановичемъ Нерадовскимъ. «Съ Павломъ Ивановичемъ Нерадовскимъ?», —переспросилъ жандармскій ротмистръ. «Да, съ Павломъ Ивановичемъ Нерадовскимъ, моимъ женихомъ». Ротмистръ подумалъ и чего-то улыбнулся: «Приходите завтра ровно въ 12-ть». На другой день ровно въ 12-ть Новикова была въ Жандармскомъ. За большимъ зеленымъ столомъ сидѣло много жандармовъ. И ее посадили — и на самомъ виду. «Такъ вы просите свиданіе съ вашимъ женихомъ?» обратился вчерашній ротмистръ. «Да». «А когда же вы съ нимъ познакомились: жилъ онъ въ Москвѣ и ужъ два года находится въ заключеніи». «Это мое личное дѣло». «А если я вамъ покажу нѣсколько карточекъ и вашего жениха, вы узнаете, который вашъ женихъ?» «Конечно!» Новикова смутилась. «Конечно, узнаю, если онъ очень не измѣнился». Жандармы переглянулись. «Невѣста неневѣстная!» замѣтилъ кто-то. И это замѣчаніе еще больше смутило и раздосадовало. «Такъ дайте же мнѣ свиданіе и отпустите!» «Позвольте, а какъ зовутъ вашего жениха?» «Павелъ Ивановичъ Нерадовскій!» рѣзко отвѣтила Новикова и отъ досады и отъ смущенья... Тутъ ротмистръ взялъ папку «Дѣло Нерадовского» и, раскрывъ, показалъ Новиковой. Новикова прочитала: *зовутъ меня Петромъ Ивановичемъ Нерадовскимъ*. «Вотъ вы забыли имя вашего жениха: навѣрно ему непріятно будетъ васъ видѣть. Лучше ужъ не дадимъ вамъ свиданія».

— Я тогда, какъ ошпаренная, вышла: до сихъ поръ помню вдогонку хохоть.

— Это все Фроловъ напуталъ: не разобралъ въ письмѣ имя, изъ Петра сдѣлалъ Павла!

И вдругъ вошла Зина —

Оля къ ней: вѣдь цѣлое лѣто!

Зина то же — Зина, какъ и Оля: она только что пріѣхала и прямо на Курсы.

Зинѣ отдѣлили для брата — «для передачи» — Сергѣй Рашевскій сидѣлъ съ самой Пасхи въ Петропавловской крѣпости, съ того памятнаго дня для Оли, когда, попавъ въ засаду, она въ первый разъ столкнулась съ жандармами и провела нѣсколько часовъ на Гороховой въ Охранномъ, — многихъ изъ его товарищей выпустили, ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, ходилъ на свободѣ Федоръ Ивановичъ Котельниковъ, а его все держали.

Послѣ обѣда Зина съ Олей — къ Олѣ на новоселье.

— Какъ я чувствую разницу, какая я была въ прошломъ году, когда въ первый разъ въ Петербургъ пріѣхала, а какая теперь. Будто послѣ гимназіи не одинъ годъ, а десять лѣтъ прошло. Мы въ прошломъ году ничего не знали, а теперь уже знаемъ кое-что.

— Ничего, Оля, мы не знаемъ еще: мы только знаемъ, чего надо знать.

(Зина всегда вмѣсто «что», говорила «чего».)

— Пойдемъ, Зина, по городу. Я чувствую, какъ люблю Петербургъ. Сердце сжимается, я не могу себѣ представить жизни безъ Петербурга.

— Федоръ Ивановичъ говоритъ: если кого-нибудь или что-нибудь любишь по-настоящему, то непременно до болѣзненности. Значить, ты дѣйствительно любишь Петербургъ. Да и я тоже.

Весною часто ходили къ Горному институту — къ Горному институту и пошли:

тамъ хорошо смотрѣть на Неву!

А отъ Горнаго черезъ Николаевскій мостъ.

— Здѣсь Каракозовъ стрѣлялъ! — сказала Оля.

Постояли на мосту — посмотрѣли на каракозовскую часовню — на Неву къ Петропавловской крѣпости. И Сенатской площадью — «Декабристы!» — мимо памятника Петру, мимо Исакія — на Невскій.

Шли мимо Казанскаго собора.

— Сколько здѣсь демонстрацій было. Тутъ и Вѣра Засуличъ — — Можетъ, и мы, Зина, будемъ въ демонстраціи здѣсь же участвовать.

Публичная библіотека.

А съ нею память о занятіяхъ —

сколько вечеровъ за чтеніемъ!

и какъ хорошо читается книга!

— Я буду заниматься философіей.

— А я исторіей.

Къ сумеркамъ Невскій наряжался въ электричество.

Загорѣлись огнями магазины. Тѣснѣ пошелъ народъ: кто домой, кто такъ.

Среди автомобилей и извозчиковъ прокатила коляска съ фореиторомъ на запаяткахъ въ красномъ. А вслѣдъ карета со спущенными занавѣсками — политическихъ арестантовъ на допросъ возять..

У Аничкова дворца вдругъ раздался непохожій автомобильный гудокъ — глубокій —

и все остановилось.

Приставъ, напряженный, точно на немъ не одна, а три шинели, вытянувшись, стоялъ у воротъ съ сторожами-татарами, а длинные, какъ фонари, городовые загораживали дорогу на тротуаръ.

Изъ дворца выѣхалъ автомобиль и свернулъ на Невскій.

— Государь! — кто-то сказалъ.

— Гдѣ? гдѣ? — повертывались посмотрѣть.

Но уже автомобиля не было — много было, не-

терпѣливо и настойчиво стучащихъ, вдругъ остановленныхъ, а такого не было.

И сразу хлынуло — какъ попало! — наверсты-вая потерянное на остановкѣ, зазвенѣли звонки трамваевъ, и лошадиные морды ткнулись въ спины сѣдоковъ.

Оля и Зина стояли, дожидаясь, пока не установится, что-бы перейти на другую сторону.

— Изъ-за одного человѣка и все остановилось!

— Тише, Оля!

Съ Невского онѣ пошли мимо Лѣтняго сада — «гдѣ стрѣлялъ Соловьевъ!» — черезъ Троицкій мостъ къ Петропавловской крѣпости.

— Какъ это странно читать: «Іоанновскія ворота!» — несчастный ребенокъ! А сколько здѣсь сидѣло, о комъ мы всегда думаемъ: и Перовская, и Вѣра Фигнеръ и Брешковская.

Постояли около воротъ — дальше ходу нѣтъ.

Еще разъ взглянули на Неву — и домой.

— Какъ я счастлива, что все это вижу опять.

— И я тоже.

*

— — — маленькой собачкой бѣжитъ Оля: сѣрая, коричневая, а подъ горломъ бѣлсе пятнышко. Бѣжитъ она —

«несетъ для всего міра!»

пробѣжала по соломѣ, спѣшить, запыхалась. Пусто кругомъ — пустырь. И чувствуетъ она: кто-то и еще есть съ ней, только она не видитъ. И вдругъ — это тотъ невидимый — провелъ пальцемъ по ея спинѣ — и такъ глубоко вдавился палецъ — до тѣла — до ея человѣческаго тѣла — —

Окна открыты, занавѣсы спущены.
Мимо дома по улицѣ проходятъ съ пѣснями.

*ой, у лузи та и при берези
червона калина*

Пѣсня звучить зловѣще.
«Умные люди по-праздникамъ спать ложатся!» — говорить кто-то.
И отъ этихъ словъ еще жутче.
Въ домѣ живетъ старуха, дальняя родственница: глаза черные на выкатѣ, носъ широченный, губы тонкіе змѣйкой. Старуха все крадетъ: цвѣты, камушки...
«Миша, давай мы съ ней управимся!»
Миша подошелъ къ старухѣ, да за руку ее — и посадилъ на стулъ. Тутъ ее Оля за другую руку. А старуха на Олю посмотрѣла: глаза черные на выкатѣ, носъ широченный, губы тонкіе змѣйкой —
«Хоть и одна ручка осталась, а со мной не справитесь!»
Да двумя пальцами Олѣ въ руку — ногти огромные вкололись — и прошли руку насквозь.
«Какъ! — крикнула Оля, — не справимся? Вонъ!»
А за окномъ еще зловѣщій —

*було б тобі, моя рідна мати,
тих брив не давати
було б тобі, моя рідна мати,
счастье — долю дати.*

*

Наталья Ивановна принесла вишнева-го варенья съ косточками.

«Это послѣднее, — сказала она, — больше никогда такого не будетъ!»

И видитъ Оля, какъ отъ словъ мамы у любимой бабушки Татьяны Алексѣвны лицо стало маленькое, а глаза остеклелись и только въ глубинѣ ихъ настоящіе. Оля — въ садъ черезъ балконъ. Балконъ въ Меженинкѣ давнымъ давно провалился, а вотъ будто цѣлехонекъ.

Темно въ саду. Деревья жмутся — качаются, но тихо, безъ шума.

И вдругъ выскочила собака — не меженинская, не ватагинская, огромная, какъ волкъ — и прямо на Олю.

Оля чувствуетъ: заморожена собака, а заморозилъ ее тотъ, кто любитъ Олю, — и бросилась, а не кусаетъ, только теребить руку.

И вдругъ собака поднялась на воздухъ — отъ злости поднялась собака на воздухъ — и тамъ закружилась.

ИЗЪ-ПОДЪ ОПЕКИ

Кровать, комодъ, два стола — одинъ заниматься, другой для ѣды. Этажерка — книги. На комодѣ зубной порошокъ. Въмѣсто шкапа завѣшено простыней въ уголку. На стѣнѣ Михайловскій.

Чистая, свѣтлая, теплая.

Хозяйка — Ксенья Ивановна, милліонъ дѣтей

— именъ не хватило: и старшая дочь Леля и самая младшая Леля.

На одну сторону — глухая стѣна, на другую — дверь, заставленная комодомъ.

Черезъ дверь — поетъ сосѣдка:

*высокій стройный весь въ кудряхъ,
полукафтанъ на немъ широкій
и шляпа черная въ рукахъ —*

Придетъ Черкасовъ — и вмѣстѣ пойдутъ въ университетъ на засѣданіе «Историческаго общества.»

— Ахъ, Зина, если бы мнѣ отъ него избавиться: онъ будто какія-то права на меня имѣетъ. И я его ненавиждѣть начинаю. Написалъ мнѣ: будетъ меня ждать на своей станціи, чтобы вмѣстѣ въ Петербургъ ѣхать, а то будто мнѣ одной ѣхать неудобно. Ну, я на письмо не отвѣтила: чтобы не могъ знать дня моего выѣзда. Что жъ ты думаешь, подѣзжаю къ Шумовкѣ, его станція, вижу издали — стоимъ. Я въ уборную спряталась. И вышла, когда поѣздъ тронулся и полнымъ ходомъ шель. Боялась, будетъ меня по вагонамъ искать.

Ну, наконецъ-то — — —

Зина надѣла теплую кофту. А у Оли шуба длинная бѣличья, но она — коротенькую осеннюю кофточку.

— Очень холодно, — говоритъ Черкасовъ, — надѣвайте шубу!

Оля продолжаетъ застегиваться.

— Ужасно холодно, это невозможно. Скажите жъ ей: вѣдь этакъ — легко простудиться!

— Да какое вамъ дѣло, въ какой я кофтѣ хожу? Ну, скажите, какое?

— Ужасный холодъ: я боюсь, вы простудитесь.

— Никакого вамъ дѣла нѣтъ. Захожу — безъ кофты пойду. Я никогда не позволю. Я наконецъ вырвалась изъ-подъ родительской опеки. Вы меня будете

опекать? Ненавижу опеки! — Несчастнѣй меня нѣтъ
человѣка! — Я не знаю, что это такое!

— Оля, что ты, голубчикъ? что ты раскрича-
лась такъ?

— И ты тоже!

— Да нѣтъ, нѣтъ, иди въ этой кофтѣ.

*высокій стройный весь въ кудряхъ,
полукафтанъ на немъ широкій
и шляпа черная въ рукахъ —*

Черкасовъ несетъ шубу — «на случай».

Оля впереди:

ей холодно, но дѣлаетъ видъ, что ей тепло.

Утромъ по дорогѣ на Курсы —

медленно идетъ Анна Ивановна Синицына,
медленная, одна.

«Какая она счастливая: одна! свободная!»

И вспоминаются Олѣ всѣ вечера — ни одного
безъ Черкасова, постоянно.

«А я какъ связанная!»

*

По дорогѣ домой съ реферата —

Зина Орловой:

— Надо что-нибудь такое сдѣлать, чтобы Чер-
касовъ пересталъ ходить. Посмотрите, во что Оля об-
ратилась: такъ раздражена!

— Тебѣ нѣтъ до меня никакого дѣла! — откри-
кнула Оля, — ты мнѣ, какъ Черкасовъ, надоѣла.

Орлова Зинѣ:

— Вы такъ терпите отъ Оли! У васъ какъ будто
и самолюбія нѣтъ.

Зина — засопѣла.

И больше ни слова до дому.

У фонаря передъ воротами:

— Зина, милая, пойдемъ ко мнѣ новевать! —
Оля погладила ея руку.

И Зина, какъ озарилась:

— Вотъ изъ-за такихъ минутъ я и терплю!

*

«я виновата передъ тобой, Зина, я это сознаю. Вѣдь ты меня любила всегда ровно, ты меня всегда такъ любила, какъ я теперь тебя люблю. Помню я одинъ день: папа мой умеръ. Я шла объѣдать и встрѣтила тебя. Никогда не забуду твоего лица въ тотъ мигъ, когда ты меня увидала: любовь, состраданіе, желаніе помочь — все выражалось въ немъ. Мы долго ходили по Среднему проспекту. Я была счастлива въ тотъ день, я рѣдко бывала такъ счастлива, какъ тогда.»

*

До петербургской встрѣчи съ Олей для Черкасова «революція» была такъ — никакого особеннаго значенія.

Онъ не вѣрилъ ни въ какіе «революціи»: ни бомбы, ни войны, ни «покушенія» — никакіе соціальныя катастрофы не то чтобы пересоздать человѣка, но и измѣнить его ни въ чемъ не измѣняютъ — и злой злымъ «злюкой» и останется и расчетливый не сдѣлается расчетливымъ, а дуракъ умникомъ, завистливый не станетъ понятливымъ, а хвастунъ скромнымъ, царствуетъ ли «на страхъ врагамъ» царь или станетъ у власти Сергѣй Рашевскій, царская ли Россія или социалистическая — все едино.

И когда онъ однажды спросилъ Сергѣя Рашевского:

«А меня куда же вы дѣнете послѣ революціи?»

Рашевскій добродушно отвѣтилъ:

«Въ каталашку посадимъ.»

Черкасовъ никакъ не «революціонеръ» — какой-нибудь случайный взглядъ прохожаго, «вскользъ замѣчаніе» или «семейная сцена за стѣной» для него куда значительнѣе, т. е. онъ тоже, какъ и каждый, вѣрить во что-то, и именно вѣрить въ «личное», «случайное», «не важное», «мелочи», «пустяки и подробности», тѣ подробности «къ дѣлу неидущія», но какія почему-то каждымъ приплетаются да и самой жизнью наматываются на такъ называемое «главное» и «важное».

«А когда цѣлый народъ вскрикнетъ «за стѣной», цѣлый народъ заерзаетъ, это какъ по вашему?» — замѣтилъ Котельниковъ, пріятель Рашевского.

«Т. е. революція! Понимаю. Это — теорія. Надо, чтобы тебя ущипнуло. А цѣлый народъ — это теорія.»

Черкасовъ разошелся съ своими товарищами, но когда увидѣлъ, что для Оли «революція» начинается получать самый главный смыслъ жизни, онъ снова сблизился съ оставшимся на свободѣ изъ кружка Рашевского: это давало ему матеріалъ для разговора съ Олей и всегда предлогъ зайти къ ней. Когда не было «нелегальнаго» — никакихъ прокламацій, онъ приносилъ журналы, книги — и такія, которые трудно достать — а потомъ забѣгалъ спросить: прочитала ли она?

Такъ всякій день — ни одного вечера безъ Черкасова — постоянно.

— — —

— Я прошу васъ — не стѣсняйте меня, пожалуйста! Не приставайте ко мнѣ со своими заботами. И вообще не накладывайте руку на мою жизнь. Я не люблю этого. Я сама знаю, какъ мнѣ жить. Не приходите такъ часто — я просто возненавидѣла васъ!

Оля не говорила — а что-то въ ней, какъ ножомъ — слова ея — ножъ.

Онъ видѣлъ: лицо ея окаменѣло, зубы стиснуты — вотъ ударить! —

или нѣтъ отвратительнѣе человѣка, который оцѣпляетъ своею любовью тебя, — безъ взаимной любви?

Онъ видѣлъ это непохожее жестокое лицо — и глядѣлъ прямо въ неумолимые глаза ей, покорно, готовый —

или боль и ласка одно? Ннѣ-ѣтъ —

И вдругъ опять — онъ видитъ — «въ полѣ бла-
житномъ»

Оля — та Оля!

— Вы не сердитесь! Мнѣ неловко, что я такъ сказала. Вы не сердитесь!

— Нѣтъ — я не сержусь. Я — знаю.

*

Черкасовъ зналъ: рано или поздно такъ должно было случиться —

Оля не только не любить его — это-то онъ давно понялъ — а еще и — — и одно остается:

«Надо все забыть!»

Цѣлый мѣсяцъ онъ не ходилъ къ ней — избѣгалъ встрѣчи, какъ пропалъ.

И за этотъ мѣсяцъ мысль его пробралась черезъ всѣ лазейки, которыя ведутъ къ самому мирному — къ забыть —

а забыть-то нельзя!

Когда онъ вышелъ тогда, какъ обрадовался: ужъ такъ ясно — надѣяться нечего! И вдругъ почувствовалъ острую обиду — а мстить некому — — нѣтъ, одно осталось:

«Отрѣзать себя отъ всякой памяти!»

И онъ написалъ Олѣ: просилъ притти къ нему.

И вотъ ждетъ — —

— — — —

Комната, какъ у Оли. Также этажерка — книги. Только надъ кроватью Достоевскій —

на Достоевскаго Оля смотритъ всегда съ удивленіемъ, она прочитала его еще гимназисткой: «такого замѣчательнаго писателя сослали! четыре года въ каторгѣ пробыль!»

— — — —

Шкатулка изъ карельской березы — Черкасовъ купилъ ее, когда рѣшилъ безповоротно устранить всякую память и уѣхать изъ Петербурга — шкатулка ему, какъ гробъ.

Письма Оли и карточки ея хранились въ особомъ ящикѣ, куда онъ больше ничего не клалъ, ихъ было не такъ много, но онъ медлилъ —

бережно бралъ конвертъ, еще бережнѣе вынималъ письмо, перечитывалъ.

Онъ никакъ не могъ разстаться и уложить въ этотъ гробъ, что было и есть и будетъ для него (забыть-то вѣрно нельзя!) самымъ святымъ.

Карточки онъ уложилъ въ одинъ конвертъ: ихъ было десять — и гимназическіе и курсовые.

— Тюхъ-тюхъ! — представилъ онъ Олю:

такъ Оля соловья представляла: «тюхъ-тюхъ!»

И сталъ ходить отъ окна и до двери —

и отъ двери къ окну —

Въ окно зеленый туманъ, сквозь туманъ электрическіе фонари.

«Варины именины!» — сестру вспомнилъ и съ ней Бобровку, Нелиду Максимовну и Кушку, Федора Фаллалеевича и чудеснаго журавля, полетѣть къ солнцу по «финикулярной» дорогѣ, весь домъ, лѣто — все, все, что было связано съ Олей. Или никогда не забыть?

«Ахъ забылъ!» — и онъ бросился къ книгамъ — вотъ-вотъ придетъ Оля! — вытащилъ «Лекціи» Ключевского, положилъ къ шкатулкѣ.

Шкатулка — Ключевскій:

*«Слушательницъ Высшихъ Женскихъ Кур-
совъ Ольга Александровна Ильменевой.
Знаніе и народъ — вотъ два слова, кото-
рыми я опредѣляю смыслъ и цѣль своей
жизни.»*

— Тюхъ-тюхъ — а вышло горько —
сквозь зеленый туманъ — «огненной пастью,
въ полѣ блакитномъ» —

Оля.

— — —

А ужъ онъ и не знаетъ, какъ.

— Вотъ шкатулка.

— — —

— Тамъ ваши письма и карточки — возьмите!
И сквозь зеленый туманъ:

— Можеть быть, мнѣ будетъ легче, когда ихъ
не будетъ.

И вдругъ испугался:

днемъ фонари — это страшно: только по-
койниковъ возятъ!

— Не уничтожайте! Полежать у васъ, а потомъ
опять мнѣ!

— — а это — это лекціи Ключевского.

«Лекціи» Ключевского — большая рѣдкость!

Оля взяла шкатулку, взяла книгу —

— Посидите немножко! — загородилъ дорогу
и такъ просить, — посидите у меня!

Въ дверь постучали.

— Я никого не пушу! — онъ выпрямился весь,
кулаки —

если бы вздумалось кому — —

А никого не было.

Или фонащикъ въ цилиндрѣ?

— Тутъ живетъ шпионъ! — показалъ онъ на дверь.

Эта дверь, какъ у Оли, за комодомъ.

Оля съела и вдругъ воднялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, — онъ опять испугался, — я думаю, не за мной!

— Достаньте мнѣ Календарь Народной воли! — сказала Оля.

«Календарь Народной воли» — еще болѣшая рѣдкость, чѣмъ «Лекціи».

— Не могу.

И онъ тяжело сѣлъ.

И давъ зарокъ, нарушилъ : сталъ говорить о своей любви — что не можетъ унять, не можетъ забыть; и объ одномъ просить, чтобы сказала ему —

что она его хоть немного любитъ!

Оля ничего не отвѣтила — и чего отвѣтить?

Такъ и ушла.

И было у нея такое чувство:

и радость — «наконецъ-то свободна!»

и тяжесть непомѣрная — «не сбросишь!»

А онъ — одинъ — и ничего — никакой памяти — зеленый туманъ —

остается уѣхать и — — конецъ.

И тутъ почувствовалъ онъ въ себѣ, какъ всегда, жесточайшій азартный упоръ — онъ чувствовалъ это всегда, когда надо было что-нибудь дѣлать безповоротно —

когда надо было на поѣздъ и по часамъ выходило пора, онъ начиналъ заниматься всякой ерундой или просто сидить, смотря на часы и наблюдая, какъ съ каждой минутой остается все меньше и меньше поспѣть; тоже и съ назначенными и условленными часами, когда надо итти, чтобы встрѣтить или застать, вообще поспѣть, къ доктору ли на пріемъ, въ полицію, на экзамены; только другая какая-то «жизненная» сила въ немъ же самомъ сдвигала его съ мѣста, подымая изъ его упора.

И теперь, когда «надо было уѣхать» — —

Ничего Оля не умѣла дѣлать, только Оля умѣла паску: сырную и куличъ —

няньки Фатевны наука.

И затѣяла Оля сдѣлать паску.

Зина и весь «милліонъ» хозяйки Ксеніи Ивановны отъ старшей Лели до самой младшей Лели и Веніаминъ Валерьяновичъ, сынъ хозяйкинъ, всѣ поставлены на работу:

одинъ — вымочивъ миндаль, чистилъ,

другой — теръ миндаль на теркѣ,

третій — засучивъ рукава, растиралъ на ситѣ творогъ,

четвертый — трудится надъ мокотрой: лопаточкой мѣшалъ тѣсто,

пятый — мѣсилъ,

шестой подбрасывалъ —

у седьмого была работа: держать макотру, чтобы не скувыркнулась,

восьмой — работалъ надъ масломъ: надо чтобы масло растопилось, а не закипѣло, (Боже сохрани, что бы закипѣло!)

девятый — при яйцахъ находился: выпускалъ, отдѣляя желтокъ отъ бѣлка,

десятый — при молокѣ,

одиннадцатый — у печки, бережетъ духовку: чтобы было парно, но никакъ не жгло.

двѣнадцатый — бумагу рѣжетъ для формъ,

тринадцатый — масломъ смазываетъ,

четынадцатый — — всѣмъ работа, всему милліону!

Веніаминъ Валерьяновичъ не выдержалъ — тѣсто мѣсилъ! — и подъ благовиднымъ предлогомъ сбѣжалъ. Ну, и безъ него — Зина, сама Оля и отъ старшей Лели до младшей Лели безъ одного милліонъ! Самая млад-

шая Леля наташила булыжниковъ съ мостовой: что-бы подъ прессъ паску поставить.

И поднялся куличъ: на руку — пухъ, откусишь — медъ, а духъ, никакія англійскія духи такъ не пахнуть и цвѣтовъ такихъ ни на поляхъ, ни въ оранжереяхъ еще не цвѣло! и не съѣсть еще куска никакъ невозможно и нѣтъ такого азартного упора остановить чтобъ; а паска — прямо на языкъ таетъ! —

няньки Фатевны наука.

Вечеромъ Оля угощала паской Зину.

И что-то съ земли, съ Ватагина было въ комнатѣ и по всей квартирѣ, и сосѣдка жилица за дверью даже пѣть перестала и, напившись чаю съ Олиной паской, сидѣла смирно и нюхала.

Ксенія Ивановна постучала къ Олѣ за іодомъ: Веніаминъ Валерьяновичъ, сбѣжавшій подъ благовиднымъ предлогомъ, чувствуя свою вину передъ Олей, стругалъ палочку для провѣрки тѣста «на будущее время» и обрѣзалъ себѣ палець.

Оля рассказала, какъ она лѣчила бабу іодомъ — Заболѣла баба сосѣдка. Ея дочка на ватагинскомъ огородѣ работала, Евлашка. Баба Авдотья. Оля тогда на каникулы изъ Петербурга пріѣхала и сразу пошла слава. Евлашка рассказала Олѣ о матери: больна — «въ грудяхъ колеть!» И проситъ чего-нибудь дать помазать. «Я сейчасу приду, сказала Оля, принесу іоду!»

— У мамы много пузырьковъ на комодѣ за зеркаломъ на всякій случай: и сода и мятные капли и борная. Смотрю, большая бутылка: *Іодъ*. Я взяла бутылку и къ бабѣ. Натерли ей спину, грудь. Вся бутылка вышла. Не пожалѣла.

Оля никогда не жалѣетъ, и за что примется — во всю.

— Всѣ руки выпачкала. Едва отмыла. На другой день спрашиваю Евлашку: что мать? «Лучше!

Пошла навѣщать. «Совсѣмъ хорошо». И поправилась Авдотья.

Прошло нѣсколько недѣль, собралась Ирина ѣхать на вечеръ, а были у нея туфли бронзоваго цвѣту. «Гдѣ, ищеть, мой лакъ для туфель?» По всѣмъ угламъ во всѣхъ комнатахъ ищеть, всѣхъ спрашиваетъ. И ужъ подъ послѣдокъ къ Олѣ: «Оля, не видела ли ты мой лакъ отъ туфель — такая бутылка: Іодъ написанъ?»

НЕ ИЗЪ ГОВОРЯЩИХЪ.

Анна Ивановна Синицына — не изъ говорящихъ.

Бываютъ же такія кроткія — не говорящія, оттого и имя у нихъ такое — домашнее, тихое, ну вотъ, какъ Анна Ивановна.

Старше Оли курсомъ, а по лѣтамъ вдвое: за тридцать.

Полная, медленная, неповоротливая, а глаза добрые — и оттого, что рябая, еще добрѣе смотреть — обыкновенно, какъ разъ наоборотъ: рябой, ой!

Олю съ первой же встрѣчи стала называть Олей — а Оля ее — Анна Ивановна.

На собраніяхъ «Кружка декабристокъ» — такой кружокъ на Курсахъ: рефераты по «исторіи общественнаго движенія въ Россіи» — бывала, но рѣдко. Встрѣчались на Курсахъ.

Ничего такого — Оля даже не знала, откуда Анна Ивановна и какъ она жила раньше, да и Анна Ивановна ничего не знала о Олѣ, а встрѣтить Олю, и такъ всегда обрадуется, — такъ ласково, добро добрыми глазами смотреть.

«Она за мной никогда не поспѣетъ — думала Оля, — но она очень хорошая!»

А Анну Ивановну Оля радовала —

— Какъ познакомишься ближе съ курсисткой, такъ она и исчерпается! — сказала какъ-то Зина.

— Такъ нехорошо говорить — возразила Анна Ивановна, — у васъ и Оля исчерпается!

— Да вотъ — не исчерпывается никакъ!

Неисчерпаемость эта, въ которую вѣрила и восхищалась Зина, радовала Анну Ивановну.

*

Часъ былъ поздній.

Анна Ивановна положила подъ подушку чайникъ — самовара больше не дадутъ! — и подумала: почтаетъ книжку, выпьетъ чаю и спать.

Тамъ за окномъ декабрь, а въ комнатѣ тепло и книга интересная: «Разказы» Чирикова. Есть и еще: Сеньбось, «Политическая исторія современной Европы», — два тома. Надо постараться.

Въ книгѣ для Анны Ивановны — все.

Другой жизни у нея нѣтъ.

Анна Ивановна знаетъ хорошо: тамъ, гдѣ людно, тамъ ей не мѣсто — тамъ надо чѣмъ-нибудь брать, а ей нечѣмъ. Когда она научится, кончить Курсы — она будетъ — «культурной работницей» будетъ — «приносить посильную пользу народу», «незамѣтная труженица».

Сеньбоса «Политическую исторію» она отложила: надо съ выписками! — сѣла за Чирикова.

Очень интересно —

— — стукъ —

Оля!

«Такъ поздно?»

— Анна Ивановна, дорогая, пойдемте на вечеръ Лѣсниковъ!

Оля не собиралась, ей вдругъ захотѣлось на этотъ

вечерь. А Зину не застала. И вотъ она пришла уговорить Анну Ивановну итти вмѣстѣ.

— Но такъ поздно, Оля!

Анна Ивановна и обрадовалась — она всегда радовалась Олѣ — и шевельнулось тайное: тянетъ вѣдь на люди! И не хочется: начала Чирикова — и все-то разстроилось.

— Да что же такого, Анна Ивановна, ну не къ началу поспѣемъ.

— Что жъ, я съ вами пойду, да вы меня оставите.

— Да не оставлю, Анна Ивановна. Вмѣстѣ пойдемъ.

— Да вы, Оля, лучше у меня посидите. Напьемся чаю.

— Пойдемте, Анна Ивановна: тамъ все въ елкахъ убрано. Ближе къ природѣ.

— Ну, ладно, — согласилась Анна Ивановна, — да вы меня не оставите?

— Не оставлю Анна Ивановна.

Оля была въ бѣленькой кофточкѣ, нарядная — Анна Ивановна надѣла свое парадное синее платье.

Анна Ивановна жила на Васильевскомъ островѣ, на Маломъ проспектѣ около Трубочнаго завода. Въ Дворянское собраніе поѣхали на извозчикѣ.

И дорогой Анна Ивановна вдругъ спохватывалась:

«Оля ее оставить!»

— Да не оставлю, Анна Ивановна! — повторяла Оля.

*

Михайловская не Тучкова набережная — на вечеръ опоздали. Но это ничего! Взяли «входные» билеты. Раздѣлились подъ общій номерокъ — чтобы ужъ вмѣстѣ! И въ залъ — въ толчею.

У Оли столько знакомыхъ: одинъ подошелъ, другой, третій —

Анну Ивановну и оттерли.

За разговоромъ Оля и не замѣтила.

Антрактъ —

двѣ волны идутъ і — —

Оля идетъ бурно въ своей волнѣ, очень ей весело. Бутоньерка съ цвѣтами еще алѣй цвѣтетъ на ея бѣломъ. Вокругъ нея столько — и лѣсники и горняки и студенты — и невозможно со всѣми разговаривать.

А навстрѣчу въ другой волнѣ Анна Ивановна — попала въ волну и движется.

И вдругъ увидѣла:

— Оля, номерокъ?

И смотреть — добро смотреть —

голова на бокъ, руки опущены.

Но волна захлестнула — Оля ничего не успѣла!
— пропала Анна Ивановна.

Такъ до самаго до конца вечера.

И гдѣ была Анна Ивановна — Оля ни разу не вспомнила.

Когда кончился вечеръ, Оля нашла ее у лѣстницы: стоитъ ждать —

безъ Оли ей вѣдь никакъ не выйти!

Анна Ивановна весь вечеръ то въ волнѣ, то въ толчеѣ, одна. А какъ бы тихо провела она вечеръ дома, — за книжкой. И не уйти вѣдь: безъ номерка платья не выдадутъ, номерокъ у Оли. Анна Ивановна роптала — голова на бокъ, руки опущены — Господи! Но какъ увидѣла Олю: Оля глядѣла такая — все въ ней — гори-гори ясно!

— Анна Ивановна, не-сердитесь!

— Я не сержусь — Оля!

*

Разговоръ за спиной:

«Мнѣ не нравится Оля: какая-то ханжа, зажигаетъ лампадку и всѣмъ улыбается! И кто ее знаетъ: кто ей нравится, кто не нравится?»

«Мнѣ нравится: она вся — самопожертвованіе».

Оля слышала — это было еще въ началѣ ея курсовой жизни — и съ тѣхъ поръ стала замѣчать за собой: улыбается она или нѣтъ.

А раньше и не догадывалась.

Когда она пріѣхала въ Петербургъ, она всѣмъ вѣрила — во всѣхъ видѣла хорошихъ людей и въ каждомъ — человѣка, желающаго ей добра. И вотъ, встрѣчаясь, всѣмъ улыбалась.

Эта улыбка ея — отъ глубокой вѣры въ доброту и желанность человѣка. А отъ глубины вѣры — свѣтъ.

Вѣдь вѣра — огонь!

Улыбка ея чаровала — привязывала.

А привязанность къ ней, что покорность.

Медленная Анна Ивановна стала чаще приходить на собранія кружка.

Анна Ивановна прочитала Маркса и Николая — она — это въ основу. И много другого: отъ Гобсона, «Эволюція современнаго капитализма» до «Элементарной политики» Томаса Ралей, «Стихотворенія» П. Я., «Современное положеніе ученія о валютѣ» — Лексиса и статью Павловскаго, «Теорія взаимнаго кредита».

Неговорящая Анна Ивановна вдругъ заговорила

Но то, о чемъ она заговорила, и какъ заговорила, привело Олю въ ужасъ:

Оля сразу почувствовала, что Анна Ивановна «склоняется» къ с-д.

Это «склоненіе» обыкновенно выражалось въ тонѣ рѣчи: изъ неувѣренной становилась увѣренной — «марксисткой», а для начала говорили, будто нѣтъ разницы между с-д и с-р.

А вѣдь для Оли — «нѣтъ разницы!» — это кощунство.

Цѣлую ночь не могла Оля успокоиться.

И только подъ утро додумала. Рѣшила написать письмо.

И написала:

« — — я вижу прекрасно, что вы склоняетесь къ с-д, и прекращаю въ вами всякое знакомство — »

Утромъ до Курсовъ — къ Аннѣ Ивановнѣ:

Анна Ивановна что-то дѣлала, зашивала
что-то.

— Вотъ вамъ письмо.

— Садитесь , Оля.

Оля сѣла.

— — — —

— Да что вы, Оля! Я нисколько не склоняюсь!

Оля молча поднялась.

— Вы пойдете, Оля, сегодня на Курсы?

— Да.

И ушла.

А на другой день на Курсахъ —

Оля быстро проходить по залу —

Анна Ивановна медленно ей навстрѣчу, увидѣла Олю и такъ кланяется — —

А Оля голову вверхъ:

чтобы не подумала, что и она.

*

Студентъ Фроловъ — самый веселый изъ говорящихъ.

Фроловъ: «Идеальныхъ мужчинъ можно найти, а женщинъ нѣтъ.»

Оля: «Нѣтъ, есть.»

Фроловъ: «Ну, кто же, Башкирцева?»

Оля: «Нѣтъ»

Фроловъ: «Ну, Софья Ковалевская?»

Оля: «Нѣтъ».

Фроловъ: «Ну, кто же?»

А Оля думаетъ: «Софья Перовская.»

И не говорить, не хочеть: это имя — это такое святое для нея! — и она не можетъ такъ просто произнести для разговору;

какъ никому никогда не скажетъ о самомъ святомъ своемъ — о Пасхѣ: потому что за-смѣютъ.

А «Пасха» — основа ея «революціи».

Еще въ дѣтствѣ, когда думала она о «Страстяхъ», то много мучилась:

«Вотъ это было и изъ-за меня, потому что и за всѣхъ.»

И ей казалась самая лучшая дорога въ жизни — пострадать за другихъ.

*

Олѣ было стыдно жить спокойно и хорошо, когда другимъ плохо.

«Не хочу быть рабою съ рабами, а хочу быть съ тѣми, кого гонять за то, что хотять устроить счастье на землѣ, съ тѣми, кто за это гибнетъ — хочу и сама пострадать!»

С.-р. привлекали ее, потому что, какъ ей казалось, они не матеріалисты и именно хотять пострадать — погибнуть; с.-д. своимъ матеріализмомъ отталкивали ее и оскорбляли ея вѣру — ея «Пасху».

Курсистка Орлова, старшая — по лѣтамъ, какъ Анна Ивановна, — ее Оля называла Александрой Александровной, — Орлова однажды замѣтила:

«Что вы, Оля, такъ насъ не любите? И всего-то во всей Россіи кучка людей, которые хотять социализма, и среди этой кучки ненависть.»

А Оля, хоть и одолѣла всю премудрость отъ Маркса, Никола — она до безымянной статьи «О народномъ кадастрѣ» и «Выкупныхъ платежей» Ермолинскаго, никогда не представляла себѣ, что можно жизнь измѣнить такъ, чтобы всѣ были счастливы.

*

Женя Шубина — самая ученая,

Женя: «Я считаю, Оля, что сомнѣвающіеся выше фанатиковъ.»

Оля: «Нѣтъ, фанатики лучше.»

Женя: «Фанатики грубѣе, а сомнѣвающіеся болѣе чуткіе.»

Оля: «Но фанатики непременно что-нибудь да сдѣлаютъ, а эти чуткіе — расплывутся.»

*

Если Анна Ивановна кажется такой необыкновенно медленной, то это только потому, что на свѣтѣ есть Соня Ефимова — живая, веселая, тоненькая — ровестница Оли.

Но по привязанности къ Олѣ ни одна не уступить: тутъ безразлично — что медленный, что быстрый.

Соня Ефимова, какъ и Анна Ивановна, не изъ говорящихъ.

Но она ни с.-д, ни с.-р и ни къ чему не «склоняется», просто барышня.

Соня часто провожаетъ Олю съ Курсовъ домой. И всю дорогу громко въ глаза восхищается ею.

Олѣ она нравилась, но какъ была далека!

Оля никакъ не могла помириться съ ея полнымъ равнодушіемъ къ самому главному — къ «революціи», и что для нея совсѣмъ неважно: с.-р или с.-д.

Женя Шубина тоже, но Женя, занимаясь наукой, все-таки «склонялась» къ с.-р, а для Сони все равно.

— Не будьте такой нетерпимой, Оля. Воть я люблю васъ и вы мнѣ милы просто, какъ человѣкъ. А вы меня такъ отпугиваете всегда.

Оля хотѣла рѣзко отвѣтить, но ее обезоруживали слова Сони — всегда нѣжныя.

Но однажды отвѣтила:

— Хорошіе только и бываютъ революціонеры.

Передъ Курсовымъ вечеромъ распредѣляли почетные билеты и большая была борьба между с-р и с-д: кому послать — оставался всего одинъ билетъ — Мякотину или Мартову?

Женя Шубина ходила по аудиторіи съ листомъ и всѣ подписывались: кто за кого.

Оля подписала на Мякотина.

И слышитъ — Соня:

— Я подпишусь на Мякотина, чтобы доставить Олѣ удовольствіе.

— Какъ? чтобы мнѣ удовольствіе! — крикнула Оля, — вы будете подписываться на Мякотина? Никогда! Женя, вычеркни. А съ вами я не желаю больше быть знакомой.

И перестала кланяться съ Соней —

какъ тогда съ Анной Ивановной.

Встрѣчаясь, Оля такъ могла смотрѣть — смотрѣла, а будто не видѣла.

*

А это потомъ —

Не черезъ годъ, черезъ два —

Не въ аудиторіи, не на шумномъ Курсовомъ вечерѣ, не въ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ, а въ тюрьмѣ — въ Предварилкѣ на Шпалерной.

Въ тюрьмѣ Оля все припомнить.

Вспомнить и Анну Ивановну и Соню — добрую медленную Анну Ивановну, нѣжную живую Соню.

Сонѣ она написала письмо — зашифровала «— не сердитесь, что я къ вамъ была рѣзка, не сердитесь на меня».

И получила отвѣтъ — по почтѣ черезъ жандармовъ:

«я васъ считаю выше всѣхъ людей!»

И съ письмомъ — ангелъ : на стеклѣ нарисованъ. А когда изъ тюрьмы выпустили, ѣдетъ Оля на извозчикѣ и близко ужъ отъ дома на Среднемъ проспектѣ — навстрѣчу ей медленно Анна Ивановна.

Оля схватила извозчика да [что есть голоса:

— Анна Ивановна!

Та вскинулась — не вѣрить! — а повѣрила:
— Оля! Вы такъ измѣнились: вы — меня позвали!

Н Е Л Ъ З Я

Люди дѣлятся: на просто хорошихъ и замѣчательныхъ —

просто хорошіе — это тѣ, кто идетъ на жертву за другихъ, замѣчательные — кто идетъ на жертву до конца и ничего личного не имѣетъ.

Напримѣръ, замѣчательный человекъ не можетъ жениться.

— Жениться или выйти замужъ — нельзя!

На Курсахъ былъ устроенъ «Бракоразводный комитетъ», влившійся потомъ въ «Струю единенія». Зачинщица: Варя Финикова, Оля, Лида Алексѣева и Нина Мавлютина. Цѣль комитета: предупреждать браки —

«а если не удастся, то разводить».

Когда узнавали, что какая-нибудь «стоящая», т. е. революціонная курсистка выходитъ замужъ или «стоящій» студентъ женится, посылалось письмо —
стихи:

*есть дни, когда такъ пошлъ
вѣнецъ любви и счастья!*

Комитетъ дѣйствовалъ. Но къ великому сгорченію ни одного брака не предупредили и никого не развели: кому задумалось, также женился, какъ и до стиховъ, и кому рѣшено, выходилъ замужъ и со стихомъ.

«Стоящая» курсистка Надя Ширяева вышла замужъ за студента лѣсника Кожевникова, тоже «стоящаго». Пришла на Курсы. Здороваается.

— Оля, я въ вашихъ глазахъ потеряла половину?
Оля сурово:

— Нѣтъ, три четверти.

Елена Ивановна Мавлютина, мать Нины, пошла на пари съ Олей:

«Если до двадцати пяти лѣтъ Оля не выйдетъ замужъ, она дастъ сто рублей Олѣ и сто рублей Нинѣ; если же выйдетъ — »

— Мнѣ отъ васъ ничего не надо.

А Оля:

— Лучше въ могилу, чѣмъ замужъ.

И одно жалѣть: ждать долго — цѣлыхъ восемь лѣтъ! — а получить бы сто сейчасъ.

— Нельзя жениться и выходить замужъ.

— Нельзя танцовать.

— Нельзя наряжаться.

— Нельзя причесываться по-модѣ.

— Нельзя — — —чего еще?

Варя Финикова — законодательница «нельзя», она же и образецъ:

большая, бѣлые, какъ ленъ, волосы въ сксб-ку, неизмѣнно въ черной блузѣ со стоячимъ воротникомъ и, хоть ей семнадцать, какъ и Олѣ, а какая-то вся линючая, походка — угломъ, а въ словѣ — подчеркнуто: грубо и рѣзко.

Финиковой старались подражать:

Женя Шубина, совсѣмъ другая, — всякій на нее заглядываль! — Женя старалась размахивать руками, когда съ Варей шла по Среднему проспекту; Оля танцевала, любила танцы — перестала танцевать; Лида Алексѣвна — остригла волосы.

*

Самымъ хорошимъ въ мірѣ — святое имя: Софья Перовская и Вѣра Фигнеръ —

Вѣра Фигнеръ — потому что столько лѣтъ сидѣла въ Шлиссельбургской крѣпости, Софья Перовская — повѣшена: принесла самую большую жертву, какую только можетъ человѣкъ.

На Курсовомъ вечерѣ въ Дворянскомъ собраніи пѣлъ Фигнеръ.

Оля — ей очень понравилось — сидитъ молча. Зина аплодируетъ.

— Почему ты не хлопаешь?

— Его сестра — въ Шлиссельбургской крѣпости, а онъ на императорской сценѣ: я не желаю ему хлопать.

Послѣ Фигнера Тартаковъ.

Оля хлопаетъ — отбила всѣ ладоши.

— А почему ты знаешь, — замѣтила Зина, — можешь, братъ Тартакова въ ссылкѣ?

Оля очень разсердилась.

И главная ея всегдашняя досада: что и Зина не «до конца».

Зина — самая любимая и самая близкая. И Оля часто съ ней ссорится.

Первая крупная ссора изъ-за «нельзя выходить замуж».

Зина сказала:

она не собирается, но, можетъ, когда-нибудь и выйдетъ!»

Оля долго сердилась, а въ день мира Зина ей подарила маленькую колоду картъ — какъ разъ любимое Олино — «маленькое».

И всякій разъ, когда мирились, Зина говорила: — Я хотѣла подойти къ тебѣ и сказать: «Да вѣдь я — Зина! чего же ты сердишься?»

А Оля хотѣла, чтобы Зина такъ же, какъ и она сама была всегда «до конца».

«До-конца» въ духѣ только у Оли — потому она и коноводить. И безъ всякого — въ ней нѣтъ этого, ну чтобы непременно первой:

— Не все ли равно, — говорила Оля, — кто сказалъ, лишь бы было сказано.

А внѣшне — у Финиковой, до опрощенія которой, какъ ни старались, никто не могъ достигнуть — ну, конечно, сама природа помогла ей стать образцомъ.

Не «до -конца» — разное: не «до-конца» — это большинство — это сочувствующіе — это тѣ, что шли «за компанію»:

хотѣли не отстать по виду и какъ можно дольше побережъся.

Оля проходила науки — изучала исторію и философію и литературу — всякіе курсы: Введенскаго, Гревса, Котляревскаго, Платонова, Шляпкина. И все это ей казалось такъ, между прочимъ, самымъ же главнымъ — читать, изучать и разговаривать:

какъ жить той жизнью, чтобы пожертвовать собой, и какъ жили тѣ, кто пожертвовалъ собой?»

Оля думала объ этомъ и додумывала до самыхъ мелочей.

Какъ-то поѣхали въ Лѣсное компаніей. Очень проголодались. И всѣ только объ этомъ и говорили.

А Оля говорить:

— А какъ Перовская 1-го марта утромъ, пила что-нибудь или нѣтъ?

(1-ое марта — день, когда для Перовской опредѣлилась ея жертва.)

Оля никогда не думала,

«что вотъ Перовская убила — »

Оля думала только о томъ,

«что Перовская пожертвовала собой.»

*

Вечеринка —

Конечно, споръ: спорять с. р. и с. -д. —

вздохмаченный мужиковатый «народникъ»
и городской увѣренный, всегда хорошо
одѣтый «марксистъ»,
краснощекая, пышущая паромъ земля и
стальной мѣрный молотъ — кто кого?

Конечно, студентъ Флоровъ — танцоръ, спорщикъ,
запѣвало («Эй вы, синіе мундиры...») — «душа веселья»
по словамъ Сони Ефимовой, всегда танцующей на вечеринкахъ.

Конечно, пѣсни, — революціонныя, студенческія
и непременно —

*закувала та сыза зузуля
раннымъ рано на зари...*

что-то отъ «Слова Игорева», пѣсенъ половецкихъ, запавшее на скованную льдомъ Неву.

И непременно:

«прогрессъ есть постепенное приближеніе
къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно
полному и всестороннему раздѣленію труда
между органами и возможно меньшему
раздѣленію труда между людьми».

И танцуютъ.

Но вечеръ не въ вечеръ и споръ не въ споръ и

прогрессъ не въ прогрессъ и самъ Флоровъ невеселье, если нѣтъ чего-нибудь такого: Чириковъ, на примѣръ, пріѣхалъ —

На вечеринкѣ присутствовалъ вернувшійся изъ Сибири съ каторги старый революціонеръ-народоволецъ. Фамилію его скрывали изъ конспираціи.

Оля была въ восторгѣ — въ первый разъ своими глазами она видѣла того, кто былъ на каторгѣ.

Старикъ тоже заинтересовался и сказалъ Олѣ величайшій комплиментъ, какой только она могла представить себѣ:

онъ сказалъ Олѣ, что она ему напоминаетъ Софью Перовскую.

А на другой день пришелъ къ Олѣ въ гости. Разспрашивалъ о Курсахъ, о ихъ кружкѣ.

А Оля — о своихъ «кумирахъ»:

вѣдь онъ зналъ ихъ лично!

А сама все думаетъ, хочетъ узнать:

просто ли онъ хорошій человѣкъ или замѣчательный, т. е. женатъ или нѣтъ?

А спросить неловко.

И наконецъ придумала:

— А скажите, сколько людей живетъ въ томъ домѣ, въ которомъ вы живете?

Старикъ расхохотался:

— Вы навѣрно хотите знать, женатъ я или нѣтъ?

— — —

— Я женатъ, и у меня дѣти. Вы навѣрно думаете, что нельзя жениться?

Оля смутилась.

Но она ужъ знала:

передъ ней просто хорошій человѣкъ, но не замѣчательный.

*

За Олей студенты ухаживали —

Черкасовъ, Оводовъ, Рашевскій, братъ Зи-

ны, Фридь — у всѣхъ на виду, про это знаютъ всѣ Курсы!

Оля видѣла, что она нравится —
и ей это было пріятно.

Но она никогда не сознается, что это пріятно.

Оля старалась думать, что это очень нехорошо, и что Варя Финикова куда лучше ее:

«потому что за ней никто не ухаживаетъ!»

Само слово «ухаживать» зачислено было въ «нелзя», нелзя было даже произносить его.

Когда Оля пріѣхала на каникулы въ Ватагино, Наталья Ивановна сказала ей:

— У насъ всѣ говорятъ, что Владиміръ Михайловичъ Черкасовъ все для тебя устраивалъ въ Петербургѣ. Вообще ухаживаетъ.

— Мама! — вспыхнула Оля, — не оскорбляй меня: за мной никто не можетъ ухаживать. Это — у васъ.

— Ну, я не знала, какъ это у васъ называютъ.

*

Оля хотѣла жить по той правдѣ, которая открылась ей отъ «Страстей»:

чтобы ее гнали и въ концѣ концовъ она погибла.

Оля хотѣла найти такихъ же — жаждущихъ погибнуть по тому же.

И сначала ей казалось, что и всѣ такъ. Но понемногу она стала замѣчать, что не всѣ, и по другому:

Маня Сажина хочетъ отомстить кому-то за все зло, за всю бѣду, какую она видѣла съ дѣтства — она жила съ матерью и братомъ очень бѣдно; Лида Алексѣевна хочетъ своей гибели, пожалуй, какъ и Оля, но что-то и еще есть въ ней, чего Оля никакъ не пойметъ, только чувствуетъ: Лида кроткая, не властная, покорно готовая — — въ

петлю; Зина Рашевская, самая близкая и любимая. — —

Оля была увѣрена, что и она и Зина «погибнуть» — жить долго не будутъ.

А Зина — Зина хотѣла жить.

— Ну, пускай, Оля, насъ хоть въ каторгу сошлютъ, чтобы только мы жили!

*

На лекціи Гревса по «Исторіи среднихъ вѣковъ» Лида Алексѣева сказала Олѣ:

— Хочешь увидеть Ильину?

— Ну, конечно, хочу.

Оля хорошо знала «Исторію революціоннаго движенія» и это имя было для нея «кумиромъ»:

Ильина двадцать лѣтъ пробыла въ Сибири!

Цѣлой ватагой курсистокъ отправились съ Васильевского острова на Троицкую къ сибирякамъ, приютившимъ Ильину.

Ильина встрѣтила очень ласково.

Ильина разсказывала о Перовской и Желябовѣ.

Оля не проронила ни слова. Но не все было такъ, какъ ей хотѣлось: нѣкоторые слова коробили и удивляли.

«Желябовъ былъ женатъ!»

Если тотъ старикъ-революціонеръ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей — «просто хорошій человекъ» — это возможно, но «замѣчательный» — а другимъ Желябовъ не могъ быть —

— Какъ это можетъ быть? — возмутилась Оля, — неправда!

— Ну, вотъ еще, — разсмѣялась Ильина, — такой красивый, горячій, да ему хоть всякій день влюбляться, а ты ему жениться не позволяешь!

ДЕМОНСТРАЦІЯ

Въ воскресенье затѣяли сниматься.

Въ Александровскомъ саду около Жуковского —
сборный пунктъ:

Оля, Лида Алексѣева, Зина Рашевская,
Маня Сажина, Нина Мавлютина.

Послѣдняя пришла Варя Финикова — опоздала:
она только что встрѣтила Брусилову, хо-
дившую на свиданіе въ Петропавловскую
крѣпость съ курсисткой Фирсовой.

— Фирсова отравилась въ крѣпости ужъ полтора
мѣсяца. Только скрывали... отравилась она потому,
— и ужъ не говорила, а вызвякивала Финикова, — ее
прокуроръ изнасиловалъ!

— Такъ этого оставить нельзя! — вспыхнула Оля.

— Нельзя! нельзя! — выкрикнули вразъ всей ком-
паніей.

— Митюриковъ повѣсился — и это прошло без-
слѣдно. Боровкинъ въ пролетъ бросился —

И Оля стала приводить примѣры тюремныхъ са-
моубійствъ: исторію революціоннаго движенія она
знала лучше всѣхъ.

И подоженной кипящей вереницей шумно тро-
нулись на Невскій къ фотографіи Жукова, чтобы за-
тѣмъ немедленно же приступить къ обсужденію:
что дѣлать?

И безъ того шумно на улицѣ — весна. А когда еще
горитъ — ничего не разберешь: и не одну пластинку
испортилъ фотографъ, пока наконецъ, не шелкнулъ:
Оля, Лида Алексѣева, Зина Рашевская,
Маня Сажина, Нина Мавлютина и Варя
Финикова.

*

Переполненная аудиторія, — весенняя улица:

и ревъ и скребки и слить голосовъ.

Брусилову вытащили на кафедру:

Брусилова — первая и единственная, знавшая о Фирсовой, должна сообщить всѣмъ.

Безголосая — врядъ ли услыхатъ и съ первыхъ рядовъ — застѣнчивая и робкая Брусилова начала.

А слабыя ея слова повторялись громко и по нѣскольку разъ во всѣ концы громкимъ горячимъ кольцомъ курсистокъ:

— Фирсова отравилась въ крѣпости ужъ полтора мѣсяца —

— Только скрывали —

— А отравилась она потому —

И голоса зазвенѣли еще звонче:

— Ее прокуроръ изнасиловалъ —

— Такъ этого оставить нельзя!

— Нельзя! — подхватили, — нельзя!

— Митюрниковъ повѣсился.

— Боровкинъ въ пролетъ бросился.

— Нельзя! нельзя! — кричали со всѣхъ сторонъ и изнутри и съ потолка, изъ самыхъ стѣнъ.

Предложено было обсудить:

что дѣлать?

И гудѣлъ одинъ взрывчатый гудъ:

— Нельзя — — что дѣлать?

И въ концѣ концовъ рѣшено было извѣстить студентовъ и съ ними сговориться.

*

Второй день гудѣли Курсы.

Занятія прекратились. Кромѣ курсистокъ въ аудиторіи никого не пускали.

— Что дѣлать? — другого вопроса не было.

Не пускали и комитетскихъ дамъ: они дежурили на лѣстницѣ и отговаривали курсистокъ, запугивая Курсами:

«Курсы на волоскѣ!»

«Курсы закроютъ!»

«Университетъ не закроютъ, Курсы закроютъ!»

И когда послѣ споровъ и криковъ рѣшили наконецъ отслужить панихиду въ Казанскомъ Соборѣ — «и чтобы какъ можно больше народу!» — и это совпало съ рѣшеніемъ студентовъ, напуганныя курсистки стали вносить свои предложенія.

— Отслужить панихиду въ Исакиевскомъ —
— чтобы не такъ замѣтно.

— Нѣтъ, каждый пусть отслужить отдѣльно отъ себя —

— чтобы совсѣмъ тихо.

И опять все перекувырнулось — безтолочъ, смѣхъ и сердце.

— Глупости! — крикнула Оля и такъ крѣпко: она дѣйствительно была, какъ красное платье («когда осержусь, стану какъ платье!»), съ ней не пошутить.

Свистомъ и смѣхомъ запуганныхъ прогнали.

Пробовала было возразить курсистка Орлова принципиально:

что буржуазная демонстрація не достигнетъ цѣли и что надо, не распыляя силъ, сконцентрировать энергію на болѣе важной работѣ среди рабочихъ.

Но и Орлова поддалась передъ горячностью Оли и уступила, а къ ней присоединилась и другіе с.-д.

Такъ и осталось:

отслужить панихиду въ Казанскомъ,
и чтобы какъ можно больше народу!

Профессоровъ тоже не пускали въ аудиторію.

И все-таки одному удалось: это былъ любимый, хотя и не разъ освищенный, Воркуновъ. И допустили его потому, что одна изъ комитетскихъ дамъ сказала, будто «онъ знаетъ и можетъ сообщить прямое и вѣрное средство.»

Шумъ на минуту улегся.

— Да, это фактъ ужасный, возмутительный, но не этимъ можно помочь...—горячо сказалъ Воркуновъ.

— Какое же средство хочеть сообщить профессоръ?
— громко спросила Зина.

— Молчи! Ты ничего не понимаешь! — крикнула ей съ другого конца Оля.

Но Зина не пронялась и еще разъ повторила вопросъ.

И еще громче и повелительнѣе крикнула ей Оля:

— Молчи! Ты ничего не понимаешь!

И примолкшіе вдругъ хлынули голоса и гуломъ заглушили всѣ слова:

Воркуновъ такъ и ушелъ, пообѣщавъ въ слѣдующій разъ сообщить прямое и вѣрное средство.

Оля распорядилась — за ней и передъ ней живая взбудораженная стѣна.

Зина едва пробралась.

— Оля, почему ты не дала мнѣ говорить?

— Ахъ, какая ты глупая, развѣ можно было объ этомъ спрашивать? Ты знаешь, про какое средство онъ говорилъ?

— Про какое? — виновато посмотрѣла Зина.

— Убить прокурора — вотъ вѣрное средство.

— Убить прокурора! — повторила Зина.

И также, какъ Зина, протиснулась къ Олѣ какая-то незнакомая, невзрачная, замѣтная только своей красной кофточкой.

— Знаете, — сказала она — лучше бы послать письмо матери Фирсовой.

— Да ея мать — прачка: кто ее послушаетъ! — и Оля рѣзко отстранила ее рукой.

Но та и еще разъ — все о письмѣ.

И ужъ Оля просто отпихнула, ничего не отвѣтивъ.

А когда стали расходиться и въ аудиторіи остались только самые неугомонныя, Оля вспомнила эту плюгавку въ красной кофточкѣ и ей захотѣлось отыскать ее, объяснить и извиниться.

Красная кофточка мелькала по группамъ.

И Оля подошла —

ей жалко было заморенную, смотрѣвшую
еще замореннѣе въ своемъ красномъ.

И, какъ только можно, ласково Оля принялась толковать ей, что письмо — безсильно, что мать Фирсовой по своему положенію — прачка! — ничего не можетъ, что ей и пикнуть не дадутъ.

— Да вѣдь она — мать, кому же ближе! — моргала незнакомая.

Но Оля ужъ рассказывала ей о дѣйствительно вѣрномъ средствѣ, которое могло бы поправить что-то:

— Убить прокурора!

— Ильменева! — перебила надзирательница (эту надзирательницу на Курсахъ любили), — Ильменева! Подите сюда!

Оля и не шевельнулась — она продолжала рассказывать незнакомой обиженной ею курсисткѣ о своемъ прямомъ и вѣрномъ средствѣ:

и потому, что это такъ вѣрно,

и потому еще — она хотѣла загладить свою вину передъ ней.

— Ильменева, я васъ очень прошу! — звала надзирательница.

— Да что вамъ надо? — недовольно отозвалась Оля и бросила незнакомую, пошла къ надзирательницѣ.

— А вы знаете, съ кѣмъ вы обнимались?

— — —

— Вѣдь, это шпионка.

*

Канунъ прошелъ въ сплошномъ крикѣ.

Воркуновъ сказалъ-таки о своемъ прямомъ и вѣрномъ средствѣ.

И каково было смущеніе Оли, когда средствомъ оказался совсѣмъ не прокуроръ — «котораго убить на-

до!» — а старая вліятельная фрейлина Лутохина, она же и комитетская дама, къ которой совѣтоваль обратиться профессоръ.

Зина опоздала.

Зина вбѣжала въ аудиторію, когда ужъ свистки выпроводили профессора съ его вѣрнымъ средствомъ, и лишь отдѣльные свистульки прорѣзывали голоса.

— Стачка среди бабъ! Стачка среди бабъ! — бѣгомъ кричала Зина и Олѣ и всѣмъ.

И хотя стачка у Лаферма среди папиросницъ не имѣла никакой связи, но вѣсть о стачкѣ подняла духъ, и еще крѣпче скрутило и еще тверже поставило на своемъ:

завтра въ двѣнадцать въ Казанскій!

*

Какъ прошелъ вечеръ и ночь!

Оля и Зина выбились изъ силъ, ничего не ѣли и не могли заснуть.

А на утро къ полдню студенты и курсистки стали собираться въ Казанскомъ Соборѣ — входили не сразу: Оля пришла со студентомъ Оводовымъ, Зина съ Флоровымъ, и всѣ такъ.

И соборъ наполнился — тѣсно.

Сейчасъ будутъ просить отслужить панихиду: «новопреставленная Варвара.» И, конечно, откажутъ, тогда —

Священникъ отказался служить панихиду.

И тогда — а это было сильнѣе окрика и крѣпче плети! — тогда вразъ тронулись съ мѣста и ужъ не парами, а грозной стѣной — къ выходу. И на паперти громче весеннего стука зеленымъ шумомъ древній русальный кличъ —

вѣчная память

И покатилося — на Невскій, какъ въ разливъ широкая Нева волну катить —

вѣчная память — вѣчная память.

И тутъ произошло, что полагается — демонстрація въ Казанскомъ соборѣ не впервой! — раздѣленные казаками у выхода разбились на три группы и каждая пошла своей дорогой.

Оля очутилась въ группѣ самой громкой на Казанской.

И до самой Казанской части — въ цѣпи жандармовъ — шла съ вѣнками подъ русальный гулъ —

вѣчная память

Оля была счастлива.

*

На опустѣлыхъ Курсахъ большой переполохъ: и то, что Курсы «висѣли на волоскѣ», и то, что курсистокъ задержали въ Казанской части.

Всѣ комитетскія дамы были «поставлены на ноги.»

Директоръ поѣхалъ къ градоначальнику.

— Моихъ-то отпустите! — просилъ директоръ.

— Ваши-то и кашу заварили.

Пришлось воспользоваться указаніемъ «прямого и вѣрнаго средства», предложеннаго курсисткамъ профессоромъ, и съ помощью старой вліятельной фрейлины Лутихиной дѣло уладилось.

Поздно ночью Олю и другихъ курсистокъ выпустили изъ Казанской части.

Курсамъ сдѣланъ «строгій выговоръ.»

И стали поговаривать, что «заварившихъ кашу» вышлютъ, — а они были всѣ на лицо:

Оля, Лида Алексѣева, Зина Рашевская,

Маня Сажина, Нина Мавлютина и Варя Финикова.

— Что же намъ дѣлать, Зина? Намъ могутъ выслать! Хорошо совершеннолѣтнимъ: выбирай городъ или назначать какой, а насъ вѣдь къ родителямъ.

— Что же намъ дѣлать? — приуныла Зина.

— А давай сдѣлаемъ, какъ Софья Ковалевская! — нашла Оля, — мы можемъ фиктивно выйти замужъ.

— Да за кого?

Ломали голову и ничего не могли придумать.

— А вотъ что! — обрадовалась Зина, — у меня есть и еще братъ. — Алексѣй, студентъ въ Казани, и у него, я слышала, большой пріятель — Муратовъ. Давай сдѣлаемъ такъ: я за Муратова, а ты — за Алексѣя. Оля согласилась.

И, не откладывая, написали письмо въ Казань:

«мы, двѣ курсистки, принимали горячее участіе въ демонстраціи и боимся, что насъ вышлютъ. Для насъ хуже всего, если вышлютъ къ родителямъ — а именно къ родителямъ насъ и вышлютъ! Не можете ли вы съ нами повѣнчаться фиктивнымъ образомъ, если насъ будутъ высылать. Отвѣтье поскорѣе, потому что, если вы не согласны, мы обратимся къ другимъ.»

*

На Курсахъ, какъ только объявили о возобновленіи занятій, рѣшено было въ первый же день послѣ лекцій выразить одобреніе тремъ профессорамъ, которыхъ видѣли въ Казанскомъ соборѣ на демонстраціи.

Курсистки выстроились отъ профессорской — въ залъ, по коридору, по лѣстницѣ — до раздѣвальни. И когда проходили профессора, однихъ пропускали мол-

ча, другимъ же «стоящимъ», каждая, аплодируя, говорила: спасибо!

А Воркунова рѣшено было освистать: и за то, что «головы дурилъ» своимъ вѣрнымъ средствомъ и еще за то, что сказалъ:

«демонстрація не поможетъ!»—и еще — «среди курсистокъ есть нѣсколько террористокъ-революціонерокъ, а остальные, какъ стадо барановъ!»

Предлагали освистать въ коридорѣ же, чтобы еще рѣзче было послѣ одобренія «стоящихъ», но «заварившія кашу» воспротивились:

Воркуновъ былъ любимый профессоръ!

Нѣтъ, пусть подъ конецъ его лекціи войдутъ въ аудиторію математички — это и будетъ сигналомъ.

Ожиданіе было ужасно.

И когда стали выходить математички, Соня Ефимова не выдержала и упала въ обморокъ.

— Вотъ результаты вашей демонстраціи! — сказалъ Воркуновъ и вышелъ, какъ вошелъ.

Всѣ были заняты Соней — хрупкая, тоненькая, позеленѣвшая, какъ стеклышко.

Такъ и пронесло — не свистали.

*

Начались экзамены.

Изъ Казани получилось письмо — отвѣтъ.

Писалъ Алексѣй, братъ Зины, и его пріятель Муратовъ, оба и подписались — «студенты второго курса медицинскаго факультета Казанскаго университета.»

«письмо ваше получили и видимъ, что вы дѣвицы молодыя и неопытныя. И хотимъ васъ предупредить: во-первыхъ, по русскимъ законамъ мужъ имѣетъ право требовать къ себѣ жену, когда угодно, и даже по этапу,—хотя мы васъ требовать не соби-

раемся, но вы насъ не знаете! — — во-вторыхъ, по російскимъ же законамъ, жена имѣетъ право требовать отъ мужа третью часть имущества — мы просимъ васъ, чтобы вы не требовали! Если эти два пункта, вы, обсудивъ, не измѣните вашего рѣшенія, то, когда васъ будутъ высылать, дайте телеграмму, мы приѣдемъ и съ вами повѣнчаемся.»

Письмо успокоило — какъ гора съ плечъ:

больше бояться нечего — въ случаѣ чего...

Экзамены шли легко и весело — и все кончилось успѣшно: Оля и Зина перешли на третій курсъ.

И никого не выслали.

Всѣ сами разъѣхались — въ гнѣзда къ родителямъ:

Оля — въ Ватагино,

Зина — въ Казань.

КОТ ЕНОКЪ

Ватагино встрѣтило Олю поцѣлуями, теплыми слезами отъ радости и смертельною скукою. Старикъ старился — имъ-то не видно, а Оля все замѣчаетъ. Пересказываются старые рассказы съ подробностями — ихъ всѣ до мелочей помнитъ Оля — и ничего не загадывается, ровно бы и міръ вотъ-вотъ кончится.

«Да вотъ умерла и Авдотья Моисеевна — —»

И смерть пробудила память о голубомъ дѣтствѣ — о «несознательныхъ» дняхъ по Олиному по-теперешнему — Оля считаетъ начало своей жизни съ Петербурга! — а мяуканье Плика кота напоминаетъ, что ушла Авдотья Моисеевна, но не вся ушла на тотъ свѣтъ, а какой-то тихой своей желанностью осталась на землѣ въ Ватагинѣ и незамѣтно сторожить Олины нетерпѣливые дни.

*

Авдотья Моисеевна съ одной барбарисинкой выпиваетъ чашку чаю.

Ирина и Миша и Оля и Лена смотрятъ на нее съ восхищеніемъ. Сами они ѣдятъ варенья по-много. Больше всѣхъ Миша. Въ гостяхъ Миша не ѣстъ, всегда отказывается:

«потому что ему нужна вся вазочка!»

А тутъ одна ягодка — на цѣлую чашку.

И это всегда — всѣми замѣчено — всякій разъ, когда къ Ильменевымъ приходитъ Авдотья Моисеевна.

*

Авдотья Моисеевна сосѣдка. За Перовымъ садомъ въ саду ея маленькій домъ. Очень бѣдная, одна — и много дѣтей. Безсмѣнно въ сѣромъ, часто вздыхаетъ. Ротъ у нея такъ устроенъ, будто въ ямкѣ — Оля говоритъ, что съ ней цѣловаться очень неудобно: не достаешь до губъ! И вся она худая, а глаза добрые-голубые. Дѣтей называетъ ласкательно: Оля, Миша, Лена. Только старшую Ирину — Ириной Александровной: Ирина сверстница ея Вари.

Кромѣ барбарисинки, съ которой Авдотья Моисеевна можетъ выпить цѣлую чашку — Оля это давно замѣтила, первая память о Авдотѣ Моисеевнѣ совсѣмъ другая :

пріѣхала изъ Кіева Ирина на первые ка-
никулы — шляпа на ней была соломен-
ная съ вишенками; шляпка лежала въ при-
хожей; Олѣ и Ленѣ шляпка понравилась,
и онѣ изъ прихожей не вылѣзали — лю-
бовались, ну, а потомъ добрались до ви-
шенокъ, всѣ вишенки и оторвали; и когда
хватались, было ужъ поздно: отъ више-

нокъ ничего не осталось! Огорчилась не только Наталья Ивановна и, конечно, Ирина, но и Авдотья Моисеевна —

*

Лена любить котовъ, у нея ихъ цѣлый заводъ: окотится кошка, всѣхъ котятъ бережетъ, никому не отдастъ.

Ропшутъ — отъ котовъ проходу нѣтъ: Пликъ и Фликъ и другой Пликъ и другой Фликъ, Цапъ и Хапъ — пищать, цапаются, Богъ знаетъ что! Хорошо, когда лѣтомъ Пликъ, любимый котъ, спитъ послѣ обѣда въ ямкѣ подъ окномъ на солнышкѣ и снится ему на загладку молоко, а другой Пликъ наѣстся молока и спитъ въ саду и во снѣ ему ничего не снится. А зимой да въ погоду — не домъ, а кошкинъ домъ.

Авдотья Моисеевна проситъ у Лены котенка.

Лена ни за что —

Лена плачетъ .

Это было послѣ обѣда: Авдотья Моисеевна пила у Ильменевыхъ послѣобѣденный чай съ одной ягодкой вишневаго варенья. Потомъ ушла. А вечеромъ пришла Варя и, хотъ теплынь на волѣ — Петровки! — закутанная , въ большомъ платкѣ. Посидѣла — о котяткахъ ни слова — и ушла.

На другой день Лена не досчиталась котенка. И въ слезы:

рыжій, самый любимый!

Оля сказала:

«Навѣрно Варя вчера подъ платкомъ унесла: оттого и въ платкѣ приходила!»

Оля сама не любить котовъ — равнодушна; не ея коты — нѣтъ у нея къ нимъ нѣжности. Но ей Лене жалко. И она хочетъ непременно дознаться, гдѣ котенокъ!?

О котенкахъ только и разговору —
весь домъ окотился!

«Не брала Варя котенка!» — успокаиваетъ Наталья Ивановна.

Наталья Ивановна послала прислугу къ Варѣ. Христя вернулась — принесла отвѣтъ:

котенка не брала!

Повѣрили. Да и какъ же иначе? — А, можетъ, все это подстроено? И Христя никуда не ходила? А Варинъ отвѣтъ — да просто подучили! Нѣтъ, такой догадки тогда не могло быть. И осталось: Варя не брала.

«Но гдѣ же котенокъ?»

Лена плачетъ —

поплакала и забыла.

А Оля даже рада, что однимъ меньше —
но не забыла.

Варя по-прежнему бывала у Ильменевыхъ, но никогда больше не видѣли на ней такого большого платка и о котяткахъ она не заговаривала, какъ и Авдотья Моисеевна.

Въ концѣ лѣта Варю понесли лошади — она упала на грудь. И всегда-то была чахлая, а тутъ — слегла. Стали говорить: скоротечная чахотка. Потомъ нянька Фатевна сказала Олѣ, что Варя умерла и хоронять ее на старомъ кладбищѣ.

«Мимо нашего дому не понесутъ.»

Олѣ жалко Варю:

Варя была веселая и носила имъ груши —
«вкусныя!»

«Тужить нечего, — сама съ собой разговаривала нянька Фатевна, — у Авдотьи Моисеевны дѣтей много, съ дѣтьми трудно! ничего: однимъ меньше.»

Послѣ похоронъ пришла Авдотья Моисеевна — она давно не была у Ильменевыхъ — еще меньше стала она, губы еще дальше, глаза голубѣе. За «ягодкой», бережно отхлебывая чай, она рассказывала о Варѣ: какъ Варя болѣла, какъ изъ горла кровь лилась — и какъ передъ смертью исповѣдалась и причастилась.

«Авдотья Моисеевна, — вдругъ спросила Оля,

— а Варя созналась передъ смертью, что унесла у Лены котенка?»

«Перестань! глупости — — !» — строго сказала Наталья Ивановна.

А Авдотья Моисеевна сквозь слезы засмѣялась.

*

Съ поступленіемъ въ гимназію для Оли открылся новый міръ, отодвинулъ первые встрѣчи дома, за-слонилъ своими думами и дѣлами раннее. Когда Оля пріѣзжала на каникулы домой, попрежнему Авдотья Моисеевна появлялась за чаемъ, но по привычкѣ Оля ее не замѣчала, да и Авдотья Моисеевна была незамѣтна въ своемъ сѣромъ, со своими вздохами и одной ягодкой.

Самый большой садъ въ Ватагинѣ — Перовыхъ: его не пройдешь и заблудишься. А Воронцовъ и сравнить нельзя, а славился грушами. Къ Перовымъ въ садъ ходили гулять, въ Воронцовъ только по дѣлу — къ Авдотѣ Моисеевнѣ.

Лѣтніе дни, въ особенности когда зажужжать мухи, медленные, не знаешь, куда и дѣваться, а вечера за то на волю тянуть.

Оля зашла въ садъ къ Авдотѣ Моисеевнѣ.

Дѣти ея, какъ и Оля, выросли, и не было ихъ такъ много — всякій къ своему прибрался, не въ грудь, какъ раньше.

Сидѣли на скамейкѣ и ѣли груши.

А кругомъ груши съ дерева падали — и такой особенный звукъ:

«упавшая груша самая вкусная!»

Авдотья Моисеевна подбирала — и Олѣ.

Сидѣли молча.

И только рыжій котъ, свернувшійся калачикомъ у ногъ, — какой-то Пликъ — мурлыкалъ.

«Авдотья Моисеевна, расскажите мнѣ про папу и маму, чего я не могу помнить?»

«Ну вотъ однажды, — сказала Авдотья Моисеевна, — прѣехали ваши — папа и мама въ Ватагино на нѣсколько дней, жили они въ Покидошѣ, и много гостей пригласили. А бабушка Анна Михайловна разсердилась, что ее не предупредили, «будто ужъ не она хозяйка!» — взяла заперла всѣ комоды и уѣхала. Прѣзжаютъ гости, мама ваша волнуется: нѣтъ ни салфетокъ, ни скатертей, ни ложекъ, ни вилокъ — все заперто. Ложки и вилки я принесла, а скатертей и салфетокъ у меня на такіе столы нѣтъ. Тогда папа, приглашая гостей къ столу, говоритъ: «Кушать подано — и теперь мода: безъ салфетокъ и безъ скатертей!» Это сестра его младшая Надежда Павловна постоянно настраивала противъ мамы бабушку Анну Михайловну.»

Авдотья Моисеевна рассказываетъ подробно:

и какая Наталья Ивановна была красивая
и какой Александръ Павловичъ былъ хоро-
шій и добрый,

и какъ у Надежды Павловны не было бровей;

И незамѣтно переходитъ къ своему — отъ запер-
тыхъ комодовъ къ запертой комнатѣ —

какъ однажды къ ней прѣехали офицеры,
просятъ переночевать.

Авдотья Моисеевна пустила переночевать, накормила ихъ и напоила, а для безопасности — неизвѣстные вѣдь! — на ночь ихъ комнату на ключъ и заперла.

«А на утро отперла. Ничего, поблагодарили и уѣхали. Лѣто было. Слышу что-то въ комнатахъ: нехорошій духъ. Конечно, все на кота свернули. Всегда котъ виноватъ! Стали по угламъ шарить — ничего нѣтъ. А несетъ. Подъ вечеръ остатки отъ обѣда рѣшила я въ печку поставить на-ночь — самое холодное мѣсто печка лѣтомъ! Открыла дверцу, а тамъ ну, — какъ то самое мѣсто: это тѣ несчастные, запертые-
Оля очень смѣялась:

и запертые комоды съ салфетками,

и запертая комната —
Коть Пликъ проснулся.

И вотъ опять — Ватагино.

А Оля совсѣмъ большая — Оля петербургская — курсистка.

А домъ — какъ тогда сгорбился, такъ и смотреть.
За послѣобѣденнымъ чаемъ Авдотья Моисеевна — та же. И та же ее ягодка одна:

три чашки — три ягодки.

Оля съ ней не разговаривала — не о чемъ.
Такъ и ушла Авдотья Моисеевна.

Съ часъ прошло, ужъ давно со стола убрали, стали ладиться на вечеръ, вышла Оля: пройти по старымъ мѣстамъ — на мельницу.

Идетъ она по улицѣ — а на розстанѣ за цвинтаромъ видить:

сидить на колодѣ Авдотья Моисеевна.

— Что это вы, Авдотья Моисеевна?

— Не могу сразу пройти столько! Вотъ — отдохну...

«Да вѣдь это такъ близко!» — но Оля не сказала, сѣла рядомъ.

Авдотья Моисеевна говорила, останавливаясь — задыхалась: она говорила о Олѣ, какъ ее изъ всѣхъ любила больше и всегда ждала чего-то хорошаго! оборванные вишенки припомнила — Оля тогда была совсѣмъ маленькая. Потомъ о своемъ: что умерла сосѣдка старуха Софья Петровна и другая сосѣдка — домъ къ ея дому! — старуха Анна Ивановна.

— Смерть все ближе ко мнѣ ходить!

И вдругъ засмѣялась:

про котенка вспомнила — — какъ это Оля тогда спросила:

— «Созналась ли на исповѣди Варя — — ?»

Къ вечеру вернулась Оля съ мельницы.

Дома ее встрѣтила новость:

умерла Авдотья Моисеевна.

— Вскорѣ, — говорили, — какъ пришла домой
отъ насъ.

И вспоминали.

И «ягодку» помянули и о галушкахъ:

ни у кого такихъ не было вкусныхъ галу-
шекъ — черные, облитые масломъ, со сме-
таной и чеснокомъ!

И какъ любимыми душистыми галушками Ав-
дотья Моисеевна дѣтей по-тихоньку кормила.

А про котенка и забыли.

— — — — —

Оля никому не сказала, что видѣла Авдотью Моисеевну на колодѣ, и сидѣла съ нею. А то, что Оля бросила ее — не довела домой подъ-руку, а вѣдь надо было предложить! — это Олю мучаетъ.

Глаза у Авдотьи Моисеевны на колодѣ были со-
всѣмъ небесные, а ротъ такъ далеко — не видно:

тихая и незлобивая

— о ней никогда никто не говорилъ! —

она — со всѣми и какъ-то отдѣльно жила.

ЧТО ДѢЛАТЬ

Лѣтомъ Оля по-долгу не могла жить въ Ватагинѣ:
скучно.

Оля уѣзжала изъ деревни въ городъ и тамъ го-
стила у Мавлютиныхъ:

Нина Мавлютина курсистка — подруга
Оли.

Домъ Мавлютиныхъ славился въ Покидошѣ: говорили, какъ о гнѣздѣ либераловъ, а сама Елена Ивановна — голова либеральная или просто либералка.

Елена Ивановна и въ правду, дѣтей ни въ чемъ не стѣсняла. Одно исключеніе: запрещалось кататься на лодкѣ. Странно: такіе пустяки — лодка! — и всегда такой ужасъ, когда Елена Ивановна вдругъ узнаетъ, что катаются на лодкѣ.

Конечно, и на такой запретъ обходъ нашелся.

Поздно вечеромъ, часовъ въ десять, когда Елена Ивановна шла къ себѣ спать, тихонько вылѣзали черезъ окно — а тамъ у воротъ поджидаютъ! и хоть всю ночь кататься. А подъ утро опять черезъ окно тихонько.

А кромѣ лодки у Мавлютиныхъ полная свобода — и домъ Мавлютиныхъ дѣйствительно «гнѣздо» — сборъ молодежи со всего города.

Оля и Нина постоянно заняты: они «пропагандируютъ» —

развиваютъ Катю, сестру Нины, гимназистку, которой только что минуло двѣнадцать и ея подругъ-гимназистокъ, не старше.

Въ ходу всѣ финиковскіе «нельзя» и особая «революціонная азбука.»

Гимназистки, обожающія Олю и Нину, добросовѣстно повторяютъ всѣ ихъ слова.

Оля: «Кто лучше с.-р или с-д?»

Катя: «Конечно, с.-р, развѣ можно сравнивать»

Нина: «Пойдетъ Россія по пути капитализма?»

Катя: «Нѣтъ.»

Нина: «Почему?»

Катя: «Рынковъ нема.»

И Катя и всѣ ея подруги убѣждены, что «рынки» — это какъ покидошенскій базаръ, гдѣ лѣтомъ среди горъ кавуновъ, харбузовъ, дынь и всякой цыбули не очень протиснешься, и очень хорошо пахнетъ травой, укропомъ и чеснокомъ.

При домѣ большой садъ.

Въ саду подъ липами собираются курсистки и студенты — все это прїѣзжіе на каникулы домой. И ведутъ длинные умные разговоры.

Чаще всѣхъ : студентъ Бордоносъ — изъ семинаристовъ, грубъ и нескладный — «Колода», и только что окончившій, высланный изъ Петербурга Фридь — тонкій, вылощенный, по прозвищу «Бѣдненькій», онъ женатъ , двое дѣтей.

*

Послѣ обѣда тихо и мирно пили чай на балконѣ.

Въ Покидошѣ варенье умѣютъ варить не хуже ватагинскаго. А Оля и Нина и Катя — большіе лакомки. И разговоръ про всякое варенье: кто что любить — съ косточкой или безъ?

«На лодкѣ давно что-то не катались!» — такъ увѣрилась Елена Ивановна и была въ особенно тихомъ духѣ.

— Будьте осторожны, Оля и Нина, — точно что вспомнила Елена Ивановна, — постоянно ходить къ вамъ Фридь: какъ бы его жена не слѣлала вамъ какой непріятности. Она такая жалкая, неинтересная: навѣрно его ревнуетъ.

Оля и Нина вразъ покраснѣли подъ — варенье.

А Катя — Катя смотритъ на нихъ съ завистью: «вотъ онѣ ужъ курсистки — взрослые, серьезныя, участвовали въ демонстраціи и къ нимъ приходятъ студенты и онѣ имѣютъ какія-то важныя дѣла, за которыя ихъ могутъ въ тюрьму посадить и даже навѣрно посадятъ!» — Катя важно замѣтила:

— Какъ ты, мама, странно разсуждаешь: неужели ты думаешь, что можно влюбиться въ Олю и Нину?

Елена Ивановна громко захохотала:

— Ну, и Катя! — повторяла она, хохоча до слезъ.

А Оля и Нина очень довольны: Катя за нихъ заступилась!

А еще больше довольны, что Катя усвоила всѣ ихъ «нелзя».

— Нѣтъ, сурьезно, будьте осторожны! Особенно вы, Оля: Фридь все съ вами бываетъ.

А на порогъ — легокъ на поминѣ! — Фридь и съ нимъ Бордоносъ. А за ними — Надя Лопухова, Вѣра и Петя Курдюкъ (Курдюкъ влюбленъ въ Надю) — самые всегдашніе и неразлучные.

И, какъ всегда, начались умные разговоры.

А за разговорами незамѣтно пѣсни.

Незамѣтно подъ пѣсни кончился вечеръ — въ черную лѣтнюю ночь перешелъ, такой, Богъ его знаетъ, до конца на все готовый, и загорѣлись звѣзды, какъ эти пѣсни.

*

Незамѣтно подъ липами въ саду очутилась Оля и съ нею Фридь.

— Я вамъ хочу сказать, — началъ онъ, — я люблю васъ. Я жену свою оставлю. Я всегда хочу быть съ вами.

— Нѣтъ, — остановила Оля, — я: с.-р, вы с.-д. Мы вмѣстѣ быть не можемъ.

— Что вы говорите! Я люблю васъ и такъ это неважно: с.-р и с.-д! Я оставлю жену. Я ей уже сказалъ объ этомъ. Я оставлю ее потому, что встрѣтилъ и узналъ васъ. Я не могу жить во лжи. Я жену свою не люблю. Я васъ люблю. Подумайте объ этомъ.

И Фридь сорвался — и канулъ.

Оля одна —

Подъ липами ночь еще чернѣй, только взлизы луны по дорожкѣ —

и жалко Фрида: «Бѣдненькій!»
и радостно: «вотъ изъ-за нея человѣкъ жизнь
мѣняетъ!»
и жутко: «вѣдь, Анна Исааковна любитъ
ее, всегда ей посылаетъ съ мужемъ кон-
феты , апельсины!»

И жалость и чего-то пріятно и жуть вызвали
отдѣльныя мысли и не могли разрѣшиться одной общео
мыслью.

Оля думала и никакъ не могла додумать.

И вдругъ окликнули — кто это?

«Колода» —

— Вы тутъ сидите, а теперь три часа ночи. Я
въ садъ перепрыгнулъ черезъ заборъ. Я вамъ тайну
открою. Только вы никому не скажете?

— Нѣ-ѣтъ, никому.

— Я якъ чортъ втрискался въ Нину Хригорьев-
ну.

И также кануль, какъ и Фридь.

А Оля скорѣй изъ саду въ домъ и прямо къ Нинѣ
въ ея комнату —

а Нина спить.

— Вставай , Нина! — тормошила Оля, — пой-
демъ на балконъ: что я тебѣ расскажу.

Босая, въ одной рубашкѣ, Нина, еще не про-
снувшаяся, пошла за Олей.

Надъ балкономъ сторожила луна — покидошен-
ская классная дама? нѣтъ, финиковское «н е л ь з я». Тихо въ саду. Теплая ночь. Теплыя полныя капли ро-
сы съ деревьевъ.

Оля все рассказала — и о Фридь и про Колоду.

— «Я якъ чортъ втрискался въ Нину Хригорьев-
ну!» — повторила Оля Колодину тайну.

— А помнишь, какъ мама-то хохотала надъ Ка-
тей!

И Нина захохотала громко — до слезъ.

Въ Покидошѣ гостила Ильина.

Оля и Нина часто съ ней видѣлись.

Какъ Оля и Нина — Катю и ея подругъ, такъ Ильина — Олю и Нину:

онѣ все ей рассказывали, а Ильина, уча, много внушеній имъ дѣлала.

Ильина полюбила Олю —

и за горячность

и за готовность все отдать.

Оля ничего не берегла и все отдавала:

Меженинская любимая бабушка Татьяна Алексѣевна подарила ей деньги съ надписью на конвертѣ — «Олины деньги», а Оля сейчасъ же отдала ихъ на «революціонныя дѣла».

Оля бралась за всякое рискованное дѣло и выполняла точно и конспиративно:

«конспирація» — хитрая наука, хитрѣе всѣхъ «нельзя» и всякой «азбуки», и Оля ею прониклась до конца.

Ильина за все это и любила Олю.

Но Ильина хотѣла непременно, чтобы Оля вышла замужъ за студента Оводова:

«потому что онѣ, любя Олю, страдаетъ, и потому слабѣетъ для революціи, а если женится на Олѣ, будетъ сильнѣе.»

— Выходи за него замужъ! Онѣ за тебя десять разъ душу готовъ отдать.

Оля не несогласна, но Ильина никакихъ доводовъ не принимала.

Все въ ней ключемъ кипѣло.

— Да, ты осторожнѣй: Фридь влюбился въ тебя. Это съ одной стороны хорошо: онѣ — с.-д., а изъ-за тебя, конечно, будетъ с.-р. А съ другой стороны ты его ослабляешь для революціи: личныя страданія.

А послѣ объясненія подъ липами — Ильиной все извѣстно, отъ Ильиной ничего не скроешь.

— Я тебя предупреждала о Фридѣ, — кричала она, — теперь онъ со мной сурьезно, откровенно говорилъ. Если ты сама не хочешь выходить за челоуѣка замужъ, то и не разговаривай съ нимъ много: ты отъ дѣла отводишь нераздѣленной любовью. Ты должна быть осторожна съ мужчинами. Не забывай: ты молодая, здоровая, красивая. А Фрида я не прощаю тебѣ!

Оля заплакала.

Оля пошла къ Нинѣ:

— Иди къ Натальѣ Васильевнѣ. Объясни, что я не виновата. Ты вѣдь все знаешь.

И осталась ждать на балконѣ.

Долго ей показалось —

промелькнулъ въ саду «Колода», озирнулся, но , не увидѣвъ Нины, пропалъ въ кустахъ и — застрекоталъ.

Луны не было. Просто ночь. Ночь — пой стозвонный въ каждой травкѣ, въ каждой букашкѣ, въ стрекозѣ, въ жукѣ, въ «Колодѣ».

Наконецъ-то Нина вернулась — разстроенная, какъ и Оля:

Ильина и ей все выговорила про Олю — очень сердилась.

— А потомъ, — рассказывала Нина, — замѣчаю: Наталья Васильевна на меня сердится, меня ругаетъ. «Наталья Васильевна, говорю, вѣдь Фридѣ въ Олю влюбился, а не въ меня!» «Это тебѣ на будущее время, крикнула , съ тобой то же можетъ быть!»

И обѣ всю ночь проплакали.

И на утро плачутъ —
не виноваты!

Въ слезахъ пошли къ Ильиной — плачутъ:

— Наталья Васильевна, что намъ дѣлать?

— Въ наше время не плакали, а дѣло дѣлали, — сказала Ильина. — переплетному мастерству учиться!

ИДЕАЛЪ

Наталья Васильевна Ильина — Аграфена ткачиха. Подъ такимъ именемъ вышла она «въ народъ» съ мѣшкомъ — прокламаціями, объявлявшими народу «землю и волю». А когда ее арестовали и урядникъ читалъ вслухъ прокламацію, крестьяне крестились: «земля и воля!»

Ильина — «замѣчательная».

«Ильина, — говорили, — хоть и была замужемъ, но мужа бросила для революціи.»

Ильина — «идеаль».

«Идеаломъ» конспиративно называли Ильину Оля и Нина, какъ «Бѣдненькимъ» — Фрида, а «Колодой» — Бордонсса.

Тридцати лѣтъ Ильина была арестована и съ тридцати трехъ послѣ тюрьмы жила въ Сибири на каторгѣ.

«Ты пишешь, — писали ей изъ дому на каторгу родители, — что тебѣ хорошо, а каково намъ, ты не подумала: какъ мы страдаемъ!»

И это ей было очень тяжело. И много еще другого тяжелаго «каторжнаго» выпало ей — путь ее тяжчайшій! — но она не промѣняла бы своей этой жизни на другую:

— потому что такъ важно все сознавать.

Похожее слышала Оля не лекціи Лесгафта:

«Надо у мѣть думать, и тогда не повлекутъ ни Аркадіи, ни Ливадіи, ни вилла Родэ».

Только Лесгафтъ имѣлъ въ виду — «знаніе», которое побѣдитъ всякую бѣдовую «случайность» жизни и освободитъ человѣка, а Ильина — «революцію», которая дастъ народу «землю и волю», а съ землей и волей счастье.

Первое слово Ильиной:

— Что вы сдѣлали для народа?

*

Народъ — это бѣдующій міръ отъ несправедливости и несчастій;

революція — освобожденіе этого міра отъ бѣдъ;

— революціонеръ — «погибающій» за освобожденіе міра.

— Революція — все и выше всего.

*

Ильина рассказывала съ одномъ старомъ революціонерѣ: рѣдкая была любовь между мужемъ и женой, его приговорили къ каторгѣ и жена хотѣла слѣдовать за нимъ.

«Нѣтъ, — сказалъ онъ, — пусть одинъ будетъ въ неволѣ, а другой долженъ продолжать дѣло революціи!»

Жена осталась. А онъ пошелъ въ каторгу и тамъ сошелъ съ ума.

*

— Революція — выше всего:

для революціи все, сама любовь.

*

Ильина хотѣла, чтобы Оля вышла замужъ за студента Оводова: потому что Оля мучила его и онъ пропадалъ для революціи.

«Или пусть Оля держится подальше!»

Оля и Нина видѣли, что Ильина не раздѣляетъ финиковское «нельзя» о замужествѣ, но онѣ не разъ слышали отъ нея же: что семейныя заботы мѣшаютъ революціи, что съ дѣтьми человѣкъ выходитъ изъ строя.

*

- Революція — все, революція — выше семьи: революціонеръ, «все сознающій», дѣйствуетъ въ жизни «до конца» — до своей гибели, и все, что отвлекаетъ его силы отъ дѣла революціи, только помѣха.
- Революція — долгъ.

*

Оля слышала, какъ Ильина говорила Арбузовой, вернувшейся изъ ссылки: Арбузова хотѣла ѣхать за-границу, и потомъ ужъ, «посмотрѣвъ какъ тамъ люди живутъ и что людьми сдѣлано», итти на революціонную работу.

«Кто изъ ста восьмидесяти милліоновъ рускаго населенія, — говорила Ильина, — имѣлъ возможность, какъ ты: окончить гимназію въ губернскомъ городѣ, окончить курсы въ столицѣ, просидѣть одиннадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ въ прекрасномъ обществѣ, пробыть три года въ ссылкѣ въ великолѣпномъ обществѣ. А ей все мало!»

Ильина — странница: куда она приходила, ей все давали — и накормятъ и бѣлье, и она уходила, ничего не имѣя, только что на себѣ.

*

- Революціонеръ — странникъ:
только странникъ, бродя по міру, ищетъ правды и чуда, а революціонеръ идетъ въ міръ съ чудесной правдой, возбуждая къ борьбѣ за эту правду.

*

Ильина выносливости необыкновенной — «железная», а рѣчь — слово ея — гору сдвинетъ.

Въ Покидошъ прїѣхала украинская труппа. Оля и Нина взяли себѣ на галерку. Разсказали Ильиной. Ильина тоже захотѣла съ ними. И полѣзла — мѣста — стоячія. Толкають. Какой-то претъ, локтями расталкиваетъ.

«Что вы толкаетесь? Видите: я старуха, а со мной двѣ барышни. Затолкать насъ не велика хитрость!» — Ильина сказала это строго, внушительно, но нисколько не сердито, сказала-выговаривала.

И тотъ подобрался и ужъ куда толкать, уступаль мѣсто. И такъ до самаго конца. А пѣса, какъ всегда, долгая съ разговорами-танцами-пѣснями. Ильина всю выстояла до конца.

Въ погоду, въ ночь можно было встрѣтить Ильину — и какъ ни въ чемъ.

Изъ Ватагина до Хомутовъ на лошадахъ — Хомуты узловая станція. Какъ-то Оля собралась въ Петербургъ, прїѣзжаетъ въ эти Хомуты и видитъ, сидитъ на станціи Ильина: ждетъ поѣзда. Ильина позвала Олю съ собой въ Покидошъ. Дождались поѣзда, а ждать сутки! — и поѣхали. До Покидоша узкоколейка. Въ вагонѣ тѣсно, жестко. Всю ночь ѣхали. И ничего.

Разъ только видѣла Оля Ильину нездоровой.

Ильина жаловалась, что у нея болятъ почки. Оля сама ничѣмъ не хворала и представить себѣ не могла, что это за болѣзнь такая: почки. А тутъ еще и мигрень.

Ильина лежала съ закутанной головой.

Оля стала передъ ней на колѣни.

«Наталя Васильевна, что я вамъ могу сдѣлать, скажите?»

А та заплакала —

единственный разъ видѣла Оля: Ильина заплакала.

«Я тебя очень люблю, Оля, возьми отъ меня все хорошее — — »

И это она сказала отъ самаго сердца съ болью

— «все хорошее» передать хотѣла: свою вѣру и за-
вѣчное дѣло революціи —

которая выше всего
и ради которой все.

*

Ильина ходила просто — странницей.

Но и въ такомъ незамѣтномъ всегда ее можно бы-
ло отличить отъ всѣхъ.

Двѣ знаменитыя покидошенскія сплетницы: Ан-
на Ермолаевна — «Ермолаевскій листокъ» и Анфу-
са Сергѣевна — «Сергѣевскія вѣдомости»; одна —
во дворѣ у тетки Марьи Петровны Вольской на са-
момъ видномъ мѣстѣ, другая — на концѣ города за
Семинаріей; но и той и другой все извѣстно и видно,
какъ съ каланчи, и, конечно, не пропустили бы онѣ
такъ Ильину, приклеивъ она себѣ хоть бороду.

Но Ильина была внѣ покидошенскаго житья-
бытья и то, чѣмъ жили или вынуждены были жить
въ Покидошѣ, ея никакъ не касалось:

вѣдь она д л я с е б я ничего не собирала
и не домогалась никакихъ удобствъ жизни.

У Анны Ермолаевны въ «Листкѣ» снимала ком-
нату знакомая Ильиной и къ ней Ильина ходила. И
вотъ Леночка, двоюродная сестра Оли, мало чего
замѣчавшая, глядя съ балкона совсѣмъ на другое,
замѣтила Ильину.

«Къ намъ, къ Аннѣ Ермолаевнѣ, ходитъ старуха,
— рассказывала она Олѣ, — я такой никогда не ви-
дала: простая деревенская, а такъ смотреть, такихъ
не бываетъ!»

Тоже и Соломонъ Катцманъ, сынъ переплетчи-
ка, у котораго Оля и Нина переплетному мастерству
выучились. Пришелъ онъ вечеромъ послѣ работы —
Нина учила его русской грамматикѣ — и встрѣтилъ
Ильину. Нины не было, только Оля. Ильина шепну-
ла Олѣ называть ее «тетей». Урокъ не состоялся, такъ

пили чай. Ильина разспрашивала Катцмана. И сама рассказывала. А послѣ Соломонъ сказалъ Олѣ:

«Ну, и тетя у васъ — замѣчательная! Такихъ не видывалъ.»

*

Человѣкъ отличается отъ человѣка — по уму: по способности разбираться (дуракъ тѣмъ и хорошъ, что все невпопадъ!); но мало ума, надо и еще чего-то, а это что-то — вѣра:

а вѣра — огонь!

и этотъ огонь — свѣтить.

И никакъ ты не скроешься и тебя не обойдутъ.

*

Ильина для Оли — вся чистота революціи, которая все и выше всего.

Какъ-то Ильина сказала Олѣ:

— Все мнѣ въ тебѣ нравится: ты хорошая. Одно только у тебя — и это можетъ помѣшать — нездоровое начало есть: мистическое.

ТАКОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ

Въ Покидошѣ возлѣ Почты жили двѣ курсистки: Лида Прянишникова и Ира Бѣляева — домъ противъ дома.

Съ дѣтства Лида и Ира все вмѣстѣ — неразлучны. И гдѣ появлялась Лида — за ней слѣдовала Ира; и гдѣ видѣли Иру — непременно встрѣчали и Лиду.

Странныя онѣ были: сверстницы Олѣ, а такое говорили, тоска всегда послѣ...

Оля никогда бы съ ними и не встрѣчалась, но и Лида и Ира, хотя никакъ не были «стоющими», т. е. революціонно настроенными, но не были и похожи

на тѣхъ курсистокъ, обыкновенно очень пугливыхъ и житейски разсудительныхъ, которыхъ называли «барышнями»: въ Петербургѣ жили они вмѣстѣ, и когда уходили обѣ на цѣлый день изъ дому, давали свою комнату для конспиративныхъ свиданій. А дѣлали онѣ это не потому, что сочувствовали «революціи», а просто по равнодушію ко всему, что совершалось и чѣмъ жили вокругъ нихъ.

Родители ихъ состоятельные люди, и обѣ ни въ чемъ не нуждались — нужда, этотъ первый кулакъ — билъ да мимо, — и никакого любопытства къ жизни. Обѣ собирались кончить самоубійствомъ; и когда кто изъ нихъ уѣзжалъ, посылали другъ другу телеграммы, чтобы знать, что еще живы.

Вѣра ихъ была самая отчаянная и самая безнадежная:

людямъ ни въ чемъ нельзя вѣрить — ни одному человѣку; все, что дѣлаютъ люди, все только изъ корысти.

«Любовь — это физическое. А дружба всегда непостоянна».

«Ну какъ же вы можете такъ говорить? — возразила Оля, — да вы же другъ друга любите. Развѣ это не любовь?»

«Да — — но это привычка»

«Но вѣдь вы со мной такъ не дружите?»

«А это потому что мы живемъ другъ противъ друга. Это случайность. Съ дѣтства еще: тетрадку, бивало, взять, карандашъ, все у Иры, а Ира у меня. Близко. Такъ и привыкли.»

И такъ на все — безпросвѣтно.

Поздно вечеромъ Оля возвращалась домой — къ Нинѣ. По дорогѣ одинъ единственный огонекъ — въ Покидошѣ рано ложатся! — и зашла къ Прянишниковымъ ночевать.

Лиду и Иру застала она за книгой:
читали вслухъ Э. Т. А. Гофмана «Элексиръ сатаны».

Оля больше всего любила Толстого — не одинъ разъ прочитала «Войну и миръ»; и Пушкина — «Евгенія Онѣгина» знала на память всѣ восемь главъ. Но ее тянуло и къ Гоффману:

таинственность и чудесность, на первый взглядъ не вяжущаяся съ «революціей», волновали ее, и чувство было такъ же остро, только въ самой тайнѣ, какъ отъ «Дѣла 1-го марта», — переплетеннаго Олей въ синій — сокровенный — цвѣтъ.

Лида и Ира читали все, что ни попадалось. Попался Гоффманъ, «Элексиръ сатаны» — И послѣ Гоффмана тѣ же разговоры, отъ которыхъ тоска.

— Внушить людямъ, чтобы они относились другъ къ другу участливо, невозможно. А если участливость гдѣ-нибудь и замѣчается, то не надо обманывать себя, все изъ выгоды и корысти.

— Люди, которымъ до другихъ есть дѣло, такихъ не бываетъ.

— Страдать за людей — это несчастье: вѣдь отъ этого никакой никому пользы да и не стоитъ.

— Хорошіе люди? Да и есть ли такіе «хорошіе» люди? Много ли такихъ, которые никогда не обманывали и никогда не корыстничали? А если еще больше требованія предъявлять — если искать людей, которые помогутъ другому ради этого другаго, а не изъ-за своей прихоти и не для собственнаго успокоенія? Такихъ нѣтъ.

— Все зависитъ, чего отъ людей спрашивать! Среди воровъ просто плохенькій воришка будетъ честнымъ человѣкомъ, и среди самыхъ отъявленныхъ негодяевъ обыкновенная немудрящая душа покажется праведникомъ. Все зависитъ отъ того, чего ждешь и требуешь.

Оля рассказала имъ объ Ильиной:

о ея вѣрѣ — о ея безкорыстномъ самоотверженномъ дѣлѣ.

Лида и Ира слушали съ большимъ вниманіемъ. Ихъ особенно поразило, что столько лѣтъ Ильина живетъ такой жизнью.

— Но это исключеніе! Такъ долго — безкорыстно. Это большая рѣдкость. Любопытно увидѣть такой экземпляръ!

*

— — — идетъ Оля по Николаевскому мосту — сѣрый такой день, такое хмурое утро, такимъ безнадежнымъ утромъ везли на казнь Перовскую, Желябова и Рысакова на Семеновскій плацъ. На мосту часовня — «Каракозовъ стрѣляль». Оля перекрестилась —

Ѣдутъ мимо возы съ кладью, на возахъ дюжіе ломовики трясутся. Одинъ кудлатый зло что-то кричитъ, за грохотомъ не разобрать, одно ясно: кричитъ-угрожаетъ, что вотъ Оля перекрестилась. А другіе молча сочувственно ему щерются, подмигиваютъ.

И Оля перекрестилась еще разъ и еще разъ. И за каждый ея крестъ тотъ кричитъ, и все кричалъ, грозя, пока не скрылся изъ глазъ. А Оля крестилась. И крестъ ея былъ такъ крѣпокъ — пламя вылетало изъ-подъ крѣпко-сжатыхъ ея пальцевъ.

«Нѣтъ, никому не отдастъ она креста своего — готовая умереть за свою вѣру!»

*

Въ коридорѣ на Курсахъ. Проходятъ курсистки. И всѣ смотрятъ на Олю. «Какая, говорить, хорошая!» Оля поднялась на

2-ой этажъ. На площадкѣ тоже курсистки, только сидятъ всѣ, ждутъ чего-то. Навстрѣчу Олѣ незнакомая: брови сросшіяся, очень широкой носъ, глаза, какъ камушки, сверкають. И идетъ она прямо на Олю. И когда она была совсѣмъ близко, кто-то невидимый ударилъ ее по головѣ и такъ крѣпко — голова хряснула, она схватилась и руками закрыла побѣлѣвшее лицо. И Оля точно также руками закрыла себѣ лицо. И всѣ, кто сидѣлъ на площадкѣ, курсистки закрылись. А та незнакомая стала медленно падать — и никто не подержалъ — упала лицомъ на землю.

*

Погасло электричество. Оля знаетъ: въ комнатѣ кто-то есть. И тихонько пошла искать Зину. Зина спала. Оля дотронулась до ея лба — разбудила.

«Пойдемъ, Зина, тутъ кто-то...»

Но Зина не успѣла отвѣтить.

«Эй, кто тамъ, — крикнула Оля, — выходи!»

И на ея голосъ изъ тьмы, выступила большая, вся въ бѣломъ, очень похожа лицомъ на Вѣру Стрѣшневу. И Оля почувствовала, что «страшное», что было въ комнатѣ, это и есть эта женщина. Оля бросилась и, обхвативъ ее, пригнула къ землѣ. И сама легла на нее и стала трясти. Но сколько ни трясеть, той ничего не дѣлается. И видитъ Оля: Вѣра Стрѣшнева стоитъ тутъ же. «Вѣра — обрадовалась Оля, — ложитесь вы на меня: я одна не справлюсь.»

«Боюсь, Оля, я васъ задушу!» — говоритъ Вѣра. А та вдругъ подняла голову, да Олю за руку — два пальца такъ — —

НЕДОБИТЫЙ СОЛОВЕЙ

Оля получила записку отъ доктора Перепелки:
докторъ посылалъ за ней лошадей, просилъ
ее сейчасъ же пріѣхать —

«По важному дѣлу»

Андрей Федоровичъ Перепелка въ Кочерахъ —
отъ Ватагина близко.

Оля немедля собралась — «важное дѣло!» — и
поѣхала. И всю дорогу думала: что бы такое могло
случиться важное, можетъ, арестовали въ Покидошѣ
Ильину или что съ Ниной?

А пріѣхала въ Кочеры — вотъ ужъ нежданно!
— встрѣчаетъ Варю Черкасову: Варя ждетъ Олю,
плачетъ — проситъ ѣхать съ нею въ Лубенцы къ Кса-
верію Матвѣвичу.

— Съ братомъ бѣда: убѣжалъ изъ Бобровки въ
Лубенцы (Лубенцы отъ Бобровки въ сорока верстахъ.)
Очень плохо.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: никто, значить, не арес-
тованъ! И это Олю успокоило. Но друге : Черка-
совъ! — камнемъ легло.

— Сначала-то онъ былъ тихій, — рассказывала
Варя, — потомъ сталъ заговариваться. Поминаетъ
какого-то Оводова, с.-д. и все васъ зоветъ, Оля. Вы
единственный человѣкъ! Вы его успокоите. Вы спа-
сете его.

Невозможно было отказать. Оля согласилась.
И сейчасъ же поѣхали.

Ѣхали полемъ. На полѣ снопы лежатъ — хорошо
улеглись! Солнце заходить — прохладно. Навстрѣ-
чу дѣвчата съ работы съ граблями.

«Какія онѣ счастливыя, — думаетъ Оля, — ничего-
то у нихъ нѣтъ такого! Идутъ съ поля мирно!»

И ей казались всѣ счастливыми, кромѣ ея доли.

Въ Лубенцы поспѣли въ сумерки. Поджидавшій
Лампадъ предупредилъ не ѣхать прямо во дворъ.

— Остановитесь въ саду у пруда. Черкасовъ буйный: все бьетъ и ломаетъ. И страшно свистить.

И Лампадъ въ родѣ какъ посвисталъ — — но у него ничего не вышло.

Тихонько прошли въ садъ во флигель. Тамъ Александрія Кенсориновна. Вышелъ и самъ Ксаверій Матвѣевичъ и Асклиподота. Говорили шопотомъ. Къ чаю прѣхалъ изъ Кочеровъ докторъ Перепелка. И чай пили, все шопотомъ.

Окна въ домѣ открыты и далеко слышенъ свистъ:

свистѣлъ Черкасовъ —

а свистѣлъ онъ, потому что онъ соловей:
«Раньше пѣлъ у пруда, а теперь здѣсь поетъ:
зоветь Олю!» — такъ самъ онъ объявилъ.

Послѣ чаю докторъ прошелъ въ домъ посмотрѣть — и скоро вернулся.

— Зрочки —, — и такъ показалъ, — — ! Ничего не остается: завтра надо везти въ городъ.

Тревожная прошла ночь подъ жуткѣй свистъ.

А на утро, когда Оля проснулась, Асклиподота ей рассказала, что Черкасова увезли въ городъ: повезъ Лампадъ.

— Пока еще сидѣлъ смирно, ничего, а потомъ пришлось связать.

Варя плакала — просила Олю ѣхать вмѣстѣ и все выяснить.

— Поѣзжайте, — уговаривала Олю Александрія Кенсориновна, — дастъ Богъ и успокоится.

— Романъ въ лицахъ! — удивлялся Ксаверій Матвѣевичъ, — всѣ дѣвчата понимаютъ.

*

И въ Сумашедшемъ домѣ Черкасовъ свистѣлъ — звалъ Олю. Но Олю къ нему не пускали: боялись, что свиданіе еще больше разстроитъ.

Какъ-то въ обѣденный часъ Оля и Варя проходили по больничному саду и видятъ:

внизу въ окнѣ за рѣшоткой сидитъ Черкасовъ и ѣстъ котлету — очень страшнымъ показался онъ Олѣ — въ бѣлой рубахѣ желтый, заросшій весь, а глаза такіе — !

Онъ узналъ Олю — и котлету ей черезъ рѣшотку: — Олинъка, на!

— — —

Оля скорѣе изъ саду и больше никогда не ходила: очень было страшно — и глаза — и какъ это онъ сказалъ — —

Оля обвиняла себя, что изъ-за нея все такъ вышло и не видѣла никакого способа поправить.

Въ Покидошъ изъ Бобровки пріѣхала Елена Степановна: Федоръ Фалалеичъ, сопровождавшій ее, предупредилъ Олю что —

Елена Степановна проклинаятъ ее за сына.
— Постарайтесь съ ней не встрѣчаться!

Федоръ Фалалеичъ былъ все такой же: онъ съ благоговѣніемъ и восторгомъ смотрѣлъ на Олю. Федоръ Фалалеичъ искренне боялся непріятной встрѣчи, хорошо понимая, что винить Олю напрасно — ни онъ, ни Варя ни въ чемъ ее не обвиняютъ! —но что и мать жалко: сынъ такъ мучается.

А тутъ еще и Варя захворала: надорвалась.

Обыкновенно Оля ходила въ больницу справляться всегда съ Варей. Варя лежала. Пошла Оля одна.

И вотъ когда она отворяла калитку и, войдя, хотѣла закрыть за собой, калитка никакъ не закрывается — а оттого не закрывается, что сзади еще отворялъ кто-то.

Оля обернулась — передъ ней Елена Степановна:

Елена Степановна тоже шла въ больницу за справкой.

Оля поздоровалась.

Елена Степановна ей отвѣтила — строго. И пошла по мосткамъ —

а Оля такъ у калитки и осталась: ей итти неудобно!

Елена Степановна приостановилась и назадъ къ Олѣ:

— Оля, — сказала она, — что мнѣ передать отъ васъ Владиміру?

Оля вдругъ:

— Скажите — я за него выйду замужъ!

И заплакала —

она все себѣ представила — осень — Курсы — лекціи — разговоры — «революцію» — и увидѣла себя, какъ сидитъ она въ Бобровкѣ на балконѣ и онъ съ ней: желтый, заросшій и глаза такіе — а въ саду только вѣтеръ всеъ,

Елена Степановна, оставивъ Олю, подошла ужъ къ больничной двери и вдругъ повернула и шла по мосткамъ быстро назадъ.

— Нѣтъ, — услышала Оля, — такъ нельзя дѣлать. Я ничего не передамъ. Если любишь и выйдешь замужъ, и то трудно бываетъ, а безъ любви — —

И пошла.

Оля этого никогда не забудетъ.

*

Изъ больницы Черкасова отвезли въ Бобровку.

А въ Покидошѣ заработалъ «Ермолаевскій листокъ» и «Сергѣевскія вѣдомости». Только и разговору, что о Олѣ и о Черкасовѣ —

Олю обвиняли въ безсердечіи.

И каждый считалъ своимъ долгомъ и правомъ узнать отъ самой Оли, какъ она ко всему этому относится?

Нина, у которой жила Оля, подарила ей колечко съ маленькимъ рубиномъ: Нина хотѣла чѣмъ-нибудь развлечь Олю. Подцѣпили и это колечко:

увѣряли — изъ самыхъ вѣрныхъ источни-

ковъ! — что «свадьба на носу и вотъ до казательство: кольцо».

— Черкасовъ, — говорили, — передъ отъѣздомъ въ Бобровку подарилъ Олѣ кольцо съ крупнымъ бриллиантомъ, по-середкѣ изумрудъ!

Но главное: встрѣча Оли съ матерью у калитки въ больницѣ, о чемъ выражались, «что сговориться — такъ не встрѣтишься!» — эта встрѣча не прошла незамѣтной —

случайно видѣла все Анна Ермолаевна («Листокъ»), но, увы! словъ она не слыхала, и что говорила мать? и что Оля? — такъ и осталось неизвѣстно.

Но Анфуса Сергѣевна («Вѣдомости»), которая только видѣла собственными глазами, какъ Лампадъ везъ связаннаго Черкасова въ больницу, ссылаясь съ чего-го на фельдшера Виталиса Виталисовича, наставляла —

что Елена Степановна отдавала Олѣ всю Бобровку, но что Олѣ показалось мало...

— И тогда Елена Степановна вернулась, подарила Олѣ кольцо съ бриллиантами въ изумрудахъ, и Оля заплакала.

Фельдшеру Виталису Виталисовичу не давали покою.

И соблазнившись — не всегда же ловко ссылаться на незнаніе: не знай, что дуракъ, прозовуть, оправдываясь! — Виталисъ Виталисовичъ далъ нѣкоторый «информаціонный матеріалъ» ни къ селу, ни къ городу.

Но чѣмъ невѣроятнѣе, тѣмъ вѣрнѣе и надежнѣе.

Пройдетъ не одинъ годъ — еще долго будутъ вспоминать, судить и пересуживать по «Листку» и «Вѣдомостямъ», а при упоминаніи объ Олѣ непременно справляться:

«Эта та самая Оля Ильменева, изъ-за которой Черкасовъ сошелъ съ ума?»

И, конечно, обвинять — въ чемъ только можетъ

обвинить человѣкъ человѣка — и въ безсердечіи и... въ жесточайшей корытси. А если усумнишься и попробуешь возразить, заткнуть тебѣ глотку послѣднимъ непрекаемымъ говорить.

*

Ну, будетъ! больше не буду о покидошенскомъ «говорять», судѣ прошедшемъ и канувшихъ пересудахъ, — въ наши дни, вы себѣ представьте, когда ученые сигнализируютъ на Марсъ, а въ институтѣ доктора Ришэ фотографируютъ духовъ, да, духовъ не фокусническихъ, а «страстныхъ», «грѣшныхъ», какъ живой человѣкъ, витающихъ совсѣмъ близко около насъ въ земной сферѣ, встрѣвляющихся въ нашу жизнь также «по долгу и праву», какъ и всякій, кому не лѣнь, въ жизнь сосѣда, а дикій свистъ джазъ-банда (я всегда слышу свистъ ковылевыхъ степей Россіи!) вихремъ подхлестываетъ весь міръ пуститься въ размѣренный крутящийся танецъ и, чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ четче, готовый размѣстить весь міръ уже не на четырехъ шагахъ — предѣльной могильной мѣрѣ, а на нашей калужской курячьей жердочкѣ; когда въ міровомъ городѣ (постарѣвшемъ, сгорбившемся за эти годы, мнѣ иногда чудится, что подъ Парижемъ земля вскоробилась, выпираетъ и проваливается, и парижскіе камни подъ ногами мягче!) на самомъ высококомъ холмѣ изъ холмовъ, на Монмартрѣ — на Place Pigalle у увеселительныхъ заведеній «кабаковъ», гдѣ вы увидите знакомыхъ съ Соболевки, стсецкихъ, вышибаль, а подъ крутящимися и звенящими огнями всѣхъ, какіе только есть огни, угрюмые

красные такси Renault съ шофферами — неудачливыхъ (а можетъ, самыхъ цѣпкихъ) изъ бывшихъ русскихъ пошедшихъ на трудъ ночныхъ, обслуживающихъ «благородную валюту» господъ міра, (не знающихъ, что еще придумать, и куда дѣваться), электрификація такъ ахова и звучна — ритмъ часть, боекъ, перебоень — не ускакать и самому изъ самыхъ однозначныхъ и кратчайшихъ «а,» и «аh» протянется слишкомъ медленно и долго, какъ «ой-ля-ля» — въ наши дни и Анна Ермолаевна («Листокъ») и Анфуса Сергѣевна («Вѣдомости») живы, живутъ себѣ и процвѣтають, какъ никогда еще, и каланча, около которой во дворѣ у тетки Марьи Петровны Вольской ютятся «Вѣдомости», стала куда выше Эйфелевой башни да и самыхъ американскихъ небоскребовъ съ сильнѣйшимъ въ мірѣ радіо на вышкѣ, такъ что всѣ эти кричащіе гиганты, если заглянуть съ каланчи внизъ, покажутся не больше кузнечика; а Семинарія, сосѣдка «Листка», на окрайнѣ, отошла отъ центра — пожарной каланчи такъ далеко, какъ Лондонъ; да, здравствуетъ и «Листокъ» и «Вѣдомости» и какъ же иначе, такое интересное время, столько событій — — но, нуежто, какъ и тогда въ допотопное въ «до-революціонное» время, и вотъ теперь при всѣхъ самыхъ неожиданныхъ обстоятельствахъ и потрясающихъ переменѣхъ есть еще легковѣрные люди, которые слушаютъ, одобряя и сочувствуя, и нуежто ни война, повалившая увѣренную гордую Европу, оправляющуюся съ такимъ непомѣрнымъ трудомъ, съ такимъ отчаяннымъ усиліемъ пробующую встать на искалѣченныя обезкровленныя ноги, вѣдь

нищета лезѣтъ изъ всѣхъ угловъ и прорѣхъ и элегантный французъ только необычайнымъ искусствомъ, математическимъ мастерствомъ — какой-нибудь яркій платокъ или разноцвѣтный пошетьтъ! — прикрываетъ лохмотья, а расчетливый нѣмецъ старается не обращать вниманія, что вмѣсто душистаго традиціоннаго кофейнаго духу съ утра по Берлину подымается дохлый паръ эрзацовъ, и неужто ни эта война — вѣдь, кажется и дураку ясно! — ни революція, ни бѣда бѣженцовъ, а бѣженцы засорили весь міръ, бѣженцы всѣхъ странъ и народовъ, ни трудъ, покорно несущихъ строй жизни, а жизнь стала еще тяжелѣй (знаете, въ Европѣ можно просто пропасть у себя въ комнатѣ и безъ всякой огласки и шума и никто не схватится и никаго не удивишь!), да! все это — ничто изъ этой «міровой катастрофы», которая у всѣхъ на глазахъ, за эти годы, за эти столѣтія, прошедшія въ годахъ, не перевернуло хоть столечко въ мозгу человѣковъ, чванящихся развитымъ своимъ мозгомъ передъ безмозглою чело-вѣкообразной обезьяной — и самое роковое событіе и самый искреннѣйшій поступокъ чело-вѣка (никто не убережется!) залѣпять грязью!

*

Оля жила у Нины.

Помня завѣтъ Ильиной, Оля за три недѣли переплела много книгъ. За ней, не уступала и Нина. Такъ въ работѣ молчаливо прошли дни.

Къ именинамъ Натальи Ивановны Оля поѣхала домой въ Ватагино.

Въ Хомутахъ она увидѣла изъ вагона поджидав-

шаго ее Мишу и еще съ нимъ кто-то въ шляпѣ съ широкими полями, сразу не разобрать. Но когда поѣздъ остановился, Оля испугалась:

съ Мишей стоялъ Черкасовъ.

*

Черкасовъ появился въ Ватагинѣ неожиданно — онъ прибѣжалъ изъ Бобровки тайкомъ:

его караулили четверо сторожсй, ночью, представившись спящимъ и выждавъ минуту, когда сторожа заснули, онъ ушелъ.

Появленіе Черкасова въ Ватагинѣ перевернуло всю жизнь.

Съ утра начиналъ онъ свою, только ему понятную, работу: онъ переставлялъ мебель. И всякій день по новому все переставлялось, а то и на дню по нѣскольکو разъ. И за нѣсколько дней переломалъ всѣ стулья.

Видъ у него былъ звѣрскій: глаза налились кровью, зрачки вкось.

А не уговорить, не остановить не было никакой возможности. Онъ ругательски ругалъ всѣхъ, кромѣ Оли, да смягчался еще къ Ленѣ:

Наталью Ивановну онъ не взлюбилъ за то, что она говорила — «Оля — ея»;

Мишу — за то, «что плохой хозяинъ»;

Ирину — «потому что лицо нехорошее».

Обѣдалъ онъ отдѣльно. Оля или Лена, чаще Лена, приносили ему обѣдъ, другимъ не позволялъ. Напряженіе въ домѣ дошло до крайностей и какъ-то Лена не выдержала и, выйдя изъ его комнаты, грохнула поднось съ тарелками и расплакалась.

Но безпокойнѣе всѣхъ было Олѣ. Онъ слѣдилъ за ней и ни на шагъ не отпускалъ. И когда Оля все-таки уходила, просилъ Лену узнать: гдѣ?

— Оля спитъ, — говоритъ Лена.

Онъ схватывался въ величайшей тревогѣ:

— Идите, сторожите: а то ее во снѣ могутъ убить.

Ни о какихъ именинахъ нечего было и думать. Пріѣхала въ Ватагино двоюродная сестра Натальи Ивановны, съ дѣтьми, нои дня не пробыла— дѣвочку ничего, а мальчика Черкасовъ сразу возненавидѣлъ, «погому что хлыщъ!» и сталъ придираться, ну та и уѣхала въ Меженинку къ любимой бабушкѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Бабушка очень была недовольна —

«и что это, писала она, сумашедшій въ домъ!»

А въ Бобровкѣ хватились и, хоть ясно, куда могъ убѣжать Черкасовъ: или въ Лубенцы или въ Ватагино, больше некуда, — все-таки дали знать въ полицію.

Въ Ватагино пріѣхалъ становой.

Оля какъ-разъ проходила по двору и съ ней Черкасовъ съ топоромъ.

— Будьте осторожны, — предупреждалъ становой, — вѣдь это сумашедшій чело́вѣкъ!

А Черкасовъ самъ изъ осторожности не разставался съ топоромъ: топоръ на случай —

вѣдь Олю могли убить всякую минуту и во снѣ и на яву!

Черкасовъ вдругъ потребовалъ, чтобы его везли въ Кочеры къ доктору:

рука болитъ!

Оля и Миша поѣхали съ нимъ. Но въ Кочерахъ онъ о рукѣ ни разу не вспомнилъ. А къ вечеру сталъ проситься въ Ватагино.

На обратномъ пути сначала все было мирно, но вдругъ онъ велѣлъ остановить лошадей, вылѣзъ, пошелъ пѣшкомъ —

и пропалъ.

Ждали — ждали — нѣту: не возвращается!

И только слышно, свистить —

жалобно.

Вылѣзъ Миша, пошелъ искать —

а онъ залѣзъ въ болото и тамъ свистить — всхлипываетъ.

Сталъ его Миша уговаривать — куда! и слышать не хочетъ. Пошла Оля.

— Владиміръ Михайловичъ, пойдемте!

А онъ изъ болота:

— Здѣсь нѣтъ Владиміра Михайловича — здѣсь есть недобитый соловей!

*

Изъ Бобровки пріѣхалъ Федоръ Фалалеичъ.

Черкасовъ согласился ѣхать домой, но только по желѣзной дорогѣ. А всякій разъ, когда надо было выѣзжать къ поѣзду, на него нападалъ его всегдашній азартный упоръ: онъ необыкновенно медленно укладывался и, хотя у него ничего не было (прибѣжалъ онъ въ Ватагино въ чемъ былъ!), онъ изобрѣталъ самые долгіе, самые дальніе сборы — подолгу перетряхивалъ одѣяло, тщательно складывалъ и; уложивъ въ Мишинъ чемоданъ, вдругъ вынималъ —

«можно ли, спрашивалъ онъ, взять ему одѣяло съ собой?»

тоже и съ полотенцемъ и съ платками. И не было никакой надежды во-время поспѣть къ поѣзду.

Рѣшено было ѣхать всѣмъ вмѣстѣ на лошадахъ: поѣдетъ и Оля и Миша.

Черкасовъ остался очень доволенъ и во-время былъ готовъ.

Ѣхали на двухъ бричкахъ —

Федоръ Фалалеичъ съ Мишей впереди,
за ними — Оля и Черкасовъ.

Когда ѣхали полями — ничего, а когда въѣхали въ лѣсъ — Черкасовъ забеспокоился: ему стало казаться, что Олю кто-то хочетъ украсть, и потому нацо хорошенько смотрѣть по дорогѣ. Онъ поминутно выскакивалъ, заходилъ впередъ, глядѣлъ — и, убѣдившись, что никакого нѣтъ, опять садился, чтобы черезъ нѣсколько минутъ повторить тоже.

Потомъ ему показалось, что одна изъ лошадей враждебна къ Олѣ — и выпрягъ лошадь: и ужъ ѣхали на парѣ —

а Федоръ Фалалеичъ съ Мишей на четверкѣ.

А потомъ заподозрилъ и другую лошадь — и ее выпрягъ: и потащились на одной —

а тѣ на четверкѣ, сзади пятая.

И когда, кажется, некого было подозрѣвать: и впереди — никого и лошадь одна! — онъ заподозрилъ Федора Фалалеича, будто бы Федоръ Фалалеичъ въ уговорѣ съ лошадьми и тѣми неизвѣстными, кто хочетъ украсть Олю, и что Федора Фалалеича надо убить.

Вотъ тебѣ и разъ! — На Федора Фалалеича напала медвѣжья болѣзнь: не удержаться!

А Черкасовъ давно и забылъ — Черкасовъ опять поминутно вылѣзалъ: потому что тяжело было ѣхать. Вставалъ и кучеръ, вставала и Оля —

вѣдь, одна лошадь!

И Федоръ Фалалеичъ поминутно вылѣзалъ:

— Господи, хотъ бы домой поскорѣй!

Поѣздка не изъ веселыхъ.

Ѣхали, Ѣхали — конца нѣтъ! — и только совсѣмъ ночью добрались до Бобровки.

Въ Бобровкѣ пошло то же, что въ Ватагинѣ.

Черкасовъ переставлялъ мебель и всѣхъ ругалъ — и Федора Фалалеича и Нелиду Максимовну и Пахомыча и Терентія и повара Лавернтія Мокеича и садовника Григорія, всякого, кто подвернется, но больше всѣхъ доставалось матери.

Единственная — Оля.

Жарко, а онъ станеть у колодца — головой подъ солнцѣ.

— Оля, — просить Елена Степановна, — скажите ему, чтобы надѣлъ шляпу.

Оля скажетъ — онъ послушаетъ.

Или начнетъ полы мыть по-свсему: ведро воды на полъ — цѣлое море.

— Оля, скажите, чтобы пересталъ.

Оля скажетъ — онъ перестанетъ.

Садъ въ Бобровкѣ сдавали — Черкасовъ тихонько бралъ деньги у арендаторовъ. А потомъ сядетъ на крыльцо, вынетъ деньги — разрываетъ и подъ крыльцо.

И одна только Оля остановить.

Докторъ Перепелка совѣтовалъ отвезти его въ Петербургъ въ лечебницу. И само собой, ѣхать въ Петербургъ съ Олей, иначе не уговоришь.

За обѣдомъ Оля сказала:

— Я сегодня ѣду въ Петербургъ.

— И я тоже! — обрадовался Черкасовъ.

— Ну и мнѣ надо, — сказалъ Перепелка, — такъ вмѣстѣ и поѣдемъ.

И до Петербурга дорога была не легкая. Черкасовъ выходилъ на площадку, садился къ буферамъ: спустить ноги и свистить. Все просилъ, чтобы и Оля съ нимъ сѣла. Страшно было въ дорогѣ.

Недалеко отъ Петербурга онъ снялъ съ себя часы и подаль Олѣ:

— Возьмите, — сказалъ онъ, — храните отъ меня на память: отъ сумашедшаго друга.

Въ Петербургѣ былъ предупрежденъ двоюродный братъ Черкасова, онъ и встрѣтилъ на вокзалѣ и поеезъ къ себѣ на Сергіевскую. А послѣ чаю поѣхали будто кататься, а на самомъ дѣлѣ на Таврическую — въ лечебницу.

А тамъ ждали — все было приготовлено.

Докторъ попросилъ Олю отворить дверь въ комнату. Оля отворила —

Черкасовъ увѣренный, что пойдетъ съ нимъ и Оля, вошелъ —

И дверь за нимъ захлопнулась.

*

Олѣ попался извозчикъ — бѣлая лошадь.

— На Колтовскую!

И поѣхала.

А какъ сворачивать съ Кировной на Литейный, извозчикъ обернулся и Оля замѣтила: извозчикъ безъ носа. И стало ей душно, какъ во снѣ: все перекосилось, неровно, плывуче — дома, мостовая, прохожіе — одинъ

звукъ — одинъ шумъ — и только безносый и бѣлая лошадь.

И вдругъ лошадь вцѣпилась со встрѣчной взбѣсившейся лошадыо — и загрызлись.

Это было одно мгновење — все покачнулось — еще... и Оля очутилась бы на мостовой — — да соскочившій съ извозчика офицеръ шашкой ударилъ лошадь и лошадь упала.

Какъ изъ сна, какъ бы изъ воды, ужъ захлебываясь.. какъ отъ пропасти — вотъ сорвется! — встала Оля, заплатила извозчику и пошла пѣшкомъ.

Оля едва отыскала Котельниковыхъ: на Колтовской въ самомъ послѣднемъ дворѣ квартира безъ номера.

Людмила Николаевна была дома, очень обрадовалась и сразу же по-лицу почувствовала, что съ Олей произошло что-то.

Не спрашивая, она стала передъ ней на колѣни, обнимала ее, заплакала.

Всѣ слова — да словъ такихъ нѣтъ! — и вотъ вмѣстѣ слова — заплакала.

Тепло и свѣтъ окутали душу — и Оля какъ очнулась.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ

Котельниковъ — бѣльмо у жандармовъ.

И въ университетѣ его арестовывали и вотъ кончилъ, служилъ у присяжнаго повѣреннаго, а нѣтъ нѣтъ да и потянуть. Высылать его не высылали, «дѣла» Котельникова не было: его арестовывали всегда при комъ-нибудь — въ послѣдній разъ «по дѣлу Сергѣя Рашевского».

Все тюремное ему извѣстно, какъ никому. И онъ умѣлъ устроиться въ тюрьмѣ, какъ дома. Вышелъ онъ изъ крайней бѣдности и съ дѣтства узналъ

дома такую нужду, при которой тюрьма кажется «уютнымъ уголкомъ.»

«Я и не выросъ, очень плохо жили!» — объяснялъ онъ свой маленькій ростъ.

Частое сидѣнье въ тюрьмѣ дало ему возможность «подумать». И много чего, что за суетой — а всякая дѣятельность суетлива! — ускользаетъ, тутъ онъ по косточкамъ перебралъ и обдумалъ. Служи онъ только у присяжнаго повѣреннаго (а много любопытнаго узналъ онъ изъ разныхъ «дѣлъ»!) ему нѣкогда было бы, а вотъ тюрьма освобождала его. Много онъ въ тюрьмѣ читалъ, а не разрѣшали книгъ — думалъ.

И никогда ему не было «скучно». При всѣхъ обстоятельствахъ, во всякомъ положеніи онъ находилъ себѣ «полезную» работу. Въ этомъ онъ былъ похожъ на Ильину. Но Ильина стараго закала — вулканъ, а онъ выдержанный и отъ молчанія (въ тюрьмѣ не поговоришь) слова его совсѣмъ не огненные, а тихія, напоенныя: когда слушаешь, понимаешь, что не зря это, не съ бухта-барахта, а по какимъ-то раздумнымъ желобкамъ идутъ его слова. И вотъ почему съ горечью говорилъ онъ о человѣческомъ «легкодущіи» и «легкосердечіи» — въ самомъ въ немъ «поверхностности» и званія не было.

Больше извѣстенъ былъ Котельниковъ не по фамиліи, а какъ Федоръ Ивановичъ. Федоромъ Ивановичемъ называли его и Оля и Зина.

Такъ съ разговоръ — съ виду какой же онъ былъ революціонеръ! Ничего вѣдь такого рѣзкаго, какого-нибудь «сильнодѣйствующаго средства» онъ не указывалъ и не возглавлялъ никакого кружка и ни въ чемъ его нельзя было уличить — при обыскахъ у него никогда ничего не находили. Но жандармы не такіе дураки: онъ дѣйствительно былъ «бѣльмомъ» и неисправимымъ.

Сидя постоянно въ тюрьмѣ, онъ свое додумалъ и твердо.

Сама жизнь его была «неисправимымъ бѣльмомъ»,

самая его жизнь никогда не могла успокоить его. И въ своей жизни онъ соединялъ многихъ — очень многихъ, которые только не могли высказаться — неумѣли выразить своего самого бѣдоваго.

*

«Нѣтъ, я не говорю, чтобы бѣдность, и съ нею бѣда были бы тѣмъ желаемымъ, чего пожелаю всякому —

нѣтъ, какъ разъ наооборотъ, наша жизнь есть то, чего и врагу не пожелалъ бы —

нѣтъ! — вѣдь и всѣ революціи къ тому, чтобы такую жизнь «предать забвенію» и сдѣлать людей не то, чтобы богатыми (это только по наивности или по пылкости такъ ляпнуть другой!), а сдѣлать жизнь достаточною. Вѣдь, средства-то жизни — отъ труда! И всякій трудящійся имѣетъ же право на такую достаточную жизнь, которой вотъ мы лишены! —

«Я знаю, при матеріальныхъ недостаткахъ, съ постоянной нуждой, мелочныя заботы засоряютъ духъ. Да, духъ! — вотъ то самое, безъ чего человѣкъ и на человѣка-то не похожъ. Затѣняютъ духъ житейскими мелочами. И ужъ какъ бы ты поступилъ — да, конечно, по другому! — если бы былъ сытъ и жилъ бы въ теплѣ и съ «удобствами», а не какъ свинья или крыса въ норѣ, не бѣгалъ бы за добычей, не повторялъ бы однихъ и тѣхъ же просьбъ, не дожидался бы въ прихожей или въ пріемной, все равно — для насъ, извѣстно всегда «подожди!», — не молчалъ бы на глупости, которыя предшествуютъ разговору о твоёмъ дѣлѣ, не тасился бы больной и въ погоду къ чорту на рога, потому что тебѣ туда назначено и не притти ты не можешь, а пожалуй и не приходи, очень-то ждать не будутъ и безъ тебя обойдутся, тебѣ же дѣлаютъ одолженіе — всегда «одолженіе»! Не даромъ же въ античной трагедіи дѣйствующія лица «цари»,

т. е. люди, освобожденные от матеріальных заботъ, — взять «духъ» въ чистотѣ безъ примѣси какого-нибудь студня или картошки съ солеными огурцами, данъ человѣкъ, который имѣетъ возможность думать и не только о дровахъ, которыхъ нѣтъ и надо добыть, и что вотъ вы пришли, а и сѣсть-то не на чемъ, а завтра Людмилѣ Николавенѣ надо на урокъ итти наниматься, а ей и выйти-то не въ чемъ, да и Наташѣ надо — вѣдь ей надо! — она не понимаетъ, мы-то какъ-нибудь обойдемся —

«Да, я знаю, много отрицательныхъ сторонъ «бѣдности», съ которой объ-руку нужда ходить, — и врагу не пожелаю! —

«Да, въ нуждѣ и раздраженіе — сама жизнь колеть! — какъ же тутъ быть равнымъ? Да и сердце надорвано — тихихъ словъ не скажешь. И гдѣ больше крику!? — конечно, въ нуждѣ, да и не только крику! —

«Да, это хорошо, завидно всему міру улыбаться — видѣлъ я такія рожи на фотографіяхъ, рожи съ золотыми зубами! А ты вотъ попробуй поживи-ка безъ номера на третьемъ дворѣ на Колтовской и безъ дровъ, когда не то что золотой зубъ вставить, а запломбировать и радъ бы, да даромъ-то вѣдь не стануть. а скуло вотъ-вотъ разнесетъ, ты попробуй-ка улыбнуться не міру, а вотъ хоть — —

«И мѣщанство, т. е. мелочная расчетливость. Оно у насъ-то мѣщанствомъ не называется! Вѣдь «мѣщанство» — это когда человѣкъ съ карманомъ начнетъ въ мелочахъ рассчитывать да копейку сбшаривать и — — осуждать тебя, если ты взялъ, да на послѣдніе и купилъ, вотъ эти калачи купилъ и чай пьешь. А вѣдь ты не имѣешь право чай пить —

«Пошелъ я недавно въ театръ на Шляпина, надо же хоть разъ послушать, и всѣ деньги истратилъ на билетъ. Въ коридорѣ сталкиваюсь съ моимъ патрономъ — удивленъ и потрясенъ: «Какимъ образом вы попали?!» «Такимъ же, говорю, какъ и вы». Понимаете, какъ же это я, — а онъ хорошо знаетъ, въ ка-

комъ я положеніи! — и вдругъ на Шаляпинѣ! Да вѣдь я же не имѣю права слушать Шаляпина, какъ и чай пить съ калачами —

«Да, мѣшанство — это мелочная расчетливость, ей Богу, другой разъ изъ-за сломанной спички, изъ-за сметеннаго окурка такое подымешь, точно у тебя, я ужъ и не знаю, что отняли! И, конечно, нарушеніе самыхъ простыхъ требованій общежитія: ложь, обманъ, воровство — всѣ эти «грѣхи» бѣдняковъ —

«Ну, скажите, пожалуйста, ну какъ же и не соврать? Вѣдь, я же могу говорить правду только тому, кто пойметъ меня со всей этой моей жизнью, а пойметъ только свой человѣкъ, самъ живущій, какъ я. А скажи я по правдѣ человѣку, который только представляется понимающимъ, тамъ — — «все понимаютъ!» — да онъ все въ расчетъ возьметъ: ну вотъ мы и чай пьемъ и калачи есть и — самый изъ ужасовъ — ветчина, ветчины я купилъ, сейчасъ принесу, вотъ память-то! «Какъ! у васъ ветчина: такъ дорого!» Ему-то самому можно, хоть и дорого! Или: «Вы занимаете такую квартиру, такъ дорого!» Но вѣдь самъ-то имѣетъ куда лучшую квартиру и платитъ дѣйствительно дорого — ему можно, а тебѣ: крысиную нору, такъ что ли? и тогда онъ успокоится или — — ну, какъ же я съ такимъ буду говорить по-правдѣ? —

«Тоже на-счетъ и украсть. Ну, и украдетъ — у сосѣда нельзя, а у того, кто подальше. Впрочемъ, разстояніе вещь относительная, и не въ томъ дѣло, у кого украсть — —

«Я думаю, что качества т. н. «хорошихъ людей» только и возможны и само-собой появляются только при достаткѣ человѣка, когда человѣкъ становится на человѣка похожъ. И такой можетъ быть «честнымъ» — держать слово! — и «милосерднымъ!» Ну, а какъ тутъ чего удѣлишь, когда у самихъ нѣтъ, изъ ничего — ничего и будетъ! И какъ тутъ не обмануть, когда такая всегда недохватка —

«Люди же сытые, избалованные жизнью (ну, раз-

въ не баловство: родиться богатым!), люди, имѣющіе возможность быть «хорошими», требуютъ отъ насъ, отъ бѣдности такого, что имъ совсѣмъ легко — «разъ плюнуть», и тычутъ «нравственными понятіями» —

«Да, всѣ революціи сводятся къ тому, чтобы сдѣлать людей похожими на человѣка, — дать человѣку какой-то достатокъ жизни, при которомъ онъ будетъ имѣть возможность исполнять заповѣди «общежитія». И это первое и самое главное и безъ этого ничего невозможно — никакія политическія (ничего не равняющія!) равенства и никакія (отъ ничего не освобождающія!) свободы. Но пока такой революціи не произошло — а къ ней, только къ ней и устремлены сознательно или, безсознательно всѣ помыслы людей, обреченныхъ на трудную жизнь! — пока все на своемъ мѣстѣ «по уложенію» и по «предначертанной судьбѣ» и люди дѣлятся на бѣдныхъ и богатыхъ, есть какая-то «нравственность» бѣдныхъ и есть богатыхъ, и общаго между ними ничего нѣтъ —

«Я всегда буду обращенъ сердцемъ къ бѣднымъ, къ которымъ принадлежу. Я знаю всѣ отрицательныя стороны бѣдности, которой не пожелаю и врагу, но скажу такъ — я только среди бѣдности видѣлъ при всей нашей отвратительной злой нуждѣ такія качества духа, какія нигдѣ не видалъ, или какія и бываютъ — все бываетъ! — но только у избранныхъ тамъ — тамъ, гдѣ насъ никогда не поймутъ —

«Если богатый броситъ обглоданную кость или завалѣющій кусокъ хлѣба, который для меня-то будетъ «насушнымъ хлѣбомъ», а кость «наваристой мозговой костью», — для него это плевсе дѣло, а если бѣдный это сдѣлаетъ, «подѣлится» — то это ужъ отъ самого тѣла оторванный кусокъ и кость отъ живыхъ костей, отъ «состава»; и сдѣлаетъ это по «сочувствію», богатый же — чтобы не «приставали»; и бѣдный забудетъ, что подѣлился, а богатый всю жизнь будетъ помнить и, если по той же нуждѣ ты вздумаешь и еще разъ обратиться къ нему, онъ тебѣ напомнитъ. Впро-

чемъ, есть всякіе очень хорошіе и чистые способы, чтобы не только во второй разъ, но и вообще не обращаться. Я какъ-то получилъ письмо отъ одного товарища изъ ссылки, просить прислать денегъ, а что мнѣ послать? — вотъ я и думаю, и придумать ничего не могу! А мой патронъ и говоритъ: «Да не отвѣчайте на письмо!» «Какъ, говорю, не отвѣчать?» «Да будто ничего не получили, я всегда такъ дѣлаю». Это, оказывается, одинъ изъ способовъ и очень распространенный —

Разсказывалъ онъ случай изъ «исторіи революціи» — вычиталъ въ какомъ-то историческомъ сборникѣ въ тюрьмѣ. Обыкновенно о революціяхъ разсказываютъ или «ужасы», или легенды о героическихъ подвигахъ, а въ этомъ случаѣ ни ужаса, ни легенды, просто живая жизнь.

Въ какомъ-то мексиканскомъ городѣ взяли верхъ революціонеры, а жилъ тамъ молодой богатый графъ мексиканскій и, конечно, этого графа первымъ должны были уничтожить революціонеры. И вотъ, простой человѣкъ изъ мексиканскихъ же рабочихъ, бывший каторжникъ, стоявшій во главѣ революціонеровъ, пожалѣлъ этого молодого графа и, когда пришелъ день суда, спряталъ его и потомъ много приложилъ усилій не дать въ руки своимъ же «обреченного» классоваго врага. Но, какъ вездѣ, ничто не вѣчно и нѣтъ ничего постоянного и всякія власти человѣческія кончаются, такъ и тутъ случилось, пришли другіе мексиканцы, сторонники графа: революціонеровъ пошибали, а главного бандита, каторжника-то, перваго намѣтили къ истребленію. И вотъ этотъ самый графъ мексиканскій въ самую критическую минуту и укрывъ его у себя. А когда первая вспышка

прошла и чувство мести и «справедливой народной кары» улеглось, графъ тихонько выпроводилъ его изъ города — и ужъ въ другомъ городѣ его прикончили. Но это не важно: на то и шель! А графъ, видя — не дуракъ былъ! — что и эта власть, дружественная, какъ и всякая, непрочна, перекочевалъ на верблюдахъ къ какому-то Новуходоносору, который въ ту пору травы еще не ѣлъ, и было въ его царствѣ пока-что тихо и смирно. И тамъ, у Новуходоносора, рассказывая среди друзей и прихлебывателей исторію свсего чудеснаго спасенія и какъ онъ самъ изверга укрывъ и тѣмъ спасъ жизнь, совершенно откровенно заявлялъ: «Я укрывалъ его, потому что не хотѣлъ, чтобы у него осталось, будто онъ мнѣ одолженіе сдѣлалъ, и я ему обязанъ!»

«Такъ вотъ, значить, спасъ этотъ графъ изверга только потому, чтобы въ долгу не оставаться. А вѣдь извергъ-то, каторжникъ-то спасъ его безъ всякаго расчета, просто пожалѣлъ. Нѣтъ, даже и спасти-то человѣка они такъ не могутъ и никогда не поймутъ, что спастъ другого можно изъ-за самого прекраснаго чувства «спаси» —

«Да, всѣ революціи исходятъ изъ перваго и самого главнаго: сдѣлать людей похожими на человѣка, — а это возможно только при достаточныхъ средствахъ къ жизни. Но пока все остается неизмѣнно и помириться нельзя. И невозможно. И это не то, что увлекся и разочаровался, нѣтъ, — это сама суть нашей тягчайшей жизни, ее зовъ! —

«Все это я грубо говорю. Я и о другомъ думалъ — знаю и извивы и изломы человѣческой жизни. Знаю, все гораздо сложнѣе и запутаннѣе. Но вы поймете: о самой сердцевинѣ нашей бѣды иначе и нельзя сказать —

«И скажу еще: до тѣхъ поръ не замирится земля, пока не будетъ достигнута возможность вести человѣческую жизнь — быть дѣйствительно человѣкомъ: не терять ни-къ-чему-ненужное терпѣніе, не унижаться, не принимать молча оскорбленія. Въ духѣ человѣка скрыты великія возможности, а уродливая несправедливая жизнь вотъ столечко даетъ ему простора развернуться, все остальное убивается на мыканье и терпѣнье.

«Да, пока живъ человѣкъ, будутъ на землѣ революціи. И только мертвые, окончательно забытые жизнью, не пошевельнутся, да подчинившіеся свей долѣ — норѣ крысиной — останутся равнодушными.

«Пока живъ человѣкъ — пока онъ хочетъ перемѣны въ своей жизни (въ общей жизни, съ которой его жизнь связана!), будутъ революціи. А революціи всегда ужасны. Дѣйствующие — не машины, а люди со страстями и грѣхами. А кромѣ того, орудіемъ и средствомъ революціи всегда будутъ люди наиболѣе грубые, нечувствительные, отчаянные и озлобленные. Вдохновители же, наиболѣе изъ нихъ человѣчные, на черную работу не пойдутъ, да если бы въ порывѣ и захотѣли, не годятся. Вотъ вы, на примѣръ — —

*

Жизнь Котельниковыхъ была бѣдовая и чудесная.

Только чудомъ они были на свѣтѣ. И особенно когда Федора Ивановича въ тюрьму сажали, и Людмила Николавена оставалась одна съ Наташей.

Людмила Николавена брала бѣлье стирать, — этимъ и жили.

Оля часто заходила къ нимъ. Доставала имъ денегъ, няньчилась съ Наташей.

Въ Людмилѣ Николавенѣ много было материнской нѣжности. Федору Ивановичу многое можно было повѣрить: конспиративную науку и со всей точностью онъ прошелъ до конца.

И всегда у нихъ въ ихъ бѣдной квартирѣ, гдѣ вмѣсто стульевъ стояли престо пни, было столько душевнаго тепла, совѣсти и свѣта.

*

А это потомъ —

Черезъ годъ —

Не на Колтовской въ квартирѣ безъ номера, а въ тюрьмѣ — въ Предварилкѣ на Шпалерной.

Въ тюрьмѣ Оля горячо вспомнить и Людмилу Николавену и Федора Ивановича и Наташу.

Чаще всѣхъ передача — отъ Котельниковыхъ.

И если нечего — совсѣмъ, стало быть, денегъ нѣтъ — то такъ что-нибудь незначительное: кусочекъ пирога отъ Филиппова. Иногда же (чудеснымъ образомъ!) жаренная курица: и всегда курица безъ крыла. Оля понимаетъ: крыло — Наташѣ; и еще понимаетъ до слезъ, что для себя-то они никогда такого не сдѣлаютъ — цѣлая курица!

На Троицу Людмила Николавена принесла въ тюрьму березки, передъ Рождествомъ — кутью. А на самое Рождество Оля получила карточку: Наташа. А на оборотѣ письмо:

«Дорогая тетя Оля, я такъ давно не вижу тебя, не слышу твоихъ пѣсенъ. Мнѣ скучно, такъ скучно, что хоть и сильный морозъ, а я иду къ тебѣ, чтобы встрѣтиться съ тобой праздники. Мы вмѣстѣ будемъ пѣть Коляду, я ужъ умѣю пѣть и бѣгать тоже. Крѣпко цѣлую тебя, дорогая тетя Оля. Твоя Наталка.»

У Ж Е

Послѣ лѣта первая встрѣча на Курсахъ съ Зиной:

— Ты страшно перемѣнилась, Оля.

— Какъ?

— А теперь никто не скажетъ: «Оля — дѣвчонка!»

На собраніи въ Кружкѣ Маня Сажина:

— Надо быть уже: только однимъ и интересоваться, а все остальное оставить.

Оля, подумавъ:

— Да, надо быть уже.

Оля ходила на Курсы, слушала лекціи, но когда пропускала, не схватывалась. Некогда было. Все время — на революцію. («Надо быть уже»).

Не было свободной минуты для себя. Съ утра начиналась бѣготня, ѣзда на извозчикахъ по дѣламъ. И не просто надо было ходить, а осматриваться, чтобы увернуться отъ шпионовъ. И разговоры.

Если и разрѣшено, подумайте, сколько тратится силъ и времени на всякіе организаціонныя собранія, а когда еще надо прятаться, тутъ часовъ не считаютъ; и при этомъ много всякихъ побочныхъ дѣлъ обстановочныхъ, которыя требуютъ большой изобрѣтательности, точности и памяти; да и безъ дурака нигдѣ не обходится, стало быть, путанница непремѣнно, которую всегда надо распутывать.

Особенно горячка была осенью.

Затѣяли типографію. Оля ѣздила въ Харьковъ, привезла шрифтъ. Надо было печатать прокламаціи.

Къ этому же времени «Бракоразводный комитетъ», за недостиженіемъ цѣлей, преобразовался въ «Струю единенія»: эта «Струя» должна была объединить курсистокъ бестужевокъ съ курсистками другихъ высшихъ учебныхъ заведеній — съ педагогичками и ме-

дичками, заправили же оставались всё старья знакомыя —

Оля, Лида Алексѣева, Нина Мавлютина и Варя Финикова.

«Струя единенія», «Кружокъ декабристокъ» и конспиративныя дѣла — такъ все время, ни минуты.

*

Въ началѣ зимы стали поговаривать, что «дѣло» Сергѣя Рашевского подходит къ концу — сидѣлъ онъ два года! И дѣйствительно, были признаки: его перевели изъ Петропавловской крѣпости въ Предварилку на Шпалерную.

На свиданіе ходила Зина и Федоръ Ивановичъ.

Было условлено: когда узнаютъ о приговорѣ — сколько лѣтъ ссылки, столько бы яблоковъ и принесли для передачи.

Разными путями и ходами добились — узнали: Зина понесла въ тюрьму для передачи восемь яблокъ — восемь лѣтъ ссылки въ Восточную Сибирь!

Начались хлопоты черезъ двоюродного брата Черкасова, который занималъ большое мѣсто, чтобы не по этапу ѣхать Рашевскому, а на свой счетъ съ сопровождающимъ. И когда получилось разрѣшеніе, выяснился точно и день отъѣзда.

Зина и Оля пріѣхали на Николавскій вокзалъ — Рашевского привезли: съ нимъ былъ «сопровождающій» и Федоръ Ивановичъ. Рѣшено было ѣхать всѣмъ вмѣстѣ до Бологого.

Послѣ двухлѣтней тюрьмы Рашевского все удивляло: глаза, привыкшіе къ стѣнамъ, а слухъ къ тишинѣ живо дѣйствовали на разнообразіе окружающаго. Онъ точно открывалъ новое:

— И лѣсъ растетъ!

— И дѣти кричатъ!

«Сопровождающій» не мѣшалъ разговору: онъ

залегъ на верхнюю полку и никакъ не отзывался — можетъ, за столько лѣтъ вытянулся; шпионская-то должность, не посидишь на мѣстѣ, не развалишься?!

Вышли на площадку.

На площадкѣ можно было обо всемъ гсворить.

Вспоминали — вспоминился и день ареста, третій день Пасхи, и какъ Оля попала въ засаду на Захарьевской.

— Утромъ меня разбудила Зина: у нея былъ обыскъ. Прссить пройти на Захарьевскую и узнать, какъ у васъ. Я поѣхала на Захарьевскую. Тамъ у воротъ увидала много гсродсвыхъ и въ штатскомъ. Я вошла во дворъ и, не обращая вниманія, прямо къ тому подъѣзду, гдѣ, я знала, вы живете. Мнѣ изъ оконъ стали махать. А я ничего не пснимаю: тоже платкомъ помахала. Всэлъ подъѣзда жандармы — я мимо нихъ по лѣстницѣ. Догналъ меня жандармъ и въ штатскомъ, д. б. сыщикъ. «Какую квартиру вамъ надо?» «Рашевскаго», говорю. А тотъ такъ вѣжливо: «Пожалуйте!» И въ комнату съ гсродсвыми меня заперъ. Гсродсвой сначала молчалъ, потомъ разгсворился: разсказалъ, что въ ночь много арестовъ было — «больше ста рублей на кареты истрачено!» Я прсидѣла до шести чассвъ вечера. Вошелъ какой-то штатскій и сталъ меня спрашивать: кто я и зачѣмъ пришла? Я сказала, что пришла просить къ экзамену книгу: Логику. Штатскій ушелъ. Еще прсидѣла сколько — съ часъ. И меня повезли на Горохсвую въ Охраннсе.

— А вѣдь я видѣлъ, какъ вы входили: меня еще тогда не отвезли.

— На Горохсвой жандармскій полксвникъ сказалъ, — предсжала Оля, — что обвиняюсь «въ близкихъ сношеніяхъ съ политическимъ преступникомъ Рашевскимъ и не въ какихъ-нибудь личныхъ, а по общему дѣлу». И такъ какъ я «очень молсда и, очевидно, не боюсь жандармовъ», онъ меня отпускаетъ. Этотъ полксвникъ ужасно мнѣ былъ отвратителень.

И я до сихъ поръ съ непріятностью вспоминаю, какъ онъ разговаривалъ со мной.

— Это Струнскій, — сказала Рашевскій, — негодяй!

Въ Бологомъ Рашевскій сталъ просить проводить его до Москвы — и такъ незамѣтно доѣхали до Москвы.

Не на вокзалѣ же ждать поѣзда — пошли ходить по улицамъ. Въ первый разъ Оля увидѣла Москву! Добрались до Тверскаго бульвара.

— Памятникъ Пушкину!

Но тутъ «сопровождающій» запротестовалъ: по городу ходить не полагается. И опять на вокзалъ.

— Проводите меня еще немножко!

— Я поѣду, — сказала Оля.

— И я съ тобой поѣду.

Федоръ Ивановичъ простился: онъ долженъ въ Петербургъ. А Зина и Оля поѣхали съ Рашевскимъ. И до Серпухова — не замѣтили, въ Серпуховѣ вышли.

Поднялась мятель — летѣлъ снѣгъ, ухъ, какъ въ ладошки хлопалъ — и! какъ! весело.

Рашевскій былъ въ большой шубѣ и отъ шубы онъ казался еще больше. Прощаясь, онъ двумя руками съ шубой взялъ Олину руку.

— Я готовъ сдѣлать какое-угодно сартоморта-ле, чтобы только опять увидѣть васъ.

А снѣгъ такъ и засыпалъ, захлопалъ — и! весело!

— — — — —

— Я прекрасно знаю, что Сергѣю и не надо было, чтобы я его провожала, — говорила Зина, — но куда же ты одна дѣнешься въ Москвѣ!

Въ Москвѣ Зина повела Олю ночевать къ знакомымъ. А на утро поѣхали въ Петербургъ.

— Сергѣй убѣжить, я знаю! — сказала Оля.

— Трудно, — Зина не вѣрила.

— Ну, такой найдется! Не будетъ же онъ корпѣть въсемь лѣтъ безъ дѣла.

БЕЗПОРЯДКИ

Всего два дня не были на Курсахъ, а Курсовъ нельзя узнать: сразу же почувствовалась «атмосфера безпорядковъ».

Лекцій нѣтъ — въ чемъ дѣло?

Варя Финикова, особенно возбужденная, бѣгала изъ аудиторіи въ аудиторію.

— Да въ чемъ дѣло?

— Курсистку — я не знаю фамиліи — поцѣловаль профессоръ Дадыкинъ, когда она пришла къ нему за книжкой — и Финикова зазвенѣла, — такъ этого нельзя оставить?!

— Нельзя! — подхватили, — нельзя?!

Профессоръ Дадыкинъ — у него большая библіотека — давалъ курсисткамъ читать книжки; розовенькій, пухленькій, съ необыкновенно мягкимъ голосомъ и очень вѣжливый до стѣснительности и робости, и ужъ куда тамъ поцѣловать, да онъ просто какъ-нибудь посмотрѣть не рѣшился бы, всегда съ книгой и въ книгѣ, и самъ въ родѣ сафьяноваго корешка книжнаго.

— Нельзя! нельзя! — звенѣло и задорно и колко.

Тутъ Оля увидѣла, что и Лида Алексѣева, и Маша Сажина, и Нина Мавлютина не менѣе возбуждены, и это передалось и ей и Зинѣ.

А въ математической аудиторіи собирались и почему-то не шли, а бѣжали, и съ бѣжавшими бѣжалъ и крикъ и звякъ взволнованныхъ голосовъ:

— Это неправда.

— Надо его освистать.

— Дадыкинъ поцѣловаль.

— Такъ этого оставить нельзя.

— Нельзя! нельзя!

— Позвольте, — выступила Женя Шубина, — только-что получено извѣстіе: профессоръ Дадыкинъ

сошелъ съ ума и его поступокъ не зависить отъ акта сознанія.

— Ну, и что жъ, поцѣловаль? Неизвѣстно, какъ было: можетъ, совсѣмъ съ другими цѣлями.

— Не можетъ быть.

— Неизвѣстно, какъ это было: сама курсистка могла подать поводъ.

И тутъ-то вотъ вылъзла, стала на столъ маленькая кругленькая, носикъ шишечкой — курсистка Мизюкина.

— Нѣтъ, — сказала она, — это все невѣрно, другихъ цѣлей не было и повода я никакого не давала. Это было со мной.

И она начала рассказывать, какъ ее поцѣловаль Дадыкинъ.

Олѣ было неловко слушать — —

— — потомъ вышелъ онъ на площадку, — отчетливо выговаривала Мизюкина, — и сказалъ мнѣ, что онъ ко мнѣ придетъ.

— Такъ этого оставить нельзя! — крикнула Варя Финикова.

— Нельзя нельзя! — подхватили со всѣхъ концовъ.

И когда, сорвавъ сердце, выкрикнулись, и понемногу стали расходиться, медленно вошла въ аудиторію Анна Ивановна Синицина.

— Четыре года на Курсахъ, — сказала она, — какихъ только безпорядковъ не было и изъ-за студентовъ, и изъ-за нагаекъ, но чтсбы изъ-за поцѣлуя, такого не бывало.

*

На другой день съ утра поднялось вчерашнее — опять стали собираться въ аудиторію, опять крикъ, опять нѣтъ лекцій.

И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, комитетскія дамы забѣгали по коридору и зашуршало изъ всѣхъ угловъ:

— Курсы на волоскѣ!

— Курсы закроютъ!

А курсистки кричали:

— Такъ этого оставить нельзя! — выразить протестъ!

Какая-то «нестоющая» курсистка — «барышня», начиненная курсовыми дамами, особенно горячо возражала: голосъ ее раздавался и въ аудиторіи и въ коридорѣ.

— Это личное дѣло, — говорила она, — Мизюкина и должна выразить протестъ. И никакого общественного значенія не имѣть.

— Не трепайте фамилію! — крикнула ей Оля.

Окрикъ Оли произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе и на время барышня замолчала. И осталось единодушное: «выразить протестъ».

По обыкновенію на Курсахъ появился любимый профессоръ Воркуновъ, но въ аудиторію онъ не пошелъ.

— Удивляюсь, — говорилъ онъ въ коридорѣ, — вѣдь надо видѣть Мизюкину: какъ еще ее городской не поцѣловаль!

*

И на третій день было не меньше крику, чѣмъ въ первый.

Опять выступила «барышня», доказывая, что этотъ поцѣлуй общественного значенія никакого не имѣть и что Мизюкина должна сама выразить протестъ.

— Не трепайте фамилію! — по Олиному, только тоненько крикнула Соня Ефимова.

— А зачѣмъ же вы, какъ выражается Ильмевна, трепаете имя Дадыкина!

Но тутъ вступилась Варя Финикова: она дошла до послѣдняго ожесточенія и ужъ сама съ собой повторяла —

«такъ этого оставить нельзя!»

— Выразить протестъ!» — откликнулась аудитория.

И вынесли постановленіе:

- 1) на курсовой вечеръ Дадыкину почетный билетъ не посылать;
- 2) при первомъ удобномъ случаѣ освистать;
- 3) всѣ книги, какія взяли у него, вернуть.

И написали коллективное письмо:

«считаемъ оскорбительнымъ для себя брать книги и возвращаемъ.»

И всѣ подписались: Варя Финикова, Оля, Зина, Лида Алексѣева, Маня Сажина, Нина Мавлютина — и тѣ, кто никогда никакихъ книгъ не бралъ у Дадыкина, просто изъ протеста.

Вотъ какой вышелъ листъ!

Федоръ Ивановичъ только смѣялся надъ всей этой исторіей съ «поцѣлуемъ».

— Это не въ первый разъ, — говорилъ онъ, — это, когда я былъ на второмъ курсѣ, Дадыкинъ тоже курсистку поцѣловалъ, и тоже были безпорядки!

ПОДЪ СТУКЪ

Шпалерная : камера на 4-мъ этажѣ № 23.

Дверь захлопнулась — и Оля осталась одна.

Первое: стукъ — стучать со всѣхъ сторонъ — Оля сняла ботинокъ и каблукомъ стала колотить въ стѣну.

— — — — —

Въ коридорѣ поднялся шумъ, вбѣжала надзирательница:

— У насъ стучать не позволяется! Пойдете въ карцеръ!

Оля надѣла ботинокъ и стала прислушиваться:
стучали со всѣхъ сторонъ — стукъ глухой,
а сверху ясно:

— Кто?

— — —

«Конечно, надо стучать чѣмъ-нибудь легкимъ!»
— поняла Оля, вынула шпильку и шпилькой посту-
чала обыкновенной азбукой медленно:

— И-л-ь-м-е-н-е-в-а

И стукомъ ей отвѣтили:

— Раздѣлите азбуку на шесть частей — въ каж-
дой части по пяти буквъ.

И ужъ по-новому выстукала Оля и совсѣмъ про-
сто:

— Кто?

И просто разобрала отвѣтъ.

— Игнатьева. Сегодня большіе аресты.

Такъ Оля и научилась и стала стучать-разгова-
ривать азбукой, которой перестукиваются.

И пошла ея тюремная жизнь — дни и ночи подѣ
стукъ.

Оля была арестована совсѣмъ неожиданно
— впрсчемъ, ожиданно ничего не «слу-
чается»! Послѣ Шевченковского вечера,
на которомъ была и Зина, Оля вернулась
домой поздно. А дома: жандармы — ужъ
обыскъ сдѣлали. Такъ прошла ночь. Ут-
ромъ повезли на Шпалерную въ Пред-
варилку. Везли на извозчикъ два жан-
дарма. Весна — мартъ — солнце. Встрѣ-
чаясь, незнакомые студенты махали шап-
ками и провожали особеннымъ взглядомъ:
всякому было понятно, что арестованную
везли въ тюрьму.

Черезъ нѣсколько дней стучить Игнатьева:

— Вамъ кланяется Рашевская.

— Она здѣсь?

— Да. Отъ меня черезъ камеру.

Игнатьева перечислила всѣхъ — всѣ были здѣсь:
Лида Алексѣева, Маня Сажина, Нина Мавлютина, Варя Финикова.

Олѣ хотѣлось поговорить съ Зиной, но какъ это сдѣлать: на другой этажъ черезъ камеру въ уголъ — далеко.

Сосѣдка Лаптева:

— Вы можете стучать по водопроводной трубѣ, когда тихо. Надо въ углу стучать. Черезъ камеру слышно. Можно разговаривать со всей тюрьмой.

Оля пробовала и сначала было трудно — очень стучали! — но и эту премудрость одолѣла.

И стала перестукиваться съ Зиной.

*

Первое время Оля разговаривала съ сосѣдками:
наверху — съ Игнатьевой,
слѣва — съ Лаптевой,
(справа сидѣла Федорова, не любила
разговаривать: работала — вязала),
внизу черезъ камеру — со Степановой,
но главное — съ Лелей Корнѣ — прямо
подъ камерой.

И со всѣми подружилась, а съ Лелей особенно.

— — весна — пароходы на Невѣ стучать — на
волѣ веселое время — —

Каждый вечеръ Степанова выстукиваетъ Олѣ:

— Крѣпко цѣлую и горячо обнимаю.

— И васъ! — отстукиваетъ Оля.

А когда Степанова захворала и ей разрѣшили
вино, она стучала:

— Пю за ваше здоровье.

(Въ азбукѣ, которой перестукиваются, нѣтъ ни
ъ, ни ь).

Всѣ сосѣдки — с.-д., а изъ с.-р. близко: Маня Сажина и Лида Алексѣева.

Маня Сажина все болѣла — мало разговаривала; и не долго ее держали — выпустили. Но ужъ воля не для нея — такъ и померла.

Лида Алексѣева тоже хворала — ее въ лазаретъ перевели. Въ лазаретъ окна большія, Оля ее въ окнѣ увидала. И стали онѣ переговариваться палочкой: Оля махала палочкой буквы — и Лида ей отвѣчала также.

— — весна — пароходы на Невѣ стучать — на волѣ веселое время — —

О веснѣ, о Невѣ, о пароходахъ, о волѣ — Оля и разговаривала съ Лаптевой.

И вдругъ стукъ быстрый:

— Меня освобождаютъ!

Оля всего разъ ее за мѣсяцъ видѣла — издали, а привыкла, какъ годъ годовала вмѣстѣ!

ужъ потомъ Оля ее увидѣла — на ту весну, когда также пароходы на Невѣ свистѣли, когда Олю выпускать.

*

Вся весна, лѣто — до осени прошли подъ стукъ Лели Корнѣ.

Изъ всей тюрьмы лучше всѣхъ стучать: отчетливо, мягко и быстро —

Оля и Леля.

— Попросите у дамы ножницы и дѣлайте дырку въ полу около трубы: тамъ есть щелка! — постучала Леля.

(«Дами» называли курсистки тюремныхъ надзирательницъ, на манеръ курсовыхъ дамъ).

Ножницы Олѣ выдали и весь день она трудилась.

А вечеромъ послѣ повѣрки стучить Леля:

— Лягьте на полъ.

Оля легла — —

и вдругъ слышитъ настоящій человѣческій голосъ:

— Вы меня слышите!?

А Оля только смѣется отъ радости.:

настоящій человѣческій голосъ!

— Да, да, слышу.

— Давайте разговаривать!

И съ тѣхъ поръ всякій вечеръ послѣ повѣрки Оля съ подушкой укладывалась на полъ (Леля научила: «на полъ головой не ложитесь, полъ асфальтовый, можно простудиться, а подложите подушку!»)

а Леля становилась на столъ, на книги.

И разговоръ былъ самый близкій, только что другъ друга не видятъ.

Леля рассказала всю свою жизнь — она тоже изъ-подъ Кіева, отецъ ее нѣмецъ, принялъ русское подданство, и она русская. И Оля ей рассказала о себѣ и самое сокровенное свое — о свей вѣрѣ.

— Давайте я васъ буду называть Олей, а вы меня Лелей. И какъ въ брудершафтъ: обнимемъ — — трубу.

Оля согласилась: Оля поднялась съ пола и обняла трубу (радіаторъ) —

Леля прыгнула со стола и тоже обняла радіаторъ.

И теперь всякій вечеръ послѣ повѣрки стучить Леля:

— Я иду къ тебѣ!

И вспрыгиваетъ на столъ на книги —

а Оля съ подушкой укладывается къ радіатору.

— Давай, Оля, передавать другъ другу изъ передачи. И книжками мѣняться.

— А какъ?

— Разорви простыню, сдѣлай веревку, привяжи и спускай въ окно.

Оля разорвала простыню, скрутила веревку, привязала конфетовъ и — въ окно —

Леля веревку поймала, конфеты отвязала, а привязала яблоко —

Оля потянула — и яблоко очутился у нея въ рукахъ.

Такъ и передавали.

И что принесутъ Олѣ, она отдѣлится и вечеромъ на веревкѣ Лелѣ —

И Леля тоже бережетъ къ вечеру свое для Оли.

— Есть у тебя, Оля, Леонидъ Андреевъ?

— Есть.

— Дай мнѣ. И напиши: «отречемся отъ стараго міра» — всѣ слова.

Оля написала Марсельезу, вложила въ книгу, дождалась вечера, отворила форточку и стала спускать на веревкѣ книгу — — и тутъ что-то произошло: не то книга тяжелая (въ переплетѣ!), не то рука дрогнула —

веревка выскользнула —
трахъ!

Оля съ окна — бацъ.

Леля на полъ — цабъ.

Да скорѣе на кровать, улеглись — и словно спятъ давнымъ давно.

А всю ночь не спали:

извѣстно — такая книга находится у Оли,
и Олинъ почеркъ — записка «отречемся
отъ стараго міра».

Часовой ли попался хоршій — все обошлось:
и о книгѣ никто не хватился.

Леля выдумщица — для развлечения затѣяла представлять музыку: стучать вразъ по-разному — стучала Оля, стучала Степансва, стучала Леля и совсѣмъ слабая больная, переведенная изъ лазарета, Лида Алексѣева; ее попросила Оля и она, хоть и трудно было, Олѣ не могла отказать.

Лида: разъ —

Оля: разъ-разъ —

Леля: разъ-разъ-разъ —

Степанова: восемь разъ — разъ —

И такая музыка гремигъ до тѣхъ поръ, пока надзирательницы съ ума не посойдутъ — и сразу все обрывалось.

Или скуки ради Леля съ Олей представляютъ, будто новыхъ привезли арестованныхъ —

обыкновенно, когда привозили новыхъ, слышно было, какъ хлопали двери, всѣ настораживались и начинали стучать постѣнамъ.

Хлопать дверью ни Оля, ни Леля не могутъ, но вызывать стукъ — можно:

они нарочно стучали неумѣло обыкновенной азбукой и часто зачеркивали (рѣзкій стукъ поперекъ), что означало «не понимаю».

И всѣ, конечно, думали, что привезли новыхъ, вѣрили — и тюрьма оживала.

Всякій вечеръ Оля разговариваетъ съ Лелей — онѣ слышатъ настоящій человѣческій голосъ!

— Почему бы, Оля, не раговаривать намъ, сидя на стульяхъ!

— А ты можешь себѣ представить, Леля, выйти на прогулку безъ дамы?

— Ты согласилась бы, Оля, повѣнчаться: послѣ вѣнчанья три часа можно сидѣть вдвоемъ, такое правило.

— Только-то три часа — —!

— А ты знаешь, — вдругъ обрадовалась Леля, — форточку въ двери на день не запираютъ. Пойдешь на прогулку мимо, толкни.

И на слѣдующій день послѣ прогулки, проходя мимо Лелиной камеры, Оля, къ ужасу надзирагелъницы, крѣпко толкнула форточку —

Форточка раскрылась — и Олину руку рѣзко пожали тоненькіе пальцы.

А это такое счастье: пожать живую
человѣческую руку въ одиночной тюрьмѣ!

Оля ходила по двору на прогулкѣ и видитъ:
кошка погналась за воробьемъ и задушила
его.

Оля подняла воробья — нигдѣ вѣдь, только въ
неволѣ такъ жива жизнь, и все погубленное близко,
какъ свое! — вырыла ямку, закопала воробья и цвѣ-
ты положила —

каждый разъ, когда Оля гуляла, Зина ей
бросала цвѣты.

Оля, конечно, рассказала Лелѣ о воробьѣ, какъ
погибъ, и о могилкѣ воробьиной.

Лелю это очень растрогало и она написала сти-
хи: у Лели душа такая и воть просится, а словъ-то
нѣтъ и ничего не выходить.

Оля ей Кузмина прочитала:

*Воробушекъ, птичка малая,
О чемъ щебечешь въ плѣну?
Тоска небывалая
Приводитъ все пѣсню одну.*

И каждый вечеръ Оля ей стихи читала — Оля
знаетъ на память много.

А Леля ей рассказывала сказки — русскихъ она
не знаетъ — Гримма, Гауфа.

А это такое счастье: въ неволѣ слово —
стихи и сказки!

И только разъ поссорились изъ-за какой-то ме-
лочи самой мелкой.

И днемъ Оля ей не стучала, Оля перестукива-
лась съ сосѣдкой Лели — Струковой.

Струкова стучала топорно — —

И вдругъ ворвался легкій, мастерской стукъ Лели:
— Тише, начальство!

А когда въ тюрьмѣ все стало по-обыкновенному,
Леля:

— Я иду къ тебѣ!

Такъ и помирились.

На Олю напало: какъ ночь, не спитъ, а утромъ
до одиннадцати въ кровати.

Леля:

— Я придумала: ты обвяжи себѣ ухо ниткой и
протяни нитку въ окно, я въ шесть за нитку дерну,
ты и проснешься. А на слѣдующую ночь заснешь крѣп-
ко.

Но Оля не согласна: очень мудрено.

И опять Леля — еще выдумала:

— Давай мыть полъ: отъ этого сонъ хорошій.

— Я не хочу мыть, — сказала Оля.

— Ну, я еще что-нибудь придумаю.

— — —

Тюремныя надзирательницы дѣлились на «дамъ
хорошихъ», какъ Екатерина Ивановна: такія преду-
преждали разговаривать тише — не стучать, когда
появлялось въ тюрьмѣ начальство; и никогда ни о
чемъ не предупреждавшихъ, напротивъ, это «дамы
гадкія», «вѣдьмы».

И однажды гадкая вѣдьма застала Олю и Лелю
за разговоромъ.

Что только было: крикъ и гроза —
«донесу»,!

А хорошая вѣдьма послѣ и говорить:

— Вы хоть бы поосторожнѣй были, когда де-
журить Марья Петровна. Мнѣ тоже попало: опозда-
ла я на дежурство и всего-то на одну минуту — такъ
она на меня, будто я виновата, и что вы разговари-
ваете.

Леля и по этому случаю стихи написала:

о злой вѣдьмѣ, которая стережетъ арес-
тантовъ.

Только у Лели вышло, что нѣтъ злыхъ вѣдьмъ,
есть однѣ добрыя, а злыми онѣ становятся:

потому что, если исполнять уставъ при такомъ нарушеніи всегдашнемъ — эти стуки-разговоры! — то и самый добрый человекъ озлится.

Какъ-то сейчасъ же послѣ повѣрки Леля неспокойно простучала:

— Я иду къ тебѣ.

Еще рановато, но Оля взяла подушку и къ радиатору.

— Оля, меня завтра выпустятъ.

— Откуда ты знаешь?

— Мнѣ сказала Екѣтерина Ивановна.

(Екатерина Ивановна — «добрая вѣдьма».)

И всю-то ночь проговорили.

— Оля, будешь ли ты вспоминать меня — мой голосъ изъ могилы? Вѣдь я подъ тобой, какъ въ могилѣ!

— Буду, Леля, всегда.

— И я никогда не забуду твой «съ неба». Мнѣ, Оля, страшно хочется жить. Я люблю всю жизнь. Всюкую травку. Я и дождикъ люблю, Оля.

— Вотъ на волѣ ты завтра будешь —

— Я знаю... Но мнѣ чего-то горько. Въ лѣсу я смотрю на корни, на листья — осенью особенно, когда въ лѣсу тихо. Осенью особенно. И такъ бы все всосала въ себя... Зажмуришься и не шевельнешься. И чего-то горько.

— Это ты тутъ въ тюрьмѣ, а какъ выйдешь —

— Нѣтъ, Оля, это что-то другое.

— А какая ты, Леля, расскажи!

— Завтра увидишь.

— А почему у тебя такія худыя руки?

Леля не сразу отвѣтила.

— Такія ужъ — — А ты сильная, Оля, я знаю. По голосу, по шагамъ. А какіе у тебя глаза?

— Меня, когда я была гимназисткой, называли «совой».

— Да, да, я вижу... Я тебя. Оля, никогда не забуду.

Леля приготовилась къ завтрашней волѣ. Оля дала ей всякія порученія: и куда пройти и что сказать. А прошель день — не выпускають. И недѣля — Леля сидить. Мѣсяць кончается —

Когда Лелю повели на прогулку, она уллучивъ, минуту спросила «хорошую даму» Екатерину Ивановну:

— Почему вы сказали, что меня выпускають?

— Да возлѣ вашей камеры ножницы упали!

— — —

И еще прошель мѣсяць. Начался сентябрь.

Лелю выпустили внезапно — крѣпкій стукъ къ Олѣ въ неурочный часъ днемъ:

— Я иду къ тебѣ.

Оля взяла подушку и къ радіатору.

— Меня выпускають.

— Леля! до свиданія!

— До-свиданія! — и Леля прыгнула...

А Оля стала на столъ къ окну: съ четвертаго этажа ей виденъ тюремный дворъ —

подѣхалъ извозчикъ,

вынесли вещи,

вышла Леля —

Такъ вотъ она какая! Олѣ показалось:

— — тоненькая, мордочка остренькая, лисичка!

И она стала ей махать.

А Леля — тоненькія руки свои такъ крестомъ и къ Олѣ отъ самаго сердца, точно хотѣла все сердце отдать маленькое Олѣ —

Оля никогда не забудеть.

Въ первый разъ она ее увидѣла и больше не увидить: вскорѣ послѣ тюрьмы Леля померла отъ туберкулеза.

Извозчикъ скрылся.

Одинъ пустой тюремный дворъ.

Оля осталась одна.

— — — — —

*Воробушекъ, птичка малая,
О чемъ щебечешь въ плъну?
Тоска небывалая
Приводитъ есе пѣсню одну.*

Оля очень горевала, такъ горевала, тѣсно кто померъ близкій. Безумная была тоска. И никакъ не могла успокоиться.

Поздно вечеромъ все ей кажется, кто-то кашляетъ въ камерѣ — въ «могилѣ», гдѣ сидѣла Леля.

— Леля?

А въ отвѣтъ ей только смотреть пустыя, непреклонныя стѣны.

— — —

Обыкновенно время въ тюрьмѣ шло быстро: отъ понедѣльника до понедѣльника — не замѣтишь. Въ понедѣльникъ мсѣтъ полѣ «уголовная», переводятъ въ пустую камеру и оттуда можно стучать, этимъ стукомъ и начинается недѣля.

А теперь отъ понедѣльника до понедѣльника дни без-ко-нечные!

*

Въ «могилу» на мѣсто Лели посадили Смолину: ее ужъ во второй разъ сажали, теперь по приговору на два мѣсяца.

Смолина научила Олю передавать записки въ переплетѣ.

И еще посовѣтовала:

что хорошо въ тюрьмѣ изучать какой-нибудь иностранный языкъ

А когда подошелъ срокъ ея тюрьмы, Оля дала ей порученіе къ Федору Ивановичу.

Ф. И. Котельниковъ тоже былъ арестованъ по «дѣлу» Оли и, какъ всегда, его

подержали нѣсколько мѣсяцевъ и выпустили. У него ничего не нашли, какъ и у Оли ничего не нашли, и уликъ не было, а противъ Оли были показанія Хвостова, въ которыхъ онъ много чего напуталъ.

Чтобы повѣрилъ Федоръ Ивановичъ, Оля дала Смолиной такой признакъ:

пусть она напомнимъ, какъ Оля ночевала у нихъ, когда жили они въ Лѣсномъ, въ той комнатѣ, гдѣ солнце съ пяти свѣтитъ.

— А когда выпускають, — спросила Оля, — что же бываетъ?

— Везуть въ каретѣ въ Жандармское, тамъ подписать надо бумагу объ освобожденіи, и на извозчикѣ съ вещами домой. И кажется, всѣ тебѣ улыбаются, только о тебѣ и думаютъ, будто всѣ радуются, и, если и дождикъ, солнце свѣтитъ, и дома такіе ласковые, хочешь слово сказать и не можешь, захлебываешься отъ радости.

Смолину выпустили.

И вскорѣ Оля получила отъ нея бутылку супу, а въ супѣ — записка. А отъ Федора Ивановича учебники: французскій и нѣмецкій.

*

За одинокіе мѣсяцы безъ Лели Оля много передумала.

Оля вспомнила Соню Ефимову и приняла ее — ея слова, какъ она сказала, что «ей мила Оля, какъ человѣкъ, и не важно, с.-р или с.-д»

Сонѣ Ефимовой она тогда и письмо написала, просила не сердиться

— Да, важно, чтобы въ человѣкѣ былъ человѣкъ. Въдь всѣ, кто ей помогали, были с.-д: и Игнатьева, которая научила ее азбукѣ,

и Степанова — «крѣпко цѣлую и горячо обнимаю»,
и Лаптева, съ которой Оля первое время перестукивалась,
и Смолина,
и Леля —

Единственная Бѣлкина, она сидѣла вмѣсто Лаптевой —

ей на свиданіи сказали, что ее выпустятъ на дняхъ, и объ этомъ она постучала Олѣ — Можете передать на волю зашифрованное письмо? — спросила Оля.

— Если тамъ не будетъ с-р'скаго содержанія.

— Лежачаго не бьютъ, — рѣзко простучала Оля, — у насъ тутъ не такой порядокъ: всѣ другъ другу помогаютъ, не разсуждая, кто с-р и кто с.-д.

— Нѣтъ, дайте, я передамъ! — спохватилась Бѣлкина.

— Ни-когда.

Да, въ тюрьмѣ не было различія: с-р и с.-д. Ни-когда никто не отказывалъ другъ другу.

Больше всѣхъ помогала Лаптева:

она сидѣла два года, каждую недѣлю у нея было два свиданія; кому угодно, она помогала, всѣ ей стучали, безразлично — какіе шифры, все, что хочешь.

Оля не помирилась съ «матеріализмомъ», но съ человѣкомъ — —

*

Въ началѣ зимы пріѣхала изъ Ватагина Ирина: ей дали свиданіе съ Олей въ Жандармскомъ.

«Дѣло» Оли велъ тотъ самый полковникъ Струнскій, о которомъ у Оли осталась непріятная память — разговоръ его тогда по поводу ея ареста, и какъ онъ отпустилъ ее, потому что «она очень молода и не боится жандармовъ». Тогда Олѣ было шестнадцать

лѣтъ, а теперь девятнадцать. Тогда Оля даже не знала, «чего надо знать», а теперь она знаетъ.

Послѣ свиданія съ Ириной, полковникъ Олю допрашивалъ и, какъ всегда, безъ толку.

— Я думалъ, — сказалъ полковникъ, — на васъ хоть свиданіе съ сестрой подѣйствуетъ!

И еще разъ дали свиданіе съ Ириной, но ужъ въ Предварилкѣ.

И полчаса — срокъ свиданія — показались Олѣ за минуту.

Все земляное — черная ватагинская земля, садъ — густой заросшій съ грушами, съ вишнями, съ яблонями, съ барбарисными кустами, все кровнсе, крѣпкое, какъ эта теплая черная земля, ощутилось такъ близко, такъ захватывающе — до боли.

Отъ Натальи Ивановны долго скрывали. И лѣто прошло, а Оли все не было. Выдумали, будто Оля къ кому-то на урокъ поѣхала. Олины письма изъ тюрьмы, что желтымъ перечеркнуты — цензурованными жандармами не передавали. И только тѣ, гдѣ жандармы забывали перекрестить желтымъ, показывали. Но скрыть ужъ нельзя было.

Безпокоилась и любимая бабушка Татьяна Алексѣвна, что нѣтъ и нѣтъ ея Оли. И въ одинъ прекрасный день, не выѣзжавшая вѣкъ изъ Меженинки, она собралась и вмѣстѣ съ Анной Павловной, нагрянула въ Покидошъ къ Марѣ Петровнѣ Вольской.

«Покажите мнѣ газету, — сказала Татьяна Алексѣвна, — не написано ли тамъ, что Олю арестовали?».

«Вотъ еще что выдумали! Да развѣ про это пишется?»

Татьяна Алексѣвна въ тотъ же день уѣха-

ла въ Меженинку. Да, больше невозможно было скрывать. И сказали: и Наталья Ивановнѣ и бабушкѣ.

Наталья Ивановна очень тревожилась: ей представлялось, что Оля сидитъ въ арестантскомъ халатѣ, въ подвалѣ, какъ рисуютъ на картинкахъ. А бабушка, тетушка и Анна Павловна — молились.

Передъ Рождествомъ и еще разъ дали свиданіе съ Ириной и она уѣхала въ Ватагино.

Оля, захваченная памятью о домѣ, думала, что никогда ужъ она ни съ кѣмъ изъ домашнихъ не поссорится: уступать будетъ — никогда ничѣмъ не огорчить ни Наталью Ивановну, ни бабушку, ни Ирину, ни Мишу, ни Лену.

И вспоминая всѣхъ — все обвиняла себя, что мало любила ихъ.

Душа ея горѣла и жестокимъ судомъ надъ собой и любовью къ нимъ.

И, когда подъ Рождество отъ Котельниковыхъ съ передачей принесли ей карточку Наташи, она такъ обрадовалась и порывистымъ стукомъ простучала сосѣдкѣ:

— Я умерла — —

*

Трудно было стучать къ Зинѣ на верхъ черезъ камеру.

Оля ей всегда стучала, и когда Леля была, стучала, а теперь, когда Лели не было, все — для Зины.

Вѣдь Зина понимала Олю, какъ сама говорила, по движеніямъ рѣсницъ, и всегда говорила, что любить Олю больше, чѣмъ Оля ее. Такъ и всѣ говорили. Такъ и сама Оля думала.

И теперь Оля часто объ этомъ думаетъ и обвиняетъ себя, что меньше любить ее, и всегда меньше любила, а когда ссорились, первая подходила Зина.

А отчего ссорились?

Или оттого, что душа ее какъ-то по другому? Вотъ Леля и с.-д., а по душѣ куда ближе. Нешто Зина скажетъ, какъ Леля, «что она — — и дождикъ любить»? Зина иногда говорила такое, отчего было досадно на нее: очень какъ-то грубо и не въ словѣ, а въ самой мысли — —

Трудно было стучать Зинѣ — только по трубѣ.

Оля выдумала особенную азбуку —

чтобы никто не понималъ ихъ разговоръ.

Стучить она по вечерамъ, какъ когда-то Лелѣ.

Зину раньше должны выпустить: ее и меньше обвиняютъ и меньше ей придаютъ значенія.

— Я, Оля, не хочу, чтобы меня выпустили.

— Почему Зина?

— Что жъ я на волѣ безъ тебя буду дѣлать? Если ты будешь сидѣть, то мнѣ и воли не надо.

И однажды послѣ такого разговора Оля спросила себя:

согласилась бы она быть на волѣ, когда Зина сидитъ?

И отвѣтила:

«Согласилась бы».

И стала обвинять себя.

Но что же подѣлать-то, когда ясно говорится въ душѣ:

да, согласилась бы!

«А Зина вотъ говорить, нѣтъ!»

Лѣтомъ Зина всякій разъ, когда Оля гуляла, цвѣты изъ окошка бросала ей.

Если на прогулкѣ бывала надзирательница «добрая вѣдьма», Оля подниметъ цвѣты и унесетъ въ свою камеру. А когда «гадкая вѣдьма», Оля только смотреть и улыбается отъ радости:

это Зина помнить ее, это слова ея — какъ цвѣты.

— Ты, Оля, тоже въ двѣ косы волосы заплетай и ходи такъ, чтобы мы съ тобой были одинаковы. И коф-

точками давай помѣняемся: ты въ моей кофточкѣ, а я въ твоей.

Оля заплела двѣ косы и ходила такъ — какъ Зина.

Въ пятницу Оля идетъ въ баню и оставляетъ тамъ, припрятавъ, свою кофточку для Зины. А черезъ недѣлю — въ пятницу находитъ, тоже спрятанную, кофточку Зины.

И онѣ, какъ одна, одинаково ходятъ — въ двѣ ко-
сы:

на Зинѣ — красная кофточка Оли,

на Олѣ — голубая Зины.

Въ разговорѣ часто вспоминаютъ Сергѣя, брата Зины: проводы до Серпухова, метель и какъ потомъ ждали письма —

Зина была тогда увѣрена, что Сергѣй напишетъ или ей или Федору Ивановичу, и ходила всякій день къ Федору Ивановичу справляться, а получила-то первая Оля: «Многоуважаемая и милая Оля!» — начиналось письмо. «Кто получилъ первое письмо?» — задорно спрашивала Оля. «Да ты, ты!» — какъ дѣтямъ, отвѣчала Зина, глядя съ восхищеніемъ на Олю.

Кто-то подъ вечеръ, когда зажгли электричество, раздался по трубѣ сильный стукъ.

— Прощай, Оля, — стучить перепутывая буквы Зина, — меня выпускаютъ.

— Пр — — Оля только и успѣла простучать двѣ первыя буквы и услышала рѣзкій звукъ крестъ-на-крестъ: значить, вошла надзирательница, собираютъ вещи.

А вотъ и дверь стукнула —
шаги по лѣстницѣ.

Оля къ окну —

зима — темно на дворѣ, едва различаетъ:
какета — это для Зины, въ Жандармское
повезутъ!

какета пропала —

И темная темь закрыла окно.

Оля представляет себѣ:

какъ Зина въ Жандармскомъ —
подписала бумагу —
отдали вещи —
извозчикъ — ѣдетъ домой.

«И кажется, — вспоминаются слова Смолиной, —
всѣ тебѣ улыбаются, только о тебѣ и думаютъ, будто
всѣ радуются, и, если и дождикъ, солнце свѣтитъ, и
дома такіе ласковые, хочешь слово сказать и не мо-
жешь, захлебываешься отъ радости».

А въ камерѣ пусто и одни стѣны сурово.

Оля нѣтъ-нѣтъ да и подойдетъ къ трубѣ, послу-
шаетъ: не стучать ли? — нѣтъ, не стучагъ! Постучить
— нѣтъ, никто не отвѣчаетъ

— — — — —

По ночамъ часто снится Зина:

то будто черезъ Неву переѣзжаетъ съ ней
Оля,
то будто Шевченковскій вечеръ, и опять
они вмѣстѣ, и очень весело.

Оля получила передачу отъ Зины и въ передачѣ
записка:

« — для меня нѣтъ воли, пока ты сидишь въ
тюрьмѣ! » —

А прошла недѣля и нѣтъ ни передачи, ни писемъ.
— Значить, Зину выслали!

*

Въ тюрьмѣ все знали, что дѣлается на свѣтѣ.

Постоянно входили новые — черезъ разспросы да
черезъ передачи все и узнавали.

Къ концу зимы всѣхъ выпустили, кто былъ съ Ол-
ей, и только одна осталась въ тюрьмѣ Оля.

Оля занималась французскимъ и нѣмецкимъ, какъ
ей посовѣтовала Смолина, и это помогло ей заполнять
длинные одинокіе дни. Времени было очень много —

на перестукиваніе уходило все меньше и меньше, и только книга: Оля читала и думала.

«Вотъ у меня все отняли, что есть жизньъ, — думала Оля, — а за то, что хотѣла отдать себя за чужую волю. Тюрьма не несчастье, тюрьма только непріятность, надо вынести эту непріятность, и тогда еще свѣтлѣе и радостнѣе будетъ начатый путь. А Хвостовъ на волѣ: онъ досталъ себѣ волю тѣмъ, что другихъ лишилъ ее надолго!»

На тюремномъ дворѣ лежитъ снѣгъ.

Стоитъ недождѣнная снѣжная баба:

эту бабу Оля давно дѣлаетъ и не можетъ
окончить: прогулки коротки.

Оля взяла полную пригорошню снѣгу и взглянула
вверхъ —

небо!

кусочекъ неба и звѣзды!

«Вотъ чего отъ меня не отняли! Неба не отняли!
И никто не властенъ его отнять. А вотъ Хвостовъ самъ
отъ себя отнялъ: для предателей нѣтъ неба!»

Оля вернулась въ камеру.

Въ глазахъ ея было небо и звѣзды.

Она его видѣла и такое звѣздное еще въ дѣтствѣ:
также снѣгъ лежалъ, стояла снѣжная баба, а она съ
отцомъ шла въ церковь ко всенощной.

«Оно вѣчное. Его люди не могутъ отнять. Только
самъ человѣкъ можетъ его уничтожить. Да, тюрьма
не несчастье, а несчастье — вотъ когда неба не будетъ».

Оля стала молиться.

На волѣ рѣдко она молилась, а тутъ цѣлыми ча-
сами выстаивала на колѣняхъ.

Не по молитвеннику, своими словами она выго-
варивала свою молитву:

и благодарила — за волю,
и просила — о волѣ.

*

По обыкновенію Оля встала въ семь, до десяти убиралась, сѣла заниматься.

Неожиданно вошла надзирательница;

— Собирайте вещи, васъ освобождаютъ!

— Передайте это въ № 16 ! — Оля показала на книги, и еще кое-что было у нея изъ передачи.

— Я не могу.

— А тогда я не выйду! — Оля сказала твердо.

— Хорошо, хорошо, я передамъ.

И пошла, а Оля стала одѣваться.

И стѣны вдругъ какъ осыпались, просѣтились — не узнать, и не поймешь: и было и не было, какъ во снѣ.

Олю повезли въ Жандармское.

И когда она подписала бумагу и вышла: у подъѣзда ждалъ извозчикъ съ вещами — —

«Когда выпускаютъ, — вспомнилось, — кажется, всѣ тебѣ улыбаются, только о тебѣ и думаютъ, будто всѣ радуются, и, если и дождикъ, солнце свѣтитъ, а дома такіе ласковые, хочешь слово сказать и не можешь, захлебываешься отъ радости».

Но гдѣ же? гдѣ же все это? — и такая весна, а изъ души угрюмо смотрятъ сѣрыя каменные стѣны — ст...

И Оля заплакала.

ПРОЩАНЬЕ

Олѣ разрѣшено было остаться на мѣсяцъ въ Петербургѣ:

держатъ выпускные экзамены.

Выхлопоталъ любимый профессоръ Воркуновъ: Олю считалъ онъ коноводомъ всѣхъ курсовыхъ исто-

рій и безпорядковъ, но горячность ея и убѣдительность и какъ говорила она — «всегда на суть и во всеоружіи» — покорили его, онъ смотрѣлъ на нее съ улыбкой, прощая ей всѣ ея выходки.

А не Воркуновъ, Олю тотчасъ бы выслали.

За мѣсяць — Оля была убѣждена — къ экзаменамъ она подготовится и, когда кончится «дѣло» и выйдетъ приговоръ, поѣдетъ она въ ссылку съ дипломомъ.

Этотъ мѣсяць Оля жила у Котельниковыхъ.

Книги, о которыхъ такъ беспокоилась Оля, къ великому ея счастью, оказались всѣ цѣлы: сберегъ Федоръ Ивановичъ.

«Куда пропали мои книги? — писала она изъ тюрьмы, — это ужасно! самая дорогія для меня книги пропали: Некрасовъ, П. Я., Гревсъ, Николай — онъ, Ключевскій, можетъ быть, и еще пропали какія-нибудь. Нина не пишетъ, съ ея стороны это просто варварство, вѣдь она знаетъ, какъ я дорожу книгами, знаетъ, какъ беспокоюсь о нихъ, особенно въ тюрьмѣ, гдѣ у меня одна отрада — книги, и она мнѣ не пишетъ. Ужась! Я считала ее добрѣе, но теперь вижу, что и въ ней такъ же, какъ во всѣхъ людяхъ, ошиблась. Всѣ люди гадкіе, только малая крупица хоршихъ. Это я умомъ знала давно, но только здѣсь, въ тюрьмѣ, я это поняла, потому что почувствовала, насколько мерзки, мелки, самолюбивы люди, о, какъ я ихъ ненавижу!»

— Ну, вотъ видите и нечего было такъ сердиться и тревожиться!

А когда Оля рассказала о Лелѣ и о другихъ своихъ сосѣдкахъ, съ которыми она перестукивалась

за свой тюремный одиночный годъ, а рассказывала Оля съ любовью —

— А вы писали, что и людей ненавидите, — замѣтилъ Федоръ Ивановичъ, — нѣтъ, если вы и ненавидите, то лишь мелкія черты человѣческія: трусость и самолюбіе. А вѣдь это и самъ человѣкъ въ себѣ ненавидитъ!

*

Послѣ тюрьмы Оля никакъ не могла успокоиться.

«Что же это такое она оставила въ тюрьмѣ и чего не было на волѣ?» — спрашивала она себя.

«Тамъ хорошо думалось, это первое, и еще — —, и она долго не могла себѣ сказать, какая тамъ еще отрада была? — — а вотъ въ чемъ: не знаешь вѣдь, какъ жить, а тамъ ждешь освобожденія. А теперь — чего ждать?»

Экзамены шли хорошо.

Не экзамены, а вотъ что мучило Олю:

«чего ждать — чѣмъ жить?»

«Буду ждать приговора, — рѣшила Оля, — а выйдемъ приговоръ, буду думать, что дальше дѣлать?»

На этомъ и успокоилась.

Но тутъ опять все перевернулось.

Въ день своего освобожденія Оля послала телеграмму Зинѣ: «здравствуй, родная!» — это и означало, что Оля вышла на свободу. И вотъ получился отвѣтъ — трудно было повѣрить, что писала Зина.

Оля перечитывала и глазамъ не вѣрила:

сухое официальное письмо!

Что же такое произошло?

— Да какія-нибудь мелочи, — сказалъ Федоръ Ивановичъ, — что-нибудь таксе передали ей: на самолюбіе ея. Помните, еще Орлова удивлялась ей, что она принимаетъ отъ васъ всякую рѣзкость. Ну, и тутъ что-нибудь сказано было. А она повѣрила.

Возможно, что Федоръ Ивановичъ былъ правъ.

— — —
«Такъ, стало быть, она меня не любитъ? А казалось то, всё такъ думали, и она сама такъ думала и я такъ думала, что она меня любить гораздо больше, чѣмъ я ее. Какъ же это такъ? — — И значить, не любила? А если не любила, то кто же любить-то? Или правы неразлучныя Лида и Ира, когда объясняютъ свою неразлучность, «не потому что любовь, а привычка — съ дѣтства жили, домъ противъ дома».

Письмо Зины больно ударило, сильнѣе всѣхъ бѣдовъхъ тюремныхъ дней, вскрывавшихъ и предательство и трусость — всѣ тѣ мелкія черты человѣчкія, что и самъ человѣкъ въ себѣ ненавидить.

«А вѣдь будто и любила? А можетъ, и любила, да вѣрности не было!»

Оля страшно мучилась, ночей не спала.

— Мнѣ важно, какъ Богъ все видитъ — сказалося у ней и успокоило: — я вѣрю только Богу.

*

Оля вернулась съ экзамена поздно.

А безъ нея приходила Лаптева: Лаптева, узнавъ, что Олю выпустили изъ тюрьмы, непременно хотѣла ее видѣть. Но ждать не могла:

она сегодня уѣзжаетъ съ отрядомъ «на голодъ» и очень просила Олю притти на Николаевскій вокзалъ въ одиннадцать часовъ.

Оля никогда не видала Лаптеву, только перестукивались. Въ тюрьмѣ Оля многому отъ нея научилась. И всѣ, кто сидѣлъ за эти годы, много добра отъ нея видѣли.

Олѣ непременно захотѣлось ее увидѣть.

— Какая же она? — допытывалась Оля у Людмилы Николаевны.

Людмила Николаевна послѣднія недѣли все дома: Наташа лежала больная. Людмила Николаевна разговаривала съ Лаптевой.

— Очень хорошая, только измученная.

— Еще бы: сидѣла два года!

— А сколько человѣкъ поднять можетъ! — замѣтилъ Федоръ Ивановичъ, — послѣ тюрьмы и на голодъ: а это не легко.

«А вѣдь это все вѣра, которая движеть и творить, вѣра — помочь другому — что-то пересадить, кого-то поднять вотъ этими руками, этой волей, въ мірѣ, устроенномъ судьбою непреклонно разъ и навсегда — великое человѣческое сердце, для котораго нѣтъ никакихъ граней, никакихъ стѣнъ, никакого закона!»

Такъ этого не сказалось, но такъ прошло сквозь мысли, и стало бодро и надѣянно въ комнатѣ, гдѣ помирала Наташа, которая такъ недавно еще, на Рождествѣ Коляду пѣла, вспоминая Олю.

Оля очень усталая, а пошла на вокзалъ.

И онѣ узнали другъ друга, поздоровались.

— А я думала, вы гораздо больше! — сказала Оля.

— Это я въ тюрьмѣ такъ измѣнилась.

Оля дождалась третьяго звонка. И пока поѣздъ изъ глазъ не скрылся, всё стояла, провожая: вмѣстѣ съ Лаптевой укатило съ огоньками и еще что-то — тюрьма — тюремное —

самые первые дни тюрьмы были связаны съ ней.

И больше не съ кѣмъ ужъ встрѣтиться и вспомнить — всѣ давно разъѣхались.

И у Оли — послѣдніе дни: скоро кончится срокъ — мѣсяцъ, послѣдніе экзамены.

*

А послѣдніе дни — была такая необыкновенная весна — весна вѣдь только въ Россіи, потому такая и

Пасха только въ Россіи — ужъ noci забѣлѣли, бѣлая ночь надъ Петербургомъ и маленькія звѣздочки.

Померла Наташа.

Наташа померла отъ туберкулеза въ три недѣли: трудное очень было время, Людмила Николаевна ходила на работу, а Наташа у сосѣдей, а тамъ больной была. Какъ потомъ выяснилось: подбирала она конфетныя бумажки и въ ротъ, — такъ и заразилась. Какъ изъ тюрьмы Оля вышла, подарила Наташѣ Э. Т. А. Гоффмана, Щелкунчикъ, съ картинками. И читала ей — Наташѣ очень понравилось. И въ самые послѣдніе дни все разговаривала, все мышинаго царя поминала и какую-го еще мышку: мышка къ ней приходила съ огонькомъ, какъ голубая вѣточка. А совсѣмъ передъ смертью она вдругъ вспомнила, какъ Оля говорила ей — Оля, прочитай у Толстого, что въ наше время человѣкъ порядочный только въ тюрьмѣ и можетъ быть со спокойной совѣстью (и это ей очень понравилось!), сказала Наташѣ, что всѣ хорошіе люди сидятъ въ маленькихъ комнатахъ, и будетъ ли она, Наташа, сидѣть въ такой маленькой комнаткѣ — въ тюрьмѣ? — «А что такое, въ тюрьмѣ?» спросила тогда Наташа. «Такой большой домъ гадкіе люди построили». «Изъ кубиковъ?» — и вспомнивъ всѣ эти слова, сказала, точно хотѣла Олю обрадовать: «Буду, Оля, буду, въ маленькой комнаткѣ вотъ — въ такой». И растопырила пальчики, какъ кубикъ представила. А такой — оказался для нея гробикъ, Оля его цвѣтами убрала и, какъ птичку положила ее, какъ того Лелинаго воробушка на тюремномъ дворѣ. И съ ней любимаго ея лягушенка — единственную ея игрушку.

И съ Наташей отошло отъ Оли и еще что-то — какая-то жизнь до-тюремная, какой-то Петербургъ — Курсы, дни, когда Оля еще не знала, чего надо знать, и всѣмъ вѣрила.

На другой день послѣ похоронъ, получивъ дипломъ объ окончаніи Курсовъ, Оля уѣхала изъ Петербурга.

Котельниковы и на вокзалъ ее проводили: одни они оставались въ Петербургъ — и Наташи нѣтъ и Оля надолго: когда-то вернется!

Федоръ Ивановичъ хотѣлъ было крикнуть: «да здравствуетъ революція!» — а сказалъ кротко:

— Не забывайте, Оля, пишите!

И Оля долго видѣла, какъ они стояли, прощаясь, одни на землѣ съ своей вѣрой и сердцемъ, для котораго нѣтъ никакихъ граней, никакихъ стѣнь, никакого закона, — память о нихъ Оля сохранить на всю жизнь.

ЧУПЕРАДЛО

Не заѣзжая въ Ватагино, Оля проѣхала прямо въ Покидешъ —

ей надо было получить въ Полиціи временное «проходное» свидѣтельство, по которому она и будетъ жить до приговора.

Когда Оля вышла на станціи и садилась на извозчика, она вдругъ увидѣла Черкасова: онъ стоялъ у выхода изъ вокзала — тоже увидѣлъ Олю, снялъ шляпу и кланялся.

Оля очень обрадовалась: и потому, что здѣшнимъ повѣяло, и видно было, онъ нисколько не сердится на нее — а вѣдь Олю мучило: какъ тогда въ лечебницѣ на Таврической она отворила дверь, «заманила» его и дверь за нимъ захлопнулась! — и еще показалось ей.

какъ будто чѣмъ-то былъ онъ занятъ, и ей подумалось, что стараго не повторится.

И съ извозчика Оля съ нимъ ласково поздоровалась.

Оля поѣхала къ теткѣ Марьѣ Петровнѣ Вольской: Оля знала, что Марьи Петровны нѣтъ въ городѣ, квартира пустая и только что прислуга осталась. И это хорошо, Оля можетъ тихо прсжить недѣлю, а потомъ и домой въ Ватагино:

о Ватагинѣ — о домѣ Оля думала, зажмурившись, и особенно садъ — такъ бы сейчасъ и пршла по дорсжкѣ —

Оставивъ вещи у тетки, Оля вышла не подалеку — къ Маринѣ Завѣтновской.

Марина Завѣтновская была первая подруга Оли: всѣ первые гимназическіе годы жили онѣ вмѣстѣ, всѣ страхи и всѣ проказы вмѣстѣ — это Маринѣ, живя въ пансіонѣ Линде, Оля загѣяла сдѣлать длинныя рѣсницы и вымазала мазью по рецепту Вѣры Сахаровой и княжны Шахъ-Булатовой, такъ что и послѣднія выпали.

Марина ужъ вышла замужъ за студента Соловьева, товарища Черкасова, и ожидала ребенка. Она была одна въ домѣ. Какъ обрадовалась Олѣ!

Марина все знала о Черкасовѣ — больше, чѣмъ весь Покидошъ зналъ! — она знала его еще черненькимъ гимназистомъ, у котораго была «симпатія» Оля. И когда Оля рассказала ей, какъ встрѣтила Черкасова, какъ съ извозчика поздоровалась —

— Что ты, Оля, вѣдь онъ же могъ подумать — —!

И только что за столъ сѣли чай пить, звонокъ.

Марина постѣснялась выйти, пошла отворить Оля. А это Черкасовъ —

Совершенно случайно, такъ объяснилъ онъ, онъ и не думалъ встрѣтить тутъ Олю!

И голосъ его подтвердилъ Олѣ ея первое чувство, что Черкасовъ здоровъ, совсѣмъ оправился и о старомъ не можетъ быть помину.

На разспросы Оли онъ отвѣчалъ толково и ясно: онъ разсказалъ о смерти Федора Фалалеича, какъ это все случилось необыкновенно.

— Чудакъ, вообразивъ себя журавлемъ, отказался отъ обыкновенной ѣды и по-немногу наострился клевать зерна, какъ самъ журавль, но голодъ не тетка, соблазнился блинчиками, ѣлъ блинчикъ, вилкой попалъ въ нѣбо, прикинулось болѣть. Такъ и померъ съ однимъ носомъ и глазами.

И еще разсказавъ и ужъ не такое происшествіе, а обыкновенное изъ Бобровской жизни, сталъ разспрашивать Олю о тюрьмѣ, о Рашевскомъ.

Слушалъ онъ внимательно, горячо и только, когда Оля разсказала, какъ вмѣстѣ съ Зиной провожали Рашевского до Серпухова, онъ вдругъ перемѣнился: насутился, подавленный мыслью.

И скоро вышелъ.

За разговорами съ Мариной прошелъ весь день: весь годъ Оля никого не видѣла, а за этотъ годъ много чего случилось — сколько подругъ Олиныхъ вышли замужъ: —

и Катя Козловская и Лида Оленина и Маруся Ивановичъ и Лиза Милорадовичъ и Шахъ-Булатова.

— А ты помнишь ея бабушку, на Бабу-Ягу похожа?

— Помню, конечно.

— Померла въ день свадьбы: отъ огорченія, говорятъ, очень любила внучку, а другіе говорятъ, на зло.

Да, много чего было и помянуть и узнать.

Оля и обѣдала у Марины и послѣ обѣда пила чай и только подъ вечеръ вышла.

И только что она вышла, смотреть, а за угломъ Черкасовъ: стоитъ, ждетъ.

— Я васъ все время тутъ ждалъ, — сказалъ онъ, и сталъ просить Олю пройти съ нимъ въ Казенный садъ соловья слушать.

И, какъ когда-то, Олю охватила ненависть: опять какія-то права слѣдить за ней.

— Нѣтъ, я не пойду! — рѣзко отвѣтила она.

Онъ проводилъ ее до дому.

И ужъ совсѣмъ по-другому, не какъ встрѣтя, Оля простилась съ нимъ — и это такъ само собой вышло.

А съ тѣхъ поръ всякій день Черкасовъ караулилъ Олю: онъ выстаивалъ часами, дожидаясь у воротъ или за угломъ, и всякій разъ провожалъ ее до дому:

онъ опять говорилъ ей, какъ ее любить, и какъ еще гимназистомъ, когда она была совсѣмъ дѣвочка, онъ въ первый разъ увидѣлъ ее въ церкви и съ первого взгляда полюбилъ ее, теперь онъ понимаетъ, и чего ни захотѣла бы она, онъ все для нее сдѣлаетъ.

И, какъ тогда лѣтомъ, въ глаза ему было жутко смотрѣть.

На Олю это страшно дѣйствовало и однажды она ему сказала, сама перемѣнившись, какъ когда-то въ Петербургѣ, когда онъ всякій вечеръ заходилъ къ ней:

— Лучше, я думаю, намъ никогда не встрѣчаться.

Отъ постоянного раздраженія — и такъ послѣ тюрьмы разстроенная — Олѣ стало чего-то страшно въ пустой квартирѣ у тетки, и она перебралась къ Нинѣ Мавлютиной.

Черкасовъ, вѣрно, уѣхалъ въ Бобровку — больше Оля его не встрѣчала.

Другая бѣда: всякій день къ Мавлютинымъ сталъ приходить студентъ Оводовъ — «Чуперадло» —

это такъ, какъ Фридь — Бѣдненкій, Ильина — Идеаль, Бордоносъ — Колода, а Оводовъ — Чуперадло.

Оводовъ не раздражалъ Олю, какъ Черкасовъ, но надоелъ съ разговорами ужасно. И не было минуты остаться вдвоемъ съ Ниной.

Олѣ хотѣлось, хоть послѣдніе дни, провести тихо и спокойно, и она упросила Елену Ивановну:

когда явится «Чуперадло», сказать, что ее дома нѣтъ.

Елена Ивановна согласилась. А чтобы все хорошо вышло, рѣшили, не предупреждая Олю, сдѣлать репетицію:

за Оводова звонила Катя, а отвѣчала сперва Елена Ивановна, потомъ стала Нина.

Оль это слышно — и разъ повѣрила и другой разъ повѣрила, а потомъ не обращаетъ вниманія, думаетъ: репетиція!

И вотъ слышитъ: и опять звонокъ — и голосъ Елены Ивановны:

— Оли нѣтъ дома.

А Оля, не придавая значенія, правда это или неправда, распахнула дверь и — отступила:

въ прихожей прямо противъ нея стоялъ «Чуперадло».

«Чуперадло», диковзглянуль на Олю, замоталъ головой и, бормоча какую-то ерунду, скрылся.

Елена Ивановна напустилась на Олю.

— Вы меня лгуньейставляете! Я больше никогда не буду за васъ. Какъ хотите, такъ и дѣляйте. А то я: «дома, говорю, нѣтъ». А вы тутъ — высунулись. Это невозможно.

Елена Ивановна очень сердилась.

И хотя Нина и Катя увѣряли, что Чуперадло ничего не замѣтилъ, но Оля-то была убѣждена, какъ и Елена Ивановна, что онъ видѣлъ и, должно быть, обидѣлся.

На другой день Овсдовъ пришелъ ужъ безо всякихъ.

Нѣтъ, онъ не обидѣлся, хуже:

— Я, кажется, схожу съ ума, — сказалъ онъ, — у меня начались галлюцинаціи: я всюду вижу васъ, вчера я заходилъ къ вамъ, говорятъ, нѣтъ дома, и вдругъ стѣна раздвинулась и вы появились на порогѣ. Я хотѣлъ крикнуть, а васъ ужъ нѣтъ. А сегодня, идю мимо каланчи, задралъ голову посмотрѣть и опять вы,

отчетливо вижу, но тутъ кто-то окрикнулъ, и все разсѣялось, никого нѣтъ.

— Вы не должны меня такъ часто видѣть, — сказала Оля.

А вечеромъ весь Мавлютинскій домъ помиралъ отъ смѣху: и кто больше смѣялся — Катя, Оля, Нина или сама Елена Ивановна.

Елена Ивановна пересердилась и готова была что-нибудь еще сдѣлать такое же для Оли.

Послѣдній вечеръ Оля провела съ Ниной.

Оля узнала отъ Нины такіе покидошенскія новости, какія не могла ей передать Марина:

Фридь — «Бѣдненькій» убѣжалъ съ женой за-границу; гостила Ильина и куда-то опять поѣхала, очень хвалила Олю за то, какъ въ тюрьмѣ себя гордо держитъ на допросахъ, и думаетъ, что Олю вышлютъ куда-нибудь на сѣверъ — въ Архангельскую губернію или въ Вологодскую, куда подальше, и одно ее смущаетъ, она боится, что изъ Оли не выйдетъ революціонерка до конца: «червь у нея есть мистическій и это помѣшаетъ!»

— Рашевскій изъ Сибири убѣжалъ, — рассказывала Нина, — и какъ вѣдь все вышло: добрался до самой границы — сколько мѣсяцевъ! — а тамъ его и арестовали; теперь назадъ по этапу идетъ, но не какъ Рашевскій, имя онъ скрылъ, а какъ бродяга Иванъ Непомнящій. Вотъ это настоящій революціонеръ!

— И опять убѣжить, — увѣренно сказала Оля.

— А какъ намъ — что дѣлать?

— Надо дожидаться приговора, — сказала Оля и словно чего-то не договорила, — и тогда рѣшить.

*

— — — Оля отворила калитку. И очутилась въ саду. И пошла по дорожкѣ къ дому. Дома за деревьями не видно — дорожка привела ее къ дому. Она растворила дверь и остановилась —

— — въ углу подъ лампадками у образовъ сидѣла старуха въ черномъ. Окна раскрыты: тихій теплый яркій день. И отъ яркости дня еще изможденнѣе и бледнѣй показалось лицо старухи. Старуха подняла глаза — о чемъ-то думала — глаза посмотрѣли на Олю такіе большіе и такой жгучей тьмой.

«Что ты, Оля, боишься, — сказала старуха, — или не помнишь?»

И по голосу Оля все припомнила: да вѣдь это бабушка княжны Шахъ-Булатовой! И въ памяти прозвучали слова, какъ тогда сказала старуха: «ты должна посвятить себя Богу — — »

«Ну, здравствуй, Оля, а я тебя какъ ждала! Когда-нибудь пожалѣешь».

«Я хочу жить по правдѣ!» — сказала Оля. И сдѣлала шагъ къ старухѣ -- — и костлявая рука старухи опустилась ей на плечо: пуды легли.

*

— — — по лугу шла Оля по цвѣтамъ. Тихій теплый яркій день. По дорогѣ яблоня въ цвѣту и въ каждомъ цвѣткѣ огненный язычокъ. И вдругъ по небу стая лебедей. И все ближе. И одинъ лебедь отдѣлился отъ стаи и прямо къ яблонѣ. Коснулся крыломъ,

и, вспыхнувъ, понесся вверхъ. И горящій
— крылатый огонь! — плыль по небу —
— И упаль.

*

Чуть разсвѣло — поѣздъ подошелъ къ Хомутамъ.
На станціи Олю встрѣтилъ Миша.

Оля отъ радости горѣла и, какъ когда-то, она всѣмъ
улыбалась; и не могла слова выговорить, спросить Ми-
шу, но сразу же почувствовала, что все, всѣ ждутъ
ее.

Вещи взялъ Миша на телѣгу — ихъ повезутъ от-
дѣльно. А Оля съ нимъ въ бричкѣ.

— Ну, какъ ты теперь? — спросилъ Миша.

— А на, посмотри!

Оля вынула изъ сумочки свернутую четвертушку
— свое «проходное» свидѣтельство:

— — — что Ольга Ильменева «обязана
нигдѣ не находиться, а въ случаѣ неиспол-
ненія этого требованія будетъ отправлена
по-этапу».

А въ особыхъ примѣтахъ значилось: «лицо
пріятное».

— Нигдѣ не находиться! — разсмѣялся Маша.

Оля усѣлась въ бричкѣ и смотрѣла по сторонамъ,
здоровалась: и съ тополями и съ тѣмъ безконеч-
нымъ полемъ, надъ которымъ сѣрый еще копошился
разсвѣтъ.

— А знаешь, Оля, — Миша подобралъ возжи, —
застрѣлился Черкасовъ.

И въ отвѣтъ — она почувствовала, какъ прошелъ
холодъ — и на мигъ все пропало и тополя и поле —
— — —

Оля глубоко перекрестилась.

Лошади тронулись —

безконечное поле!

А въ копошащій сѣрый разсвѣтъ чиркнулъ лучъ

— и все зашумѣло, и какая-то птичка зачивикала, неугомонная изъ всѣхъ шумовъ земли и травы, и всѣхъ ближе, птичка-пересмѣтушка.

1925.

Въ полѣ блакитномъ.....	7
Доля	133
Съ огненной пастью	209

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

1

КНИГИ ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ 1907-1921

- ПОСОЛОНЪ. Сказки. Съ рис. Н. П. Крымова. Изд. Золотое Руно. М. 1907.
- МОРЩИНКА. Сказка. Съ рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Шиповникъ. Спб. 1907.
- ЛИМОНАРЬ. Апокрифы. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Оры. Спб. 1907.
- ПРУДЪ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Сириусъ. Спб. 1908.
- ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Повѣсть. Съ рис. К. А. Сомова. (Изд. Сириусъ). Спб. 1908. Въ 25-и имен. экз.
- ЧАСЫ. Романъ. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Еос. Спб. 1908.
- ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Разказы. Обл. рис. М. В. Добужинскаго. Изд. Еос. Спб. 1908.
- РАЗСКАЗЫ. Изд. Прогрессъ. Спб. 1910.
- СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 8-ми томахъ съ портретомъ, рис. Маргарита Вас. Собашникова. Обл. рис. С. В. Чехонина. Изд. Шиповникъ-Сиринъ. Спб. 1910-1912.
- ПОДОРОЖІЕ. Разказы. Обл. рис. С. В. Чехонина. Изд. Сиринъ. Спб. 1913.
- ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказки. Обл. рис. С. В. Чехонина. Изд. Сиринъ. Спб. 1914.

- ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ.** Разказы. Обл. рис. С. В. Чехонина. Изд. Сиринъ. Пгр. 1915.
- ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.** Разказы. Съ рис. Н. К. Рериха. Изд. Отечество. Пгр. 1915.
- УКРѢПА.** Сказки. Обл. рис. Е. И. Нарбута. Изд. Лукоморье. Пгр. 1916.
- СРЕДИ МУРЬЯ.** Разказы. Изд. Сѣверные дни. М. 1917.
- НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ.** Сказанія. Обл. рис. С. В. Чехонина. (Изд. З. И. Гржебина). Пгр. 1917.
- НИКОЛА МЛЮСТИВЫЙ.** Николины притчи. Изд. Колось. (Коробейникъ № 10). Пгр.-М. 1918.
- РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.** Сказки. Марка рис. К. С. Петрова-Водкина. Изд. Скифы. Пб. 1918.
- СТРАННИЦА.** Повѣсть. Изд. Революціонная мысль. Пб. 1918.
- О СУДЬБѢ ОГНЕННОЙ.** Отъ словъ Гераклита. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Пгр. 1918.
- СНѢЖОКЪ.** Сказка. Съ рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Пгр. 1918.
- СИБИРСКІЙ ПРЯНИКЪ.** Сказки. Обл. рис. автора. Изд. Алконость. Пб. 1919.
- ЭЛЕКТРОНЪ.** Отъ словъ Гераклита. Обл. рис. автора. Изд. Алконость. Пб. 1919.
- БѢСОВСКОЕ ДѢЙСТВО.** Представленіе. Обл. рис. автора. Изд. ТЕО. Пб. 1919.
- ТРАГЕДІЯ О ІУДѢ.** Представленіе. Изд. ТЕО. Пб. 1919.
- ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ.** Театръ. Обл. рис. Ю. П. Анненкова. Изд. Алконость. Пб. 1919.
- ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ.** Театръ. Изд. Госиздатъ. Пб. 1919.
- ЗАВѢТНЫЕ СКАЗЫ.** Сказки. Изд. Алконость. Пб. 1920.
- ЦАРЬ ДОДОНЪ.** Сказка. Съ рис. Л. С. Бакста. Марка рис. Ю. П. Анненкова. Изд. Обезвѣлволпаль. (Алконость). Пб. 1921.
- ТИБЕТСКІЯ СКАЗКИ.** Заяшныя. Съ рис. Илена. Изд. Скифы. Чита. 1921.

КНИГИ ИЗДАННЫЯ ЗАГРАНИЦЕЙ

1921-1927

- ШУМЫ ГОРОДА.** Рассказы. Изд. Библиофилъ. Ревель. 1921.
- ОГНЕННАЯ РОССИЯ.** Слово. Изд. Библиофилъ. Ревель. 1921.
- ПОВѢСТЬ О СТРАТИЛАТОВѢ.** Изд. Русское Творчество. Берлинъ. 1922.
- СКАЗКИ ОБЕЗ. ЦАРЯ АСЫКИ.** Съ рис. В. Н. Масютина. Изд. Русское Творчество. Берлинъ. 1922.
- Ё.** Тибетскій сказъ. Изд. Русское Творчество. Берлинъ. 1922.
- ЧАКХЧЫГЫС-ТААСУ.** Сибирскій сказъ. Изд. Скифы. Берлинъ. 1922.
- ВЪ ПОЛѢ БЛАКИТНОМЪ.** Повѣсть. 1 часть. Обл. рис. А. Ариштама. Изд. Огоньки. Берлинъ. 1922.
- РОССИЯ ВЪ ПИСЬМЕНАХЪ.** Обл. рис. В. Н. Масютина. Изд. Геликонъ (А. Г. Вилиняка). Берлинъ. 1922. т. I.
- АХРУ.** Петербургская повѣсть. Съ рис. В. Н. Масютина. Изд. З. И. Гржебина. Берлинъ. 1922.
- КРАШЕННЫЯ РЫЛА.** Театръ и книга. Изд. Грани. Берлинъ. 1922.
- ПЪТУШОКЪ.** Повѣсть. Изд. Мысль. Берлинъ. 1922.
- ТРАВА-МУРАКА.** Сказанія. Обл. рис. автора. Изд. С. Ефронъ. Берлинъ. 1922.
- МАРА.** Рассказы. Изд. Эпоха. (С. Г. Каплуна). Берлинъ. 1922.
- ПЛЯСЬ ПРОДІАДЫ.** Свитокъ. Съ рис. Н. Исцѣленного. Изд. Трирема. Берлинъ. 1922.
- КОРЯВКА.** Повѣсть. Изд. Е. А. Гутнова. Берлинъ. 1922.
- БЕЗПРИЮТНАЯ.** Повѣсть. Изд. Е. А. Гутнова. Берлинъ. 1922.
- ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТНОЕ.** Сказка. Съ рис. А. С. Смирнова. Изд. Книжный кустарь. Берлинъ. 1922.

- РУСАЛИЯ. Театръ. Обл. рис. Н. В. Зарѣцкаго. Изд. З. И. Гржебина. Берлинъ. 1923.
- КРЕСТОВЫЯ СЕСТРЫ. Романъ. Обл. рис. Н. В. Зарѣцкаго. Изд. З. И. Гржебина. Берлинъ. 1923.
- ПЯТАЯ ЯЗВА. Романъ. Обл. рис. Н. В. Зарѣцкаго. Изд. З. И. Гржебина. Берлинъ. 1923.
- КУКХА. Розановы письма. Изд. З. И. Гржебина. Берлинъ. 1923.
- СКАЗКИ РУССКАГО НАРОДА. I. Докука и балагурье. Обл. рис. Н. В. Зарѣцкаго. Изд. З. И. Гржебина. Берлинъ. 1923.
- ЗВЕНИГОРОДЪ ОКЛИКАННЫЙ. Николины притчи. Обл. рис. автора. Изд. Алатасъ. Парижъ-Нью-Йоркъ. 1924.
- ЗГА. Волшебные рассказы. Обл. рис. автора. Изд. Плама. Прага. 1925.
- ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ. Эпопея (1917-1921). Изд. Таир. Парижъ. 1927.
- ОЛЯ. Повѣсть. Съ рис. В. Н. Скоропадскаго. Изд. Вол. Парижъ. 1927.

КНИГИ ПОДГОТОВЛЕННЫЯ КЪ ПЕЧАТИ

- РОВЪ ЛЬВИНЫЙ. Романъ.
- УШЕНЪ (ШАКАЛЬ). Сказъ кабилъскій.
- ЗВѢЗДА-НАДЗВѢЗДНАЯ. Апокрифы.
- ПЛЕТЕШОКЪ. Сказанія.
- ВЕРЕНИЦА. Рассказы о дѣтяхъ.
- БѢДОВАЯ ДОЛЯ. Сны.
- ИЛЬЯ ПРОРОКЪ. Свитокъ.
- ДЫШЛОМЪ. Рассказы 1923-1926.
- СКАЗКИ РУССКАГО НАРОДА. II. Русскія женщины.
- ПРУДЪ. IV-ая редакція.
- ПОСОЛОНЪ. III-ья редакція.

«ОЛЯ» переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій. По нѣмецки и по французски первыя двѣ части; по англійски — три, называется «Olga», переводъ Alec Brown.

«In blauem Felde». Uebers. v. Käthe Rosenberg. S. Fischer Verlag. Berlin. 1924.

«Sur le champ d'azur». Trad. par Jean Fontenoy. Ed. Plon-Nourrit. Paris.

IV-ая часть, которую назову «Сѣра-космата», подготавливается.

КНИГИ КН-а «ВОЛ», ПАРИЖЪ

ВЛАДИМИРЪ ДИКСОНЪ, Листья.

ВЛАДИМИРЪ ПЕРЦОВЪ, Стихи.

**ГЕОРГІЙ ШКЛЯВЕРЪ, Трилистникъ (Критическія
статьи).**

ВАСИЛІЙ КУКОВНИКОВЪ, Щупъ и цапля (Басни).

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ, Оля.

